

ЮНОСТЬ

8

1964

А. БАКАРЯН. В армянском селе.

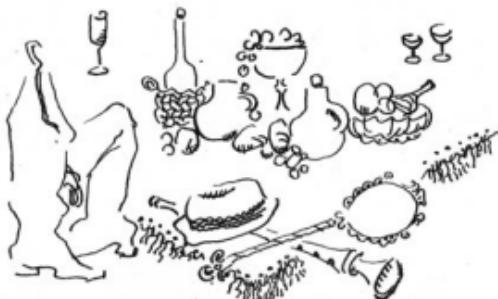
В. ЗАРЕЦКИЙ. Оксана.

С. МАРШАК

Умные вещи

Рисунки
В. Свешникова.

Действующие лица

МУЗЫКАНТ.
ЕГО НЕВЕСТА (она же Эхо).
СТАРУХА — бабушка невесты.
СТАРИК-КНИГОНОША.
СТАРИК, хозяин «умных вещей».
ЕГО ПОДРУЧНЫЙ.
РЫЖИЙ ПОРТНОЙ.
ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ.
БАРИН.
БАРЫНЯ.
ИХ ДОЧКА, девочка лет пятнадцати.
СТАРЫЙ ЛАКЕЙ.
МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ.
ЦАРЬ.
ЦАРИЦА.
ПОЖИЛАЯ ФРЕИЛИНА.

НАСЛЕДНИК.
КАНЦЛЕР (старик).
КАМЕРДИНЕР.
МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ.
ГЕНЕРАЛ.
ПРИВРАТНИК.
САДОВНИК.
СТАРЫЙ СОЛДАТ.
МОЛОДОЙ СОЛДАТ.
НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ.
ПОВАР.

Эпизодические персонажи:
солдаты, барабанщик, торговцы на ярмарке, музыканты.

Сказка-комедия печатается здесь в том варианте, в каком она ставится на сцене Государственного Академического Малого театра Союза ССР.

Пролог

Перед занавесом появляются двое бродячих портных — Черный и Рыжий.

РЫЖИЙ.

Ну что ж, начнем?

ЧЕРНЫЙ.

Постой, постой!

Не принять спектакли

На сцене голой и пустой

Разыгрывать. Не так ли?

Сейчас дадут на сцену свет,

А ничего пока там нет!

(Строго)

Скажи администрации,

Что нам необходимы

Костюмы, декорации

И бороды для грима!

РЫЖИЙ.

В сегодняшнем

Спектакле

Все бороды

Из пакли,

А царская корона

Из лучшего картона!

Мы для спектакля не должны

Из камня строить стены.

Они совсем и не нужны

Для сказки и для сцены.

Не нужно нам и дорогой,

Тяжелой обстановки,—

Пускай картина за другой

Идут без остановки.

К чему нам бархат и атлас,

Сияющие краски,—

Суть чувства светится у нас

Во время хода сказки!

Действие первое

Картина первая

Городская площадь. Ярмарка.

МУЖСКОЙ ГОЛОС.

Чашки, блюдца!
Никогда не бываются!

ДРУГОЙ ГОЛОС.

Чайники, кофейники,
Медные онейники!

ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА.

Шелковые шали!
Сами вышивали!
Разноцветная кайма,
Золотая бахрома!

ХРИПЛЫЙ И НИЗКИЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС.
Годовалую свинью
За бесценок отдаю!
Кабана хорошего!
Продаю задешево!

КНИГОНОША (коренастый, еще крепкий старик с небольшой бородкой. Он стоит у столика с книжками). Сказки, сказки! Потешные и поучительные! «Фомка-дурак и его жена», «О мудрой девице и о семи разбойниках», «Сказание о царе Александре Македонском», «Похороны козла»... .

Книгоношу заглушают голоса других торговцев.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС.

Певчие птицы!

ВТОРОЙ.

Набивные сиццы!

ТРЕТИЙ.

Вот посуда глиняная

Из села Малинин!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приники, коврижи!

Пироги и пышки

С пылу, с жару,

Пятачок за пару!

КНИГОНОША. Ну и орут, глотки дерут! Не перекричать их... (Громко). Книжки, книжки ложке и смычке! Малым поучение, старым развлеченьем

К столику подходят двое портных — Рыжий и Черный. Оба внимательно разглядывают обложки дешевых книжек, обмениваясь восхищениями, выражавшими удивление, любопытство, восторг: «Иши ты!», «Ох ты!», «Ух ты!»

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Дозволь, почтенный, картины в книжках посмотреть.

КНИГОНОША. Смотри.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ (перелистывает книжки). Ну и чудеса! И во сне такое не привидится... Да только много ли правды в твоих сказках, или все нарочно придумано?

КНИГОНОША. А ты купи книжку, тогда и узнаешь.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Отчего же не купить? Да вот беда, очков нет!

КНИГОНОША. А тут печать крупная. И без очков прочтешь.

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Да мы ни крупной, ни мелкой не разбираем. Грамоте не обучены.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Читать не умеем, а писать — пишем.

КНИГОНОША. Как же это так?

РЫЖИЙ. А мы мелом пишем. На штанах. Мы портные.

КНИГОНОША. Ну, шутники же вы оба! А может, купите все-таки какую-нибудь книжонку позававнее? Найдите грамотея, он вам и почитает вслух. Вот, к примеру, прелюбопытная история «Про мужа Фильку и жену Химку». А вот «Как лоп теленка родил...»

ЧЕРНЫЙ. Да ведь мы и сами сказки рассказывать мастера!

РЫЖИЙ. Угодно послушать? Только рассказываем мы вдвое, на два голоса. А врозь у нас не получается.

КНИГОНОША. Ну, ладно. Рассказывайте, да по-короче. А то я, с вами болтая, ни одной книжки не продам.

ЧЕРНЫЙ. Самую-самую коротеньку. Про двух портных — про него и про меня.

РЫЖИЙ. Нет, про меня и про него.

Становятся рядом и начинают нараспив.

ЧЕРНЫЙ. На свете жил один портной.

РЫЖИЙ. А рядом жил другой.

ЧЕРНЫЙ. Один работал по утрам.

РЫЖИЙ. Другой — по вечерам.

ВМЕСТЕ. Тарарапром, тарарапром,

Другой — по вечерам.

ЧЕРНЫЙ. Известно всем, что свет дневной
Не стоит ни гроша.

И потому один портной

Работал не спеша.

РЫЖИЙ. Зато другой всегда спешил,

И, верно, потому

Чужие брюки он пришил

К жилету своему...

КНИГОНОША. Что ж, складно, ничего не скажешь. Ну, благодарствуйте. А теперь, люди добрые, идите по своим делам, коли они у вас есть, а я своим делом займусь.

РЫЖИЙ (*Черному вполголоса*). Слушай, брат, у тебя деньги при себе?

ЧЕРНЫЙ. При себе.

РЫЖИЙ. Сколько?

ЧЕРНЫЙ. Ну, два пятака найдутся. А зачем?

РЫЖИЙ. Совсемко так уходить, ничего не купишь.

ЧЕРНЫЙ. Да я горло промочить хотел. С утра во рту маюковы росинки не было.

РЫЖИЙ. Ничего, у меня ю́д две росинки найдутся. И у тебя подкладке, верно, что-нибудь завалось. (*Книгоношке*). Дай-ка нам, почтенный, те две книжинки, про какие давеча говорил. Только сам и отмыши их, а то для нас на всех книжках одно и то же напечатано.

КНИГОНОША. Извольте. Покорно благодарим за почин!

Портные удаляются. К столику подбегает девица лет 15—16, одетая, как подросток. За нею медленно и степенно подходит ее родители: нарядно, но лестно разраженная леди и высокий, плотный мужчина, гладко выбритый, с подстриженными усами. На нем мягкая зеленая шляпа с перышком и темно-зеленый костюм вроде охотничьего — короткие штаны и длинные чулки. За ними следует пожилой Лакей с бакенбардами, без усов.

ДОЧКА (*вороша книги на столике*). Ах, какие интересные и красивые сказочки! Я еще таких не видела... Вот какой-то дяденяка на коврике летает. А вот гуси хорошенюю-хорошенью девушку на крыльях несут... А что, все это на самом деле бывает?

БАРИН (*хмуро*). Что бывает?

ДОЧКА. Ну то, что на картинках нарисовано.

БАРИН. Сама не знаешь, что спрашивашь! Прото, что на самом деле бывает, печатают в настоящих, порядочных книгах с переплетами, а не в этих грошовых книжонках!

ДОЧКА. А мне сказки большие нравятся... Можно купить вот эту — «О мудрой девице и семи разбойниках»?

БАРИН. Сама ты мудрая девица! Вот только разбойников на тебя пока еще не нашлось.

ДОЧКА. А что, мне еще рано это читать?..

БАРИН. Поздно.

ДОЧКА. Почему поздно? Книжки такие замечательные! Вот сказка про шапку-невидимку, про скатерть-самобранку... До чего же интересно! Можно их купить?

БАРЫНЯ. Пусть купят, если ей нравится. Ведь сказки эти такие дешевые!

БАРИН. В том-то и дело, что дешевые, базарные книжки, лакейское чтение!

При этих словах Лакей мастероживается.

БАРИН. И в кого только она пошла, наша базарыша! То от какой-то яркой ленты глаз оторвать не могла, то ей нестрем сидеть голову изброжили, а теперь на дурацкие книжки набросилась.

КНИГОНОША. Простите меня, сударь, но напрасно вы мои книжки хулите. Их иной раз даже ученые люди, профессора читают и хвалят. Народным творчеством, или — как это по-ученому? — фольклором, называют. Вот возьмите две-три на пробу да сон грядущий почитайте.

БАРИН. Нет уж, пускай их ученые умники да глупые девчонки читают! (*Жене и дочери*) Пойдем дальше.

Когда господа скрываются в толпе, к столику с книгами украдкой подходит Лакей, молча выбирает одну книжку в яркой обложке, потом другую, платит деньги и удаляется.

ГОЛОСА ТОРГОВЦЕВ. Покупай китайский чай! Говорящий попугай!

Куры, гуси, утки!

Несутся трижды в сутки.

ПЕРВЫЙ ТОРГОВЕЦ ИГРУШКАМИ.

Эй, мамаша и папаша,

Покупайте куклы наши!

Чуть надавишь на живот —

Кукла маму назовет!

ВТОРОЙ. Продаю для детворы Разноцветные шары!

ТРЕТИЙ. Развлечься!

Че хотите ль?

Американский Житель,

Настоящий янки,

Плавающий в банке!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Эй, ребята, подходи, Покупай «Уайд, уайд»!

После небольшой паузы к столику с книгами подходит Музыкант, молодой человек, почти юноша. Он долго роется в книгах, взывает одну и положит на место, потом другую, третью.

КНИГОНОША. Что, никак выбрать не можешь?

МУЗЫКАНТ. Да я все бы взял, кабы у меня деньги были!

КНИГОНОША. Вот горе какое!.. У кого денег нет, тот все ве книжки купил, а у кого деньги есть, тот на них и смотреть не хочет.

МУЗЫКАНТ. Нет, у меня деньги есть, а только надо мне еще кое-что купить. Да у вас на ярмарке все molto дорого, к чему ни прищенишься.

КНИГОНОША. А ты скажи, что тебе нужно. Может, я посоветую, где подешевле достать. Ведь я здесь, почитай, всех продавцов знаю. С кем чай пьешь, с кем табачком дымишь.

МУЗЫКАНТ. Зеркальце мне нужно... Знакомая просила... И каких только зеркал мне здесь не показывали — и двусторчатые, и трехсторчатые, и в серебряной оправе, и в костяной, и в деревянной!

А только все мне не по карману.

КНИГОНОША. Ну, ладно, парень. Я тебя к такому человеку сведу, что лишнего с тобой не возьмет. А пока выбирай книжки.

МУЗЫКАНТ. Которую же мне взять? Пожалуй, эту — «Гусли-самогуды»... И еще «Про чудесную дудочку»... И эту — как она называется? — «Скрипач в аду».

КНИГОНОША. Ты все с музыкой сказки выбираешь. Видно, сам музыкант?

МУЗЫКАНТ. Нет, музыкантом меня только про-

звали, я по плотницкой части работаю. А играю то на вечеринке, то на свадьбе — так, самоучкой. Что услышу, то и перейму.

КНИГОНОША. Значит, ты и швец, и жнец, и на дуде игрец? Ну, ладно, я тебе книжки за полцены уступлю. Из всех покупателей ты один не спрашивал, правду или неправду мои сказки говорят. Бери, какие хочешь, а после обеденного часа опять приходи. Пойдем с тобой зеркальце покупать.

МУЗЫКАНТ. Спасибо, приду.

Картина вторая

Лавка без передней стены (открытая зрителю). Она вся увешана коврами. На вывеске большими буквами написано: «УМНЫЕ ВЕЩИ». Подходит Книгоноша и Музыкант.

КНИГОНОША. Вот мы и пришли. Здесь ты зеркальце для своей знакомой купишь, а может, и еще что-нибудь приглядишь.

МУЗЫКАНТ (читая вывеску). Ишь ты, «Умные вещи»... И людей-то умных не так-то часто встречаешь, а тут, гляди, вещи умные! Любопытно посмотреть...

КНИГОНОША. Посмотришь, успеешь.

Откуда-то из глубины лавки выходит Старик, высокий, слегка согбенный, с длинной, белой, позеленевшей от времени бородой. На нем круглая шапочка и халат, расшитый серебром и золотом. За Стариком выходит человек лет тридцати, статный, со строгими чертами лица — это подружка Старика, Продавец.

КНИГОНОША (Старшку и Продавцу). Здравствуй, хозяин. Здорово, друг. Вот я вам покупателя привел. С его легкой руки у меня нынче торговля бойко пошла. А嫂ы, он и вам счастье принесет.

Старик молча и степенно кланяется.

ПРОДАВЕЦ. Милости просим, гости почтенные! Чем услугу можно?

КНИГОНОША. Вот ему зеркальце нужно, да не слишком дорогое. Найдется у вас?

СТАРИК (слухом и тихим голосом). У нас все найдется.

КНИГОНОША. Ну так будьте здоровы. Пойду и я торговаться. (Уходит.)

МУЗЫКАНТ (с интересом оглядывая лавку). Дозвольте спросить, какие такие умные вещи у вас продаются? Мне они, конечно, не по карману, а узнать любопытно.

СТАРИК. Что ж, за спор денег не берут. (Продавцу.) Пожал-ка ему, братец, наш товар.

ПРОДАВЕЦ. Отчего же не показать? Все покажем. Вот, милый человек, скатель-самобранка.

МУЗЫКАНТ. Самобранка? Настоящая? А я, признаться, думал, это сказка...

ПРОДАВЕЦ. Сказка есть. Только скажи ей «Развернись» — она тебя накормит и напоит. А это салоги-скороходы. Ты в них за день раз десять всю землю кругом обежишь и вечером домой вернешься.

МУЗЫКАНТ. Чудеса, да и только!

ПРОДАВЕЦ. Чудеса есть. А вот шапка-невидимка. Наденешь ее — и тебя видно не будет.

МУЗЫКАНТ. Прямо сказать, удивительно! А если можно, позвольте еще спросить...

СТАРИК. Спрашивай.

МУЗЫКАНТ. Вот и все думаю и никак понять не могу: зачем вы эти чудесные вещи продаете? Коли у вас есть скатель-самобранка да салоги-скороходы, так вы и без торговли безбедно прожить можете.

Ешь-пей задором да гуляй себе в сапогах-скороходах по городам и селам, по горам и долам. А захотел от злого глаза укрыться — шапочку наден...

СТАРИК. Нет, парень, наши умные вещи должны быть свету странствовать, из рук в руки переходить. А ежели мне их для себя в сундуке держать, так они свой ум и свою силу потеряют. Самобранка простой скателью станет, скороходы — простины сапогами, а шапка-невидимка своей невидимости лишится.

МУЗЫКАНТ. Вон оно что!.. Ну, а у того, кто эти вещи купит, они навсегда останутся или как?

СТАРИК. Нет, не навсегда. У одного они подолгу гостят, а у другого и дня не проживут. Глупому умные вещи ума не прибавят. Понял?

МУЗЫКАНТ. Как не понять, а только больно хитро все это.

СТАРИК. Еще бы не хитро! Ну, что ж тебе еще показать? (Продавцу.) А ну-ка, брат, где тут у нас великолепные зеркальные и дудка-самогудка?

ПРОДАВЕЦ. Вот, извольте. Зеркальце у нас хоть и маленько, а тоже умное. Говорящее.

Музыкант осторожно берет в руки зеркальце. Раздается легкий звон, а потом еле слышные слова.

ЗЕРКАЛЬЦЕ. Эхи, беня, дуно, жес —
Светит солнышко с небес.
Я, как солнышко, горю,
Людям правды говорю.

МУЗЫКАНТ. Ну, скажи и мне правду.

ЗЕРКАЛЬЦЕ (тихо). Возьми меня, я тебе в беде пригожусь...

МУЗЫКАНТ. Эх, взял бы я, да не знаю, сколько за тебя спросят... Ведь тебе и цены нет!

ПРОДАВЕЦ. Ничего, как-нибудь сторгнемся! А пока на дудку-самогудку взгляни. Она с виду хоть и простенькая, а тоже волшебная — говорящая. А играет чище и звонче всех дудок на свете.

МУЗЫКАНТ. Сама играет?

СТАРИК. На то она и самогудка. А все же музыкант ей нужен. Без него в ее песне души не будет. Может, попробуешь сыграть на ней?

МУЗЫКАНТ. Да какой же я музыкант? Играю для себя самого, для своего удовольствия.

СТАРИК. Ну и на нашей дудочке так скригай. Для себя, для своего удовольствия,— тогда и других порадуешь.

Музыкант прикладывает дудку к губам. Она издает красивый и сильный звук.

МУЗЫКАНТ. Да неужто это я занграл?

ПРОДАВЕЦ. А то кто же? Играй, играй. Сейчас самогудка с тобой вместе и петь будет.

Дудка играет веселый мотив, а потом и поет. Люди на ярмарке приготыпают, проплясывают и, наконец, пускаются в пляс.

МУЗЫКАНТ (играет и поет).

Как послушаешь дуду,
Позабудешь про беду.
В самогудку станешь дуть —
Ноги сами в пляс идут!
Эх, дудка-дуда,
И туда
И сюда!..

(Быстрее, скороговоркой.)

Во городе во Муроме
Петух подрался с курами.
Козлу отстригли бороду.
Пошел козел по городу.
Козлу не до смеха,
А нам зато потеха...
Эх!

Переходит на грустный мотив. Люди на ярмарке перестают плясать, пригорюниваются, плачут.

Что, кукушечка, кукушеш?
Что ты, мылый мой, тоскуюш?
В самогудку станешь дуть —
Слезы горькие идут..
(Заливается)
Хоть пой, хоть плачь.
Хоть вплавь, хоть вскачь!..

СТАРИК. Хорошо играешь, парень. Слышится тебе моя дудка. Сколько раз я ее слыхал, а и меня слеза прошибла. Ну, так и быть, бери и дудку и зеркальце, коли они тебе по душе пришли.

МУЗЫКАНТ. А какая им цена, дедушка?

СТАРИК. Ты же сам сказал, что этим вещам и ценят не знат. Да я тебе их тоже не навсегда даю, а на время. Владей ими год, а там увидим.

МУЗЫКАНТ. Уж не знаю, как и благодарить вас!

СТАРИК. За такие вещи не благодарят. Может, они тебе радость, а может, и горе принесут.

Входят портные Рыжий и Черный.

ЧЕРНЫЙ. Здорово, хозяева! Это у вас тут на дудке играли?

ПРОДАВЕЦ. У нас.

РЫЖИЙ. Отчего ж так рано играть перестали? Я и наплакаться не успел.

ЧЕРНЫЙ. А я — наплакаться.

ПРОДАВЕЦ. Да ведь это же волшебная дудка-самогудка играла. На нее управы нет. Захочет играть — играет, а не хочет — молчит.

РЫЖИЙ. Волшебная, говоришь?

ПРОДАВЕЦ. У нас в лавке все волшебное. Может, пожелаете что-нибудь купить? Вот скатерть-самобранка, вот сапоги-скороходы.

ЧЕРНЫЙ. Ты не шутишь?

ПРОДАВЕЦ. Зачем шутить?

ЧЕРНЫЙ (Рыжему). Видишь, брат, не все сказки врут. (Продавцу.) Ну, скороходы нам, портным, пожалуй, ни к чему, а самобранку мы бы взяли, кабы деньги были.

РЫЖИЙ. А есть ли у вас, приятель, иголка-самовязка или, может, ножницы-самокройщицы?

ПРОДАВЕЦ. Нет, таких не держим.

РЫЖИЙ. А утюг-самопых?

ПРОДАВЕЦ. Тоже нет,

РЫЖИЙ. Ну и хорошо, что нет. Ведь и денег у нас нет. Мы на ярмарке весь свой капиталтратили. ЧЕРНЫЙ. А посмотреть на ваши волшебные вещи можно? Ведь не каждый же день их увишишь! ПРОДАВЕЦ. Смотрите. Для того товар и выставлялся.

Портные молча, со все возрастающим любопытством оглядывая вещи. Только изредка не могут удержаться от воскликнов: «Гляди-ка, гляди!.. Батюшки мои!..» В лавку входит господская семья с Лакеем. Музикант дает им дорогу. Портные отходят в сторону.

БАРЫНЯ. Это что здесь, магазин случайных вещей?

ПРОДАВЕЦ. Умные вещи, сударыня. Случайных не держим.

БАРИН. Тоже выдумают — умные вещи! Ну, покажите-ка!

ПРОДАВЕЦ. Отчего не показать? Вот, сударь, сапоги. Вот, сударыня, скатерть.

БАРЫНЯ. Ну, скатерть у меня полны сундуки. А сапоги как-то старомодные...

ПРОДАВЕЦ. Нет, сударыня, такой скатерти и таких сапог еще не видали.

БАРЫНЯ. А что в них особенного?

СТАРИК (Продавцу). Покажи им! (Подает знак Продавцу.)

ПРОДАВЕЦ. А ну-ка, скатерть-самобранка, развернись!

ДОЧКА. Скатерть-самобранка!. Как интересно!..

На скатерти появляется множество блюд: жареные гуси, цыплята, поросыта, всяческая рыба, пирожки, вина в графинах, мед, яблоки, орехи, пряники. От жареных гусей и цыплят идет пар. Господа, Лакей и портные застыают на месте в изумлении.

ДОЧКА. Вот видите, а вы говорили, дурацкие сказки!

БАРИН (Дочке). Помолчи!.. (Продавцу.) И все это на самом деле или только кажется?

ПРОДАВЕЦ. Извольте нашего кушанья отведать!

БАРИН (вынимает рюмку вина, закусывает крьышком цыпленка, вытирает усы). Представьте себе, очень вкусно. Отлично приготовлено!

БАРЫНЯ. Заверните-ка нам эту скатерть! (Мужу тихо.) Завтра же я рассчитаю всех наших поворов и кухарок. Они так много едят, а еще больше крадут.

БАРИН (выпивает еще одну рюмку и закусывает). Пожалуйста, не рассчитывай на скатерть-самобранку. Я буду брать ее с собой на охоту!

ПРОДАВЕЦ. Ну-ка, скатерть-самобранка, свернись!

Яства исчезают. Скатерть сворачивается.

БАРИН (деловито). А что за башмаки у вас? Тоже какие-нибудь необыкновенные?

ПРОДАВЕЦ. Сапоги-скороходы, судары.

ДОЧКА. Вот видите! А вы говорили...

БАРИН. Сказано тебе, помолчи!.. (Продавцу.) А сапоги эти надо бы сначала примерить.

ПРОДАВЕЦ. Пожалуйста, примерь.

БАРИН. Нет, сам я мерить не стану... Кто их знает, эти волшебные вещи!.. (Лакею.) Ну-ка, братец, примерь!

ЛАКЕИ. Слушаю-с! (Разуваются, осторожно натягивают сапоги-скороходы и вдруг, несмотря на свой почтенный возраст и присущую ему степенность, срывается с места и опрометью выбегает из лавки.)

БАРИН. Куда ж это мой человек убежал?
ПРОДАВЕЦ. Не беспокойтесь, сударь, он разок другой кругом света обежит и назад вернется. Сапоги эти умные, они сами дорогу знают.

БАРЫНЯ. А я пока шапочку вашу примерю.
ДОЧКА. А можно и мне примерить?

БАРИН. Тебе еще рано!
ДОЧКА (со слезами в голосе). Вот всегда так: то поздно, то рано...

БАРЫНЯ (держа шапку-невидимку в руках). Прелестная шапочка! Только к лицу ли она мне будет?

СТАРИК. Она всем в лицу.

БАРЫНЯ. А нет ли у вас зеркала?

ПРОДАВЕЦ. Есть зеркальце, волшебное, говорящее. Только оно уже продано. Вот этому молодому человеку.

БАРЫНЯ. Мне ведь только посмотреть на себя в шапочке.

ПРОДАВЕЦ. Извольте! (Передает ей зеркальце.) Барыня, еще не надев шапочки, смотрится в него, поправляет прическу. Раздается легкий звон, а потом чуть слышимые слова:

Раз, два, три, четыре, пять...
Что на зеркало пянять!

БАРЫНЯ (сердито). Что такое оно болтает? Маленьковое, а такое дерзкое! Не надо мне говорящих зеркал. Дайте обыкновенное, которое молчит!

ПРОДАВЕЦ. Извините, сударыня, молчаливых зеркал у нас нет,

БАРЫНЯ. Ну я и без зеркала примерю.

ПРОДАВЕЦ. Пожалуйста, сударыня. А когда сноша пожелает видимой стать, поверните шапочку задом наперед.

Барыня надевает шапку-невидимку и сразу исчезает.

ГОЛОС БАРЫНИ. Ну как, идет она мне?..

БАРИН (растерянно оглядывается). Как тебе сказать... Я что-то не разберу. Да где же ты?

БАРЫНЯ. (с испугом). Мамаша! Где вы?..

ДОЧКА (испуганно). Мамаша! Где вы?..

БАРЫНЯ. Да здесь, рядом с тобой. Дай руку!
ДОЧКА. Нет, боюсь!..
БАРЫНЯ. Вот глупая! Ну, сейчас увидишь меня. (Поворачивает шапку задом наперед и появляется снова.) Заверните мне, пожалуйста, эту шапочку. В шляпе я буду ездить, куда приглашают, а в шапочке — куда не приглашают.

В лавку возвращается Лакей. Он и здесь не может остановиться и чуть не налегает на стену.

ПРОДАВЕЦ (громко). Стой, остановись, назад оглянись!..

Лакей останавливается. Тяжело дыша, снимает с ног сапоги-скороходы и снова надевает свои.

БАРИН. Где же ты, братец, побывал?

ЛАКЕЙ. Барин, ваше сиятельство! Я и сам не знаю... Кажись, все царства, все государства обежал,

а ничего не видел. Да разве увидишь что, когда без передышки, пуль не сешься!..

ПРОДАВЕЦ. Зачем же без передышки? Ты бы сказал: «Стой, остановись, назад оглянись!» — вот и все. Сапоги мы и остановили.

ЛАКЕЙ. Что же вы раньше мне этого не сказали!

БАРИН. А как же ты через реки, моря и океаны перебирался?

ЛАКЕЙ. Одним махом перелетал.

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Вот бы нам такие сапожки! От заказчиков бегать, коли заказ не готов!

БАРИН (*Продавцу*). Так вот что, малый. Мы брем все ваши умные вещи.

БАРЫНЯ. Кроме зеркальца!

ДОЧКА. Нет, и зеркальце тоже! Пожалуйста!

ПРОДАВЕЦ. Зеркальце уже продано.

БАРИН. Ну, заверните всё, что мы берем. (*Смотрит на золотые часы*) Да поскорей! У нас времени нет.

СТАРИК (*встает с места*). Постойте, господа хорошие. Прежде чем деньги получить, я вам на прощание два слова скажу.

БАРИН (*негерцово*). Какие там два слова?

СТАРИК. Вот послушайте. Умными вещами не хватается, во зло людям их не обращайте и никому не продавайте. Да помните: умные вещи умного обращения требуют...

БАРИН. Хватит, старик, довольно. Что ты учить нас вздумали! Торгуй себе, да деньги получай... Ну, а где та дудка, на которой кто-то играл здесь?

СТАРИК. Дудка продана.

БАРИН. Кому?

ПРОДАВЕЦ. Тому, кто играл на ней. Вот этому молодому человеку.

БАРИН. Ну, он мне уступит! Уступиши, парень?

МУЗЫКАНТ (*пожмавши плечами*). Я, барин, дудаки не торгую... А эта покамест не моя. Я за нее еще и денег не платил.

БАРИН. Тем лучше. Сколько стоит дудка? (*Старик*) Я заплачу, сколько ни попросишь!

Старик молча усаживается на высокий табурет.

БАРИН. Так сколько же стоит дудка?

СТАРИК. Она уже продана.

БАРИН (*повышив голос*). Советую тебе не упрятаться!

Старик молча курит трубку.

БАРИН. Со мною лучше не спорить!.. Ежели я рассерусь, так от всей лавки твоей и следа не останется!

СТАРИК (*отворачиваясь*). Все может быть.

БАРИН. Ты думаешь, я шучу с тобой?.. (*Лакею вполголоса*) А ну-ка, сбегай да приведи сюда...

СТАРИК (*выпрямляясь во весь рост*). А ты дума-

ешь, я шучу?! Ну, вспомнишь еще меня!.. Раз, два, три!

Грохот и звон. Старик, его подручный и вся лавка мгновенно исчезают. Остается только высокий табурет и на нем дымящаяся трубка.

ДОЧКА. Ах, посмотрите! В самом деле, и следа не осталось...

БАРЫНЯ (*озираясь*). Куда же девался этот старик?

БАРИН. А чорт его знает, колдуна этого!

БАРЫНЯ. Мы же ему еще и денег не заплатили...

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Чудеса, да и только!

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Будто во сне все пришлилось!

МУЗЫКАНТ. И вправду, будто во сне...

БАРЫНЯ. Ну, все равно... Хорошо, что вещи на месте остались. (*Лакею*) Послушай, заверни их по-лучше — и шапочку, и скороходы, и скатерть... И эту саблю...

БАРИН. Не саблю, а меч.

БАРЫНЯ. Ах, это одно и то же... Заверни и в карету отнеси!

ЛАКЕЙ. Слушаю-с!

Портные и Музыканта собираются уходить.

БАРИН. Нет, стой! Отдай мне дудку! Ведь она не твоя. Она тебе даром досталась.

МУЗЫКАНТ (*услыхаясь*). Да ведь и вы за свои вещи не дороже заплатили!

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ (*смеется*). Ловко отрезал!

ЧЕРНЫЙ. Славно отрезал!

БАРИН. Он вор! Он у нас дудку украл! Отдавай сейчас же!

МУЗЫКАНТ (*услыхаясь*). Возьмите! (*Ныряет в толпу*)

Барин, Барыня, Дочка и Лакей бросаются за ним криками: «Держите, держите вора!». В толпе на смешливо на все лады повторяют: «Держите вора!».

Но никто не трогается с места.

ГОЛОСА. Что, что украли? Кто что у кого украл?

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. У барина рукава от жилетки!

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. У барыни шлейф от жакетки!

ПРОДАВЦЫ. Чайники! Кофейники!

Медные орешники!

Халва, изюм!

Рахат-лукум!

Покупайте сбрую!

Ситцами торгую!

Пряники, ватрушки!

Детские игрушки...

Картина третья

Солнце склоняется к закату. Дорога среди полей. По ней идут люди, возвращающиеся домой с ярмарки; кто несет новые ведра, кто блестящую глиняную посуду, кто поросятка под мышкой, кто гуси, кто птицы в клетке.

Несколько домиков у дороги. Один домик — самый маленький — чисто выбелен. Ставни и наличники свежевыкрашены. Вокруг дома цветы. Старуха и молодая девушка — ее внучка — моют стекла.

По дороге, идет портные. Они носят кегромко.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Мы друг другу не родные,

А живем, как браты.

Мы бородичные портные.

Шьем штаны и платья.

Шьем мы к свадьбе,

к именинам

Для людей новобывы,

РЫЖИЙ. Всех как есть своим аршином
Мерить мы готовы.

Останавливаются около нарядного домика.

ЧЕРНЫЙ. Бабушка, а бабушка, не дашь ли нам воды напиться?

СТАРУХА. Вынеси им, внуценка, ковшик воды. (Внучка убегает. Старуха выходит к портным.) Да вы присядьте на скамечку, добрые люди, отдохните. Может, проголодались в дороге?

РЫЖИЙ. Нет, бабушка, покорно благодарим. Ведь мы с ярмарки. И закусили там и выпили.

СТАРУХА. Хорошо погуляли?

ЧЕРНЫЙ (усаживаясь на скамейку). Уж так погуляли, что до самой смерти не забудем!

РЫЖИЙ. И напились и напакались власты. И такое видели, чего и на свете не бывает.

СТАРУХА (посмеявшись). Люди-то ты как будто пожилые. Плясать вам уже и не к лицу.

РЫЖИЙ. Эх, бабушка, была бы ты на ярмарке, так и сама бы заплакала... Там не то, что люди, а и дома плясали. Каланчу пожарную знаешь?

СТАРУХА. Кто же ее не знает!

РЫЖИЙ. Вот и она плясала. Как тряхнет колоколом, вышку набекрен и пошла!..

ДЕВУШКА (протягивает Рыжему ковшик). Вы пейте, дяденька, водицы холодной!

РЫЖИЙ. Спасибо, доченка! (Жадно пьет.)

ЧЕРНЫЙ. Ну, насчет каланчи ты, брат, малость перехватил...

РЫЖИЙ (поперхнувшись). Скажешь, не плясал? Я своими глазами видел. (Передает ковши Черному портному.)

ЧЕРНЫЙ (держа в руке ковши). Это у тебя от пляски в глазах все вертелось. Повериши ли, бабушка, весь народ на ярмарке в пляс пустился. (Пьет.)

СТАРУХА. Что же, вы перепились там все, что ли?

ЧЕРНЫЙ (захлебнувшись, кашляет). Да нет, бабушка. А такой там музыкант был да на такой дудке играл, что под его музыку покойники, и те бы заплясали.

СТАРУХА. Тыфу!.. А что же это за музыкант был?

РЫЖИЙ. Молодец, красавец, ростом во, в плачах во! Да только, видать, из нашего брата, из прости.

ДЕВУШКА. Это, верно, он был! Никто другой так весело играть не умеет.

СТАРУХА. У тебя всё он на уме. Мало ли на свете музыкантов! (Портны.) Она у нас, милые люди, за музыканта замуж идет. Завтра свадьба. Он-то, правду сказать, не музыкант, а плотник, а играет не хуже музыканта.

ЧЕРНЫЙ. Честь имеем поздравить!

ДЕВУШКА. Спасибо!

РЫЖИЙ. Жалко, что завтра свадьба ваша будет, а не нынче. А то поплясали бы мы у вас на свадьбе.

ЧЕРНЫЙ. Тебе бы все плясать! Ишь, как разохтился!

Издалека доносятся звуки дудки-самогудки.

РЫЖИЙ (Черному). Слышишь?

Черный молча кивает головой. Звуки дудки стакновятся все громче и веселее, переходя в плясовую. Рыжий портной подбоченчивается и выкидывает коленце.

РЫЖИЙ. Эх, накалай угоги!

ЧЕРНЫЙ (выбивая ногами дробь). Пошли строчить!

Оба пляшут, то скользя, то расходясь.

СТАРУХА. Эй, вы, иголка с ниткой!.. Разве так пляшут?..

Выплывает на дорогу, машет портным рукой, пятится, кружится. Дудка умолкает. Из-за поворота

та дороги показывается Музыкант. Портные первоходят дыхание. Старуха в изнеможении садится на скамью.

МУЗЫКАНТ. Здравствуй, милая. Добрый вечер, бабушка!

СТАРУХА. Ты зачем нынче пожаловал? Твой день завтра будет!

МУЗЫКАНТ. Попеселить вас пришел.

СТАРУХА. Спасибо за веселье. Чуть не уморил!

А дудку эту — чтоб ей пусто было! — ты где взял?

МУЗЫКАНТ. На ярмарке.

СТАРУХА (подозрительно глядя на дудку). Сколькозаплатки?

МУЗЫКАНТ. Так дали.

СТАРУХА. С каких-то пор на ярмарке без денег продают?

МУЗЫКАНТ (усмехаясь). Какой товар? Топоров из вправду без денег не продают, а дудку продают. Да в придачу еще и зеркальные дали. (Достает из кармана зеркальце. Оно ярко играет у него в руке.)

ДЕВУШКА. Ах, какое чистое, ясное зеркальце! Будто солнечко...

МУЗЫКАНТ. Это я тебе принес. Оно не простое, а говорящее. Поглядись в него и послушай, что оно тебе скажет.

ДЕВУШКА. Вот спасибо! (Берет в руки зеркальце и, улыбаясь, смотрится в него).

Раздается легкий эхонг, потом слышится чистый и томкий голосок.

ЗЕРКАЛЬЦЕ. И день и ночь в стекле моем

Сияет яркий свет.

Но в нем темно и ясным днем,
Когда тебя в нем нет.

ДЕВУШКА. Милое зеркальце! Какой у него хоть и негромкий, но звонкий голосок!

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Вот это подарок так подарок!

РЫЖИЙ. Лучше не придумаешь!

СТАРУХА. Ты бы ей завтра зеркальце принес. А то она весь день в него глядеться будет, а у нас с ней еще дела много. Весь дом надо к завтрашнему дню в порядок привести. Да в суете ненароком разобьешь его.

Девушка нехотя отдает жениху зеркальце. Внезапно из-за дома появляется Начальник стражи, два солдата и Барабанщик.

НАЧАЛЬНИК. Вот он, вор! И дудка при нем. Держите его!

Солдаты подходят к Музыканту с двух сторон.

НАЧАЛЬНИК. Ну, парень, собираясь в путь-дорогу...

МУЗЫКАНТ. Куда ж это?

НАЧАЛЬНИК. Известно, куда. В тюрьму.

МУЗЫКАНТ. Да за что же?

НАЧАЛЬНИК. А за то! Не кради господских ду-
лок.

Старуха с ужасом смотрит на Музыканта.

МУЗЫКАНТ. Да я же не крад. Мне старичок по-
дарил.

НАЧАЛЬНИК. Какой такой старичок? Веди нас к нему.

МУЗЫКАНТ. Нет того старика.

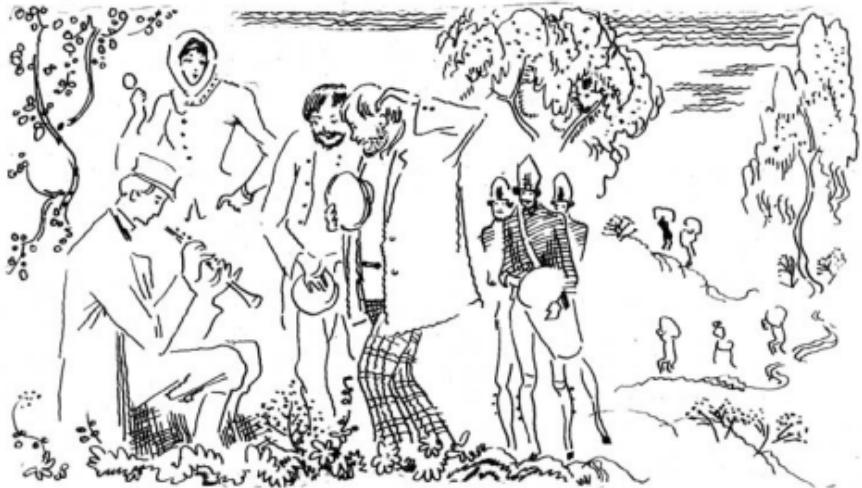
НАЧАЛЬНИК. Сквозь землю провалился, что ли?

МУЗЫКАНТ. Может, сквозь землю.

НАЧАЛЬНИК. Слышали? Старичок сквозь землю провалился. Чудно!

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Простите, ваша милость, оно вправду чудно, а только так и было, как он говорил.

НАЧАЛЬНИК. А вы кто такие?

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Мы портные.

НАЧАЛЬНИК. Видно, недаром люди говорят, что портной смотрит и не покраснеет. Да еще обмерит тебя и приклад украдет.

РЫЖИЙ. Может, и так. А только мы, ваше благородие, своими глазами видели, как старичок ему ладу дал, а потом словно сквозь землю провалился.

НАЧАЛЬНИК. Вот оно как! Ну, ладно, там разберутся. Да и вас, портижки, чего-нибудь, на суд потянут!

ДЕВУШКА. Да нет, они правду говорят. (*Солдатам*) Вы чего его за руки держите? Отпустите его! Ничего он не крали!

НАЧАЛЬНИК. Ишь ты, какая шустрая! успокойся, голубушка! Нечего тут шуметь... (*Отстремляет Девушку рукой*)

СТАРУХА. Ну отпустите его, ваша милость, хоть на денек! Мы завтра свадьбу справлять собирались. Вот невеста, а вот жених.

НАЧАЛЬНИК. Другого жениха поищите, а этого мы себе возьмем. (*Солдатам*) Ведите его!

СОЛДАТЫ (*подталкивая Музыканта*). Ну, яди, позорища!

МУЗЫКАНТ. Зеркальце-то хоть ей отдайте!

НАЧАЛЬНИК. Какое зеркальце? Небось, тоже краденое?

СОЛДАТ. Вот оно, это зеркальце, ваше благородие.

НАЧАЛЬНИК. А ну-ка покажи!

Берет у Солдата зеркальце, заглядывает в него, расправляет усы. Слышишь звон, а потом тонкий голосок.

ЗЕРКАЛЬЦЕ. Я не краденое, я дареное.

НАЧАЛЬНИК. Что, что такое? (*Прислушивается*.)

ЗЕРКАЛЬЦЕ (*тихо*). Я не краденое, я дареное...

Да теперь по наговору я досталось злому вору...

НАЧАЛЬНИК. Ах ты, чертова зеркало! Дерзости говоришь? Так вот же тебе! (*С размаху бросает его*

на землю. Зеркальце разбивается о камни вдребезги.)

ДЕВУШКА. Зеркальце мое...

МУЗЫКАНТ. Не плачь, милая. Когда на волю выйду...

НАЧАЛЬНИК. Не разговаривать!.. Смирно! Барабанщик, вперед! Шагом марш!

Под барабанную дробь арестованного уводят. Он пытается что-то крикнуть Девушке, но слова его заглушает бой барабана.

ДЕВУШКА. Прощай, милый мой! Куда бы тебя ни угнали, я найду тебя!.. (*Привожает его до поворота, останавливается и смотрит вслед, потом медленно возвращается и подбирает осколки зеркальца. Самый крупный подносит к глазам. Раздается чуть слышимый звон в тонкий голосок*)

ОСКОЛОК ЗЕРКАЛЬЦА. Когда тебя в нем нет!.. **ДЕВУШКА.** Что это?.. Видно, и от его песенки тоже осколочек остался...

ЧЕРНЫЙ. Ишь ты! Развитое, а говорит.

РЫЖИЙ. Ну, уж если разбитое зеркальце заговорило, так, верно, и полшибкая лудка молчать не станет. Оправдает своего хозяина.

ЧЕРНЫЙ. Как ему теперь оправдываться, коли его под барабанный бой, словно разбойника, в тюрьму повели?

РЫЖИЙ. А ведь над этим начальником еще начальник есть?

ЧЕРНЫЙ. Есть, конечно.

РЫЖИЙ. Ну, а над тем начальником тоже есть начальник?

ЧЕРНЫЙ. Этак ты, чего доброго, до самого царя доберешься!

РЫЖИЙ. А что? И доберусь!

ЧЕРНЫЙ. Так-то тебя до него и допустят!

РЫЖИЙ. А чего на свете не бывает! Может, у царя в дороге пуговица оторвется. Ну, а своего портного он навряд с собой возит. Тут я и подвернусь с

иголкой да с ниткой: «Дозвольте, ваше величество!»

ЧЕРНЫЙ (смеется). Ох, чего ты только не придумаешь!

РЫЖИЙ. И придумаю! Уж очень мне парни жаль. Да и ее тоже... Смотри ты, как она осколочки перебирает... Давай-ка, брат, мы того волшебного старика и его подружного отыскать попробуем.

ЧЕРНЫЙ. Да где же ты их найдешь?

РЫЖИЙ. Ну не могли же они оба и в самом деле

склоны землю провалиться! А ведь в этом деле они главные свидетели...

ЧЕРНЫЙ. Ну, что ж, найдем их или не найдем, а поищем... Прощайте, хозяюшки! Не горюйте!

РЫЖИЙ. Авось, с хорошими вестями к вам вернемся!

Старуха и Девушка не слышат. Девушка, не выпускавшая из рук зеркального стеклышика, понурившись, сидит на скамье. Старуха пытается ее утешить, гладит ее по голове, а сама тоже плачет.

Действие второе

Картина первая

Дворец. Царская палата. Царь, пожилой, но молодавый, с усами, без бороды, в генеральских штанах, но без мундира, в одной рубашке с расстегнутым воротом, сидит у открытого окна. В той же палате высокий царский трон, немножко понизе — трон Царицы. Напротив — кресла.

ЦАРЬ (задумчиво напевает вполголоса). Боже... меня храни!

КАМЕРДИНЕР. Его происходительство господин канцлер!

ЦАРЬ (строго). Пре-вос-ходительство! Запомни, дурак!.. Ну, проши.

КАНЦЛЕР (очень старый, в парадном мундире со звездами). С добрым утром, ваше величество, с прекрасной погодой!

ЦАРЬ. Что нового?

КАНЦЛЕР. Осмелюсь доложить вашему величеству...

У Царя благодушное настроение сменяется хмурым.

ЦАРЬ. О чём доложить?

КАНЦЛЕР. О том, что посол иностранной державы прибыл во дворец и всепокорнейше просит audience у вашего величества!

ЦАРЬ. В такую погоду принимать послов!.. Я только собирался проехаться верхом.

КАНЦЛЕР. Осмелюсь напомнить, что ваше величество сами изволили назначить послу день приема.

ЦАРЬ. Ну, пусть войдет, да долго не задерживается. А какой посол? Из какого царства?

КАНЦЛЕР. Из тридевятого царства, тридевятого государства, ваше величество!

ЦАРЬ. Что-о... А далеко ли это царство?

КАНЦЛЕР (на мгновение задумывается). За тридевять земель, ваше величество!

ЦАРЬ. По-нашему говорят?

КАНЦЛЕР. При чём переводчик, ваше величество!

ЦАРЬ. Ну, зови да пошли сначала ко мне камердинера.

Канцлер удаляется.

ЦАРЬ (задумчиво напевает). Боже... меня храни!

КАМЕРДИНЕР (появляясь). Чего изволите, ваше величество?

ЦАРЬ. Помоги одеться! (С помощью Камердинера нехотя надевает мундир с орденами, повязывает широкую ленту через плечо.)

КАМЕРДИНЕР. Разрешите удалиться, ваше величество?

ЦАРЬ. Иди. Нет, постой. Доложи ее величеству и его высочеству, что я прошу их пожаловать ко мне. Тут у меня посол будет, да из такого царства-государства, о каком мы и не слыхивали.

КАМЕРДИНЕР. Слушаю-с, ваше величество! (Удаляется)

Входит ПОСОЛ, небольшого роста, коренастый, загорелый, с длинной седой бородой. За ним — Переводчик, молодой, с черной бородкой. Оба в халатах с узорами. Последним выходит Канцлер.

ПОСОЛ (известно кланяясь). Амирэм алидан, чер-чер аллинбон!

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол изволит сказать, что его величество могущественный владелец тридевятого царства, тридевятое государство сердечно приветствует ваше величество, справляется о вашем здоровье и шлет вам самые добрые или, по-нашему, самые сладостные пожелания.

ЦАРЬ (про себя). А по-ихнему это гораздо короче (Громко). Сердечно благодарю и прошу передать его величеству мои самые лучшие пожелания.

ПЕРЕВОДЧИК. Таратэн алидан тара-тара аллинбон!

ЦАРЬ. Прошу садиться! (Все усаживаются.) Господин посол, сказать правду, я знаю о вашем тридевятом царстве только по сказкам... Что хорошего в вашем государстве?

Переводчик вполголоса переводит слова Царя.

ПЕРЕВОДЧИК. Дэйга каратум дэм?

ПОСОЛ (добродушно). Азамэн алидан блямс шериээр кардэн чёр.

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол говорит, что страна, откуда он изволил прибыть, изобилует птицей и рыбой, богата корицей, первцем и миндалем, изумрудами и бирюзой, славится на весь мир своими великими победами над тридцатью девятью островами и полустровами...

ЦАРЬ (вполголоса). Ну, мы тоже одержали не меньше побед... (Громко.) А чем еще знаменито ваше царство-государство?

ПЕРЕВОДЧИК. Костя трэз эчэрэй?

ПОСОЛ. Эчэрэн гейгё-лейгё трэнта-варэнта сэтэн бумбукрас.

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол изволит ска-

зать, что его страна достопримечательна также своими конями и колесницами, но более всего гордится необыкновенными, единственными в мире семью чудесами.

ЦАРЬ (*хмыро*). Какие же там у вас чудеса?

ПЕРЕВОДЧИК. Калитын бүмбүркәс?

ПОСОЛ. Аминьи бүмбүркәс чэнтра-ләнтра кускүс лиңкүт дарын.

ПЕРЕВОДЧИК. Чудеса эти таковы: скатерть, которая сама готовят и подает лучшие в мире яства и превосходнейшие напитки, семимильные сапоги, шапка — спрячь меня, волшебное зеркало, летающий ковер...

ЦАРЬ. Постойте, постойте! Слишком уж быстро вы говорите, господин переводчик. Не сразу уразумеешь! (*Канцлеру*) Сколько же это он чудес назвал?

КАНЦЛЕР. Насколько я рассыпал, всего пять,

ваше величество.

ПЕРЕВОДЧИК. Совершенно точно, пять.

ЦАРЬ. А какие же остальные два чуда?

ПЕРЕВОДЧИК. Калитын ду дайтын бүмбүркәс?

ПОСОЛ. Чэнтра фью-фью эд зинг-зэнг каюк дары.

В это время появляется Царица, тощая и бледная, слегка подрумяненная женщина с лентой через плечо, и Наследник, очень юный, но ростом выше матери, в коротких штанах и длинных чулках.

КАНЦЛЕР (*ставая, громко*). Ее величество государыня-царица и его высочество наследник-чесаревич!

ПЕРЕВОДЧИК. Алинин цариня эд алитон принцён чемерён!

Посол встает и низко кланяется.

ЦАРЬ (*Царице*). Ваше величество, позвольте представить вам господина посла треклято... Виноват, как, бишь, его?

КАНЦЛЕР (*тихо*). Тридевятого царства, тридевятого...

ЦАРЬ. Тридесятого государства. Жаль, что вы опоздали, ваше величество. Тут господин посол рассказал нам о семи чудесах, которыми славится его царство.

ЦАРИЦА. Это очень интересно. Но прошу вас сядьте, господин посол.

ПЕРЕВОДЧИК. Алинин цариня сядёт чадын.

Посол еще раз кланяется и садится.

ЦАРЬ. Вот только я не все пять чудес запомнил.

КАНЦЛЕР. У меня все записано, ваше величество!

ЦАРЬ. Это хорошо. (*Переводчику*) А про шестое и седьмое чудо вы, кажется, еще не успели нам перевести. Как это господин посол сказал? Фью-фью...

КАНЦЛЕР. У меня записано, ваше величество.

Что-то вроде «фью-фью» и «зинг-зэнг».

ПЕРЕВОДЧИК. Совершенно верно, ваше превосходительство. Фью-фью — это волшебная флейта или дудка. Тот, кому довелось ее слышать, никогда не забудет сладостных, ласкающих слух звуков. А зинг-зэнг — это...

ЦАРИЦА. Ах, я так бы хотела послушать волшебную флейту! Я очень люблю музыку. А как ваша флейта играет — сама или ей нужен музыкант?

ПЕРЕВОДЧИК. Сию минуту, ваше величество! (Послу) Акамай фью-фью луи драдан азандар!

ПОСОЛ. Драдан азандар. Лей азандар каюк. Куттус батэр турмат!

Переводчик некоторое время молчит.

ЦАРИЦА. Что же вы не переводите?

ПЕРЕВОДЧИК (смущенно). Это, ваше величество, не так-то легко перевести...

ЦАРИЦА. Почему нелегко? Переведите, пожалуйста!

ПЕРЕВОДЧИК. Извольте, ваше величество. Господин посол говорит, что музыкант этой дудке живет, хоть она и волшебная. У них был музыкант, да недавно помер. Стар был очень. А говорят, будто такой музыкант, ваше величество, имеется у вас, но он, не во гнев вам будь сказано, в тюрьме сидит.

ЦАРИЦА. У нас? В тюрьме?

ЦАРЬ (нахмурившись). Верно, не за музыку сидит... Впрочем, я ничего об этом не знаю. А вы, господин капитан?

КАНЦЛЕР. Простите, ваше величество, и я ровно ничего не знаю.

ЦАРЬ. Вы никогда ровно ничего не знаете!.. Расследуйте это дело и доложите мне.

ЦАРИЦА. Да поскорей расследуйте!

КАНЦЛЕР. Слушаю-с, ваше величество!

ПЕРЕВОДЧИК. Так вот, господин посол еще изволил сказать, что ему поручено освободиться, не угодно ли вашему величеству отпустить этого музыканта в наше царство? Он и у нас может в тюрьме сидеть, а когда понадобится, на дудке играть будет.

ЦАРЬ. Ну, это мы еще посмотрим, подумаем...

А пока скажите, что за седьмое чудо?

НАСЛЕДНИК. Да, да, зинг-зенг!

ПЕРЕВОДЧИК. Зинг-зенг, ваше величество,— это волшебный меч. Он, если это потребуется, рубит головы направо и налево. Его так и зовут «Меч — сто голов с плеча».

ЦАРЬ. Сам рубит?

ПЕРЕВОДЧИК. Сам. Господин посол говорит, что с помощью этого меча его царство одержало величайшую победу — тридцать девятою...

ЦАРЬ (задумчиво). Вот это и в самом деле полезная и ценная вещь! Из всех чудес я, пожалуй, выбирал бы волшебную скатерть для этого зинг-зенга.

НАСЛЕДНИК. И я бы выбрал меч — сто голов с плеч. С ним бы я все царства покорил! (Рубит рукой) Зенг! Зенг!

ПЕРЕВОДЧИК. (Послу). Алитон принцесса...

ЦАРЬ (перебивая его). Этого переводить не надо. Наш наследник по молодости своей иной раз говорит лишнее... В его годы это вполне простительно.

Посол чуть заметно усмехается в бороду.

ЦАРЬ. А где же ваши царь здаки чудеса раздобыты? ПЕРЕВОДЧИК. Простите, ваше величество, но это, как говорится, государственная тайна. Известно только, что за свои семь чудес наш царь полцарства отдал...

ЦАРЬ. Да и я бы за них полцарства не пожалел!

ПОСОЛ (встает с места и низко кланяется). Ами-лям аллан малем-малем тара!

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол сердечно благодарит ваши величества за милостивый прием и желает вам прожить на свете тысячу счастливых лет и увидеть правнуков своих правнуков!

ЦАРЬ. Да неужто он это все тремя-четырьмя словами сказал?

ПЕРЕВОДЧИК. Такой уж у нас короткий язык. Где у вас, ваше величество, десять слов, у нас одно.

ЦАРЬ. Ах, вот как! Ну, поблагодарите господина посла за посещение.

ПЕРЕВОДЧИК. Амилам чер!

ПОСОЛ. Чер амилам!

ЦАРЬ. Только и всего?.. Замечательно!..

Посол и Переводчик с поклонами удаляются.

ЦАРЬ (Канцлеру). Министра внутренних дел сюда! КАНЦЛЕР. Он ждет за дверью, ваше величество!

Уходит и возвращается с толстым, румяным и лысым человеком.

МИНИСТР (весело и бодро). Здравия желаю, ваши величества и ваше высочество!

ЦАРЬ. Что у нас нового?

МИНИСТР. Ничего нового, ваше величество! Все по-старому!

ЦАРЬ. А есть ли в нашем царстве какие-нибудь чудеса?

МИНИСТР. Никаких чудес, ваше величество! Все спокойно и благополучно!

ЦАРЬ. Дурак!

МИНИСТР (так же бодро и весело). Рад статься, ваше величество!

ЦАРИЦА. А что за музыкант сидит у вас в тюрьме?

МИНИСТР. Знать не знаю, ваше величество! Разве всех упомнишь, кто сидит!

ЦАРЬ. Расследуйте. А пока вот что. Извольте немедленно выспесить на всех домах, оградах, заборах и верстовых столбах мой высочайший приказ. Записывайте!.. Тому, кто доставит во дворец в течение трех месяцев нижеследующие чудеса (список возьмите у канцлера), обещаю в награду полцарства!

МИНИСТР (удивленно). Так и писать, ваше величество?

ЦАРЬ. Так, и писать!

ЦАРИЦА (жалобно). Ваше величество!..

НАСЛЕДНИК. Ваше...

ЦАРЬ. Ну, третья моего царства!

ЦАРИЦА. Как можно?

ЦАРЬ. Прошу не перечинь мне! Ну, четвертъ!..

И быть по сему! (Министру.) Что же вы медлите?

МИНИСТР. Дозвольте мне, ваше величество, список чудес посмотреть.

ЦАРЬ (Канцлеру). Дайте ему список.

КАНЦЛЕР. Слушаю-с, ваше величество. (Министру.) Смотрите, господин министр.

МИНИСТР (просмотрев список). Вот удивительно! ЦАРЬ. Что удивительно?

МИНИСТР. А то, что совсем такие же волшебные вещи нам нынче одни человек предлагал! Дворянин, землевладелец местный. Он только что был здесь и почтительнейше просил передать вашему величеству всепокорнейшую просьбу соблаговолить...

ЦАРЬ. Что соблаговолить?

МИНИСТР. Посетить его загородный дом и привести его в дар весь этот волшебный инвентарь.

ЦАРЬ. Принять в дар?

ЦАРИЦА. Слава богу!

НАСЛЕДНИК. Вот это — другое дело!

ЦАРЬ. Ну, ежели вещи у него и в самом деле волшебные, я этого дворянину награжу по-царски. Только почему же он к себе меня приглашает, а не может доставить вещи во дворец?

МИНИСТР. Он говорит, что ему боязно пешими сюда: как бы не похитили. Ведь об этих волшеб-

ных вещах, ваше величество, по всему городу молвят. Да к тому же он, то есть дворянин этот, хотел еще раз проверить их волшебство перед вашим высочайшим прибытием.

ЦАРЬ. А почему же вы до сих пор об этом молчали и ко мне его не допустили?

МИНИСТР. У вашего величества иностранные гости были...

ЦАРЬ. Дурак!

МИНИСТР. Так точно, ваше величество!

ЦАРЬ. Слушайте вы, господин канцлер, изволите сегодня же побывать у этого дворянина. Адрес он оставил?

МИНИСТР. Так точно. Адрес и приглашение, то есть, виноват, всеподданнейшее и всепокорнейшее...

ЦАРЬ. Что всепокорнейшее?... Научились бы хоть у этих чужестранцев говорить покороче!.. (Канцлеру.) Поезжайте немедленно и разузнайте как следует, по-риodoxий ли он человек, этот землевладелец, и в самом ли деле у него чудеса имеются.

КАНЦЛЕР. Слушаю-с, ваше величество!

ЦАРЬ. Ежели все в порядке, завтра же мы поедем к нему в имение. И после этого треклятого, то бишь тридевятого, царства пригласите с переводчиком. Пусть увидят, что не только у ихнего царя чудеса есть! Постойте, что еще? Да, отрядите туда собственный моего величества конвой, чтобы меня с царицей и гаслеником сопровождать, а потом и чудеса во дворец доставить. Поняли?

КАНЦЛЕР. Слушаю-с, ваше величество!

МИНИСТР. Рад стараться, ваше величество!

Картина вторая

Раннее утро. Старая тюремная башня. Сводчатый потолок, шершавые стены с вышинами. В одной из стен под самым потолоком — оконце, забранное решеткой. У противоположной стены — скамья. На ней сидит, обхватив руками колени, Музыкант. Он смотрит вверх, в окошко, тихо наставливая.

МУЗЫКАНТ. Что это? День такой хмурый, или солнце сюда не заглядывает?

Шелкают замки, со скрипом открывается дверь. Входит Старый солдат, высокий,бросивший седой щетиной. Он ставит на скамью кружку воды и кладет ломоть хлеба.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Получай свой дневной рацион!

МУЗЫКАНТ (оборачиваясь). Что ж, и на том спасибо. Не заработал, а кормите!

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Твоя работа — сидеть...

МУЗЫКАНТ. Я бы лучше погулял.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Этого не полагается. (Уходит.)

МУЗЫКАНТ (пьет воду из кружки. Ставит кружку на скамью). Вот жизнь! Не успеешь глаза раскрыть, а тебе уже и завтрак, и обед, и ужин подают. Ну чем не скатерть-самобранка? Одна беда — есть не хочется. (Разгрызывает хлеб.) Этот бы самый кусок на траве под деревом съесть!.. Эх, старичок, старичок! Ты бы уж мне вместе с лукой в шапкуневидимку или ковер-самолет подарил, что ли! Не сидел бы я в этой клетке, только бы меня и видели... (Встает, ходит взад и вперед. Потом опять садится. Покачиваясь, смотрит вверх, в забранное решеткой окно, и что-то напевает. Сначала без слов, немного похоже со словами.)

Не наведаться домой,
Не послать письма.
Огорожена стеною
Старая тюрьма...

Да железный переплет
У меня в окне.
Редко-редко промелькнет
Птица в вышине...

Шелкает замок. Входит Старый солдат.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Это ты пел?

МУЗЫКАНТ. Нет, не я.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. А мне послышалось, будто здесь поют... (Уходит.)

Музыкант, помолчав немного, опять начинает петь — сначала тихо, потом громче, со словами.

Скучно, милая моя,
Под замком сидеть.
Извилини соловья,
Заманили в сеть...

СТАРЫЙ СОЛДАТ (появляясь). Ну, а сейчас кто вел? Не ты, скажешь?

МУЗЫКАНТ. Не я.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Гм... А то спел бы!. Скучновато у нас.

МУЗЫКАНТ. Это ты правду сказал. Невесело.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Я и говорю: невесело. Ну так спой, что ли.

МУЗЫКАНТ. Разве это у вас полагается?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Не то что полагается, а только день у нас выдался особенный. (Садится рядом с Музыкантом на скамью, затягивается трубкой.) Нашего начальника к его начальнику вызывали, а помощник начальника и сам наинче песни поет... С утра хватило лишнего.

МУЗЫКАНТ (насмешливо). Вот ты его и слушай!

СТАРЫЙ СОЛДАТ (нашептывает рукой). Уж наслушался... Да ты не оплакись, пой, коли тебе говорят. Хочешь, еще хлеба принесу? Хорошо у тебя выходит, звонко!

МУЗЫКАНТ. На воле-то еще звонче выходило.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Ничего, здесь и так сойдет. Люблю, когда поют, да что-то редко к нам таких певцов сажают.

Музыкант смеется, потом задумывается.

МУЗЫКАНТ. Что я за певец! Вот не отняли бы у меня дудки, я бы вам сыграл, да так, что вся тюрьма заплясалася... Хороша у меня дудка была!

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Потому, видать, и отняли.

МУЗЫКАНТ. Видать, потому. А нет ли у вас хоть

трубы какой медной?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Да ничего нет, только один барабан есть.

МУЗЫКАНТ. Ну, на барабане сами играйте. А уж песню, так и быть, спою. Подтягивайтесь к кому?

СТАРЫЙ СОЛДАТ (откашливаясь). Я и сам подтруну. Да еще одного паренька позвать можно.

МУЗЫКАНТ. Зови.

СТАРЫЙ СОЛДАТ (приоткрывая дверь). Эй, там, в караулке! Иди-ка сюда.

ГУЛКИЙ ГОЛОС СНИЗУ. Слушаю! Что угодно?

Тяжелые шаги по чугунной лестнице. Входит солдат — молодой, безусый парень.

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Что тут случилось?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Дело особой важности. Песню слушать будешь, а при надобности и подтянешь.

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Ах, вон оно что! Ну, давай! (Он прислоняется к стене. Старый солдат садится на скамью.)

МУЗЫКАНТ. Ну что бы вам такое спеть?.. (Опять напевает что-то без слов, как бы вспоминая мотив.)

Эх, дудка моя,
Самогудка моя!
В самогудку станешь дуть —
Слезы горькие идут...

Это ты, моя дуда,
Привела меня сюда.
Привела меня в острог
Да за каменный порог.

Ох, дуда, моя дуда,
Не уйти мне никуда,
Ни вплавь, ни вскачь,
Хоть пой, хоть плачь!..

Думаю-подумаю,
Как избыть беду мою.
До бога высоко,
До царя далёко...
(Умолкает.)

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. До царя, говоришь? Я вот два года в столичном городе служу, а царя и в глаза не видел.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Где же ты его увидишь? Он у нас не сидел.

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Вот бы посадили! Любопытно бы поглядеть...

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Ну, ну, пустозвон! До чего договорился... Ступай себе в караулку!

МОЛОДОЙ СОЛДАТ (*подходит к двери, обращается*). А может, он еще споет?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Ты что думаешь, его сюда для того посадили, чтобы он тебе песни пел? Я бы и сам послушал еще, да надо и меру знать. Хватит на сегодня! (*Выходит вместе с Молодым солдатом, потом возвращается.*) Славно ты поешь, парень! Что ж, принеси еще хлебца? (Тихо.) Я тебе и сала дам...

МУЗЫКАНТ. Спасибо, да не надо. Что-то мне нынче кусок в горло не идет.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. И со всеми так бывает. В первые дни никто у нас к еде и не прикасается. А потом ничего, едят, да еще жалуются, что мало даем. Не горой, привыкнешь. Только про своих поменьше вспоминай, про дом...

Музыканта встает с места, ходит по камере и снова садится на скамью.

МУЗЫКАНТ. Легко сказать: вспоминай поменьше. А ведь день-то у меня нынче знаешь какой?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. А какой день? Будничный.

МУЗЫКАНТ. Для кого будни, а для кого и праздники. Сладбу я нынчеправлять собирался.

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Вон оно что!.. Значит, я твою невесту знаю. Красавица.

МУЗЫКАНТ. Невесту мою? Да где ж ты мог ее видеть?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Здесь, недалеко. У наших ворот. Пришла чуть свет и все на окнах смотрят — кого-то высматривают. Ей говорят: отойди, не попа-

гаешься, — а она отойдет немножко и назад вернется. Уж на что я ко всему привык, а и мне жалко ее стало.

МУЗЫКАНТ. Плачет?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Плакать не плачет, а слезы утирает.

МУЗЫКАНТ. И сейчас она там?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Кто ее знает, может, и там... МУЗЫКАНТ. Эх, лучше бы ты мне и не рассказывал... (Молчит, смотрит на окошко. Потом резко и неожиданно.) Слушай, брат, приведи ее сюда!

СТАРЫЙ СОЛДАТ (*отстраняясь от него*). Что ты, парень, с ума снялся? Сам не знаешь, чего просишь! Слышишь, что за это бывает?.. (*Идет к двери.*)

МУЗЫКАНТ. Да ведь сегодня же, ты сам говоришь, у вас начальства нет. А я только погляжу на нее и скажу, чтобы к тюрьме больше не приходила. Да не плакала... Ну, приведешь?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Нельзя! (*Испечет за дверь.*)

Музыканту садится на скамейку и опускает голову на руки.

СТАРЫЙ СОЛДАТ (*приоткрывает дверь, тихо*). Сейчас приведу!.. Да смотри, ненадолго. Там внизу мой знакомый на часах стоит, а скоро сменится.

МУЗЫКАНТ. Вот спасибо!

Но Солдат уже захлопнул дверь. Слышны его затихающие шаги. Долгая тишина. Изредка только доносятся отдаленные, смутные звуки — то стук засовов, то скрежет ключа в замке, то скрип какой-то двери.

МУЗЫКАНТ. Что это он, правду сказал или пошутил вздумал? А может, мне все это почудилось? Может, он в двери не открывал и не приходил вообще? Мало ли что здесь привидится!..

Быстрые, негромкие шаги вверх по лестнице. В замочной скважине еле слышно поворачивается ключ. Солдат пропускает Девушку, а сам остается за дверью.

СТАРЫЙ СОЛДАТ (*в полуоткрытую дверь*). Сроку мы, пожалуй, к трущобу докурю. А табаку в ней на три затяжки осталось... (*Закрывает дверь.*)

МУЗЫКАНТ. Ну вот мы и увиделись. Зачем же, милая, плакать?

ДЕВУШКА (*на мгновение отвернувшись*). Я не плачу. Постой. Что я тебе, сказать хотела... Да не знаю, успел ли... От зеркальца твоего у меня скользило осталось... (*Умывается сквозь слезы.*) Он хоть и крошкич, а тоже говорит, только тихо-тихо...

МУЗЫКАНТ. Неужто говорит?

ДЕВУШКА. Да, да! А нынче он мне что-то про шапку-невидимку сказал. А где она, эта шапка-невидимка?

МУЗЫКАНТ. Да, верно, там же, где и дудка моя... у господ. Они ее с ярмарки унесли.

ДЕВУШКА. Так, может...

СТАРЫЙ СОЛДАТ (*приоткрывает дверь*). Мне две затяжки осталось, а вам две минутки. Поторопитесь!

Закрывает дверь.

Музыканту и Девушку садятся на скамью. Он держит ее руки в своих.

МУЗЫКАНТ. Что, что ты мне сказать хотел?

ДЕВУШКА. Может, к господам пойти, попросить за тебя... Ведь самогудка-то у них теперь, зачем же им понапрасну тебя да и меня губить?..

МУЗЫКАНТ. Что их просить? Они только обидят тебя...

СТАРЫЙ СОЛДАТ (*приоткрывает дверь*). Вторая затяжка! Остается вам одна минутка! (*Испечет.*)

ДЕВУШКА. Одна минутка! А я на тебя и погля-

деть-то не успела... Дай-ка хоть напоследок заглянусь! (Смотрит на него, потом оглядывается вокруг.) Это что, еда твоя, хлеб да вода? Вот тебе, милый, бабушка пирожков и молока присласть. (Передает ему сверток.) А, вон оно где, окошко твое! Под самым потолком... А я-то все мимо тюремы ходила, в окна глядела, думала тебя увидеть. Да где ж тут видицы!..

МУЗЫКАНТ. Постой, милая! Последняя наша минутка проходит... Ну, смотри, береги себя, не скучай не плачь. А в господском дом не ходи!.. Ну, прощай! (Обнимает ее. Раздается щелканье замка, скрип двери.)

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Ну, поговорили и хватит! Пора и честь знать. А то и мне несдобровать и вам! ДЕВУШКА. Бегу, бегу!..

На самом пороге она останавливается и оглядывается назад. Дверь со стуком закрывается. Шаги девушки скоро затихают внизу.

МУЗЫКАНТ. Вот оно и кончалось, видение наше... Ну хотя бы еще разок поглядеть на нее! (Быстро взбирается по выбоинам и выступам стены, хватается за решетку и, еле держась за нее, смотрит в окно.) Думал, не добиться до окошка, а вот и добрался... Да, как видно, нет ее уже на дворе... Да и хорошо, что вовремя уйти успела. Ну, прощай, милая!..

Со двора слышен тяжелый топот ног, стук прикладов.

ГОЛОС СНИЗУ. Эй, отойди от окна! Стрелять буду!

Действие третье

Загородный дом. Просторный зал с колоннами и хорами для оркестра. По случаю приезда Царя и Царицы обеденный стол раздвигают во всю длину в столовой, а в парадном зале. Напротив, у стены, низкий и широкий стол со скатертью-самобранкой, высокий круглый столик с шапкой-невидимкой, другой такой же столик с дубкой-самогубкой и небольшой стеклянной шкафчик с сапогами-скорходами. Над всеми волшебными вещами крупная и четкая надпись: «РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!» В углу — большой, запертый на замок шкаф. Над ним на большом листе бумаги написано: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО! ОПАСНО! НЕ ПОДХОДИТЬ! НЕ ТРОГАТЬ!»

Молодой лакей, полный и медлительный, накрывает на стол. Время от времени за ним наблюдает Старый лакей, важный, с бакенбардами, без усов (тот, которого мы видели на ярмарке).

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Ну что, все приборы на месте?

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Все в порядке, только скажи, сделала милюстя, зачем эта нам на стол накрывать, ежели у нас самобранка есть?

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Значит, нужно.

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. А зачем?

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Ну, как ты сам не понимаешь? Мала она больно, самобранка эта, кругом нее все не усядутся. Она у нас вроде буфета будет... А ты делай свое дело да помалкивай.

Входит Привратник — видно, из бывших солдат, по-жилой, широкоплечий, большого роста.

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Ты чего? Зачем от ворот отлучился? Сказано тебе: сторожи да никого во двор не пускай, покуда царский конвой на смену тебе не приведет!

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. А нешто царь под конвоем ходят?

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Вот полуумный! Ну, смотри, коли еще слово скажешь...

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Молчу, молчу!

ПРИВРАТНИК. Я тольколожить хотел, что цветы привезли. Можно их во двор пропустить?

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Цветы можно. А много ли там людей с цветами?

ПРИВРАТНИК. Троє мужчин и девушка.

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Зачем же столько народу?

ПРИВРАТНИК. Да ведь и цветов-то много — и в горшках и в кадках. Что в саду посадить, а что на господский стол поставить.

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Ладно, пропусти. Только пусть поживее работают. (Тихо.) Скоро высочайшие особы прибудут.

Привратник удаляется. Через минуту входят Садовник, пожилой, седоголовый, за ним двое портных и девушки. У всех у них в руках горшки и кадки с цветами.

САДОВНИК. Здравствуйте, почтенные! Куда цветочки девять?

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Кто это? Твои подружные? Чего-то больно пожилые...

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Хоть и пожилые, да проворные!

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Еще бы не проворные! Ведь мы больше ножницами работаем. Чик-чик!

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Как так ножницами?

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. А мы кусты подстригаем. Вот и в вашем саду можем подстричь. Они у вас, видно, давно не стригены.

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Ну, а девушку зачем с собой привезли?

САДОВНИК. Как зачем? Цветы в букеты собираять. Она у нас на этот счет мастерица.

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ (Старому). Верно, пускай букетики собирает. Девушка у вид скромная да и собой приятная...

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. То-то, что приятная! Это ты сразу приметил... Только знаешь, брат, ты бы не в своем деле не совался. Об этом сперва барыни спросить надо.

ДЕВУШКА. Да я барыне и на глаза могу не показываться, вам помогать буду.

САДОВНИК. Девушка она, прямо скажу, хорошая — и учтивая и проворная.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Руки у нее, можно сказать, золотые. Довольны останетесь.

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. А ежели ее придетель как следует, так она и за столом прислуживать может.

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Ну, нам недосуг разговоры разговаривать. Пускай пока останется, букеты соби-

раст, а там посмотрим. А вы идите в сад, работайте да потрапливайтесь!

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Мы живо, чик-чик, и готово!.. А ты, девушка, смотри стараёшься да слушайся! ДЕВУШКА (заныки). Уж постараюсь!

САДОВНИК. Счастливо оставаться! (Уходит. За них портные.)

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. А я все-таки пойду барыне о ней доложу...

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Зачем?

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Без барыни нельзя! (Уходит.)

Девушка быстро перебирает цветы, собирает в букеты.

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Вон как ты цветочек к цветочку подбираешь. Смотреть любо!

Девушка работает молча. Молодой лакей садится рядом с ней на корточки и помогает ей.

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Ну и красавица же ты! ДЕВУШКА. Спасибо на добром слове. А можно у вас спросить: это и есть умные вещи?

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Умные они или не умные, не скажу, а, верно, закодлованные либо научные. Кто их знает... Только ты никому о них болтать не смей! У нас на этот счет строго!

ДЕВУШКА. Я не болтавая. (Опять перебирает цветы вместе с Лакеем.)

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Ой, какие колючие розы! (Машет рукой.) Ты смотри, пальчики не исcoli. Вот я тебе сейчас воды для цветочных ваз принесу.

ДЕВУШКА. Я сама могу.

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Нет, нет, уж позволь услужить тебе. Пригляднее тебя я еще ни одной девицы не видывал...

ДЕВУШКА. Как вы думаете, оставят меня здесь?

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Это уж дело господское. А споси ты тебе назы для цветов, да смотри не разбей. А водицы я сейчас принесу. (Уходит.)

Девушка поспешно встает с места и сразу подходит к столику с шапкой-невидимкой. Молча надевает шапку и тут же исчезает. Возвращается Лакей. В руке у него маленькое блестящее ведерко.

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Вот тебе и водница!.. Да где ж ты? Где? Пропала, да и только!.. Из дверей выйти не могла: в соседней комнате был. В окно разве? Высоко больно! Куда же она подевалася? Постой-ка, да все ли у нас в целости? Ведь мы девчонку эту в первый раз видим... Нет, что будто ничего не унесла, а платочек свой здесь оставила, да какой нарядный, цветочками расшитый. (Обходит комнату, останавливается у столика, где была шапка-невидимка.) Ох ты!.. Батюшки мои!.. Шапки нет. Нет шапки!.. А, так ты, значит, где-то здесь, голубушка, да только шапочку надела... Постой же!.. Ми тебя поймаем! Не уйдешь от меня!.. (Запирает на ключ обе противоположные двери и ходит по комнате, протянув руки. Время от времени машет то одной рукой, то другой. Нечаянно сбивает графин с водой.) Вот беда! И нужно же было мне старника уговаривать оставить ее у нас... Ну, отозвись, девушка, да шапочку сними... Пошугтила, и хватит!.. (Жалобно.) Ведь мне же за тебя попадет, да еще как!.. Где ж ты, окажись?

Слышен громкий стук в дверь и голос Старого лакея: «Ты чего тут заперся? Отогни, отогни же!»

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Сию минуту! (Набрасывает на столик, где была шапка-невидимка, платочек,

оставленный Девушкой. Подбирает осколки графина. Голос Старого лакея за дверью: «Отогни, бездельник! Заперся тут со своей красавицей!..» Молодой лакей отирает обе двери.)

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ (входя). Ты что тут делал, охламон ты злакий? Иши, раскраснелся весь! Видно, с барского стола чего хлебнул? Потому и дверь на ключ запер...

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Ей-ей, ни одной капельки.. Просто от работы да от спешки запарился. Ну, а двери запер, чтобы мухи сюда не летели, на господский стол не садились...

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Что ты врешь! Какие там муки?.. Ну, а девчонка где?

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Не знаю...

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Как не знаешь?

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Ну, отпросилась домой передеться...

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. И хорошо, что вовремя убралась. Непускать ее больше! Барыня наотрез отказалась. Да еще на меня напустились. «Как ты, — говорит, — старый дурак, сам того не понимаешь, что нельзя безвестной девчонке в дом брать, когда мы высочайших особ ждем!»

Входит Привратник.

ПРИВРАТНИК. Царский конвой прибыл, а с ним сам наследник-цесаревич, его высочество!.. (Уходит.)

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Эй, ты, дубина! Собери-ка поскорей цветы да вымети, что на полу останется. Живо!.. А потом беги переденься! И я тоже перебедиусь... Вот-вот его высочество скота пожалуют!..

Быстро приводит в порядок стол и убегает. Молодой лакей торопливо убирает цветы, подметает пол и тоже убегает. Входит Наследник с хозяйствской Дочкой.

ДОЧКА. Вы с конвоем прибыли, ваше высочество?

НАСЛЕДНИК. Да, с конвоем его величества. Верхом.

ДОЧКА. А мне не позволяют верхом ездить. Говорят, мне еще рано...

НАСЛЕДНИК (смеется). Рано? А я думаю, поздно.

ДОЧКА (тихо и крепко). И вы тоже! (Громко.) Почему же поздно, ваше высочество?

НАСЛЕДНИК. На счастье на поини, я у теперь на кровном арабском жеребце... А где тут волшебные вещи?

ДОЧКА. Здесь, ваше высочество, в этом зале. Но трогать их нельзя...

НАСЛЕДНИК. Вот еще!.. А где зинг-зенг? Не понимаете? Ну, меч — это голов с племя! Есть он у вас?

ДОЧКА. Ах, как страшно!.. Не знаю, ваше высочество. Кажется, есть какая-то сабля...

НАСЛЕДНИК (бежит к шкафу с надписью: «Совершенно секретно! Опасно! Не подходить! Не трогать!»). Тут он, тут зинг-зенг! Вот почему секретно и опасно! Где ключ от замка?

Входит Молодой лакей, радостно одетый.

НАСЛЕДНИК (Лакею повелительно). Ключ от замка!

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Ваше сиятельство!.. То бишь ваше высочество! Не извольте трогать замок! Нельзя, запрещается...

НАСЛЕДНИК. Что-о-о? Давай ключ! У тебя оз?

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Нет, у барина, ваше преосходительство, то бишь ваше высочество!

НАСЛЕДНИК. Ну, ладно. Я ему прикажу открыть, как только он появится! А «шапочка — спрячь меня» где у вас?

ДОЧКА. Шапка-невидимка? Вот на этом столике, ваше высочество!

Молодой лакей слушенно отходит к обеденному столу и как будто поправляет что-то.

НАСЛЕДНИК (Дочке). Я слышал, ваши отец собирается все эти вещи нам подарить? Ну так шапка-невидимка мне очень пригодится. Наденешь ее на голову, возьмешь в руку зинг-зенг — и пошел рубить направо налево! Раз! Раз!

ДОЧКА. Ой, как страшно!

НАСЛЕДНИК. Ничуть не страшно, если у тебя на голове шапка-невидимка. Руби, и все тут!

ДОЧКА. А все же страшно... Простите, ваше высочество, я такая трусила...

НАСЛЕДНИК. Все девочки — трусики!.. (Прислоняется со столика платок, долго смотрит, а потом ширит по столику руками.) Да тут никакой шапки-невидимки нет!..

ДОЧКА (растерянно). Она все время была здесь, ваше высочество...

НАСЛЕДНИК (Лакею). Эй, малый, где шапка? Почему ее нет?

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ (немного придвигая в себя). Как же нет, ваше сиятельство... простите, высочество!.. Она тут, только ее не видно. Ведь на то она и невидимка...

НАСЛЕДНИК. Но как же ее надевают, если ее не видно да и руками нашупать нельзя?

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ. Не могу знать, ваше высокоблагородие!..

НАСЛЕДНИК. Черт?.. Какое я тебе высокоблагородие?.. Смотри у меня!..

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ (громко и отчаянно). Ваше высочество, простите! Не извольте гневаться, ваше величество!..

Наследник машет рукой и смеется. Хозяйская Дочка сначала хмурилась, но у лакея такой растерянности вид, что и она не может удержаться от смеха.

ДОЧКА (смеясь). Целых три дня учили его, ваше высочество, а он все путает... Но ведь мы первый раз царя принимаем... то есть высочайших особ...
НАСЛЕДНИК. Ну, хорошо, хорошо!.. (Быстро переходит к шкафчику, где стоит сапоги-скорогоды.) Молодой лакей незаметно набрасывает на столик, где была шапка-невидимка, узорный платок и уходит на цыпочках.

НАСЛЕДНИК. А это что? Семимильные сапоги?

ДОЧКА. Сапоги-скорогоды, ваше высочество! Только, пожалуйста, не трогайте их. Ведь тут написано: «Руками не трогати!»..

НАСЛЕДНИК (вынимая из шкафчика один сапог за другим). Не для меня написано!.. Вот я их сейчас примерю! (Стягивает с ног лаковые сапожки со шпорами.)

В это время входит Старый лакей.

НАСЛЕДНИК (надев один сапог и притопывая). Отлично! Как раз по ноге!

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Ваше высочество! Умоляю вас, не примеряйте этих сапог! Беда будет!..

НАСЛЕДНИК. Какая беда?

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Я ведь и сам, ваше высочество, их разод примерял... Ну и...

НАСЛЕДНИК. Ну и что?

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Не приведи бог, что было! Два раза без передышки кругом света обежали...

НАСЛЕДНИК. Вот здорово! (Берет в руки второй сапог-скорогоды.)

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Да ведь я, ваше высочество,

чуть живой вернулся. Такое у меня сотрясение мозгов и всех принадлежностей было, что зовек не задаст!

НАСЛЕДНИК. Ну, это у тебя, верно, от старости мозги тряслись, а у меня они пока еще крепко держатся. (Нагибает второй сапог.)

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Минуточку, одну минуточку, ваше высочество!.. Ах!..

ДОЧКА (закрывающая лицо руками). Ах!..

Но Наследник уже натянул второй сапог. Он встает и шатается из стороны в сторону, как человек, не умеющий кататься на коньках. Ноги его то и дело разъезжаются. Он налегает на одну ступню, потом на другую, падает раз, другой, третий.

НАСЛЕДНИК (не своим голосом). Держите меня!.. Ай!..

Старый лакей и хозяйская Дочка бросаются к нему. Лакей старается удержать его и падает вместе с ним. Наследник подымается и хватается за кресло. Кресло едит из стороны в сторону. Дочка пытается остановить кресло и тоже падает.

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ (поднявшись с трудом). Ох, запамятовал, что тут сказать надо... Как это там?.. (Во voice голос.) Стой, остановись, назад оглянись!..

НАСЛЕДНИК (оставаясь с пола). Да как ты смеешь мне «ты» говорить!.. (Бросается в кресло.) Ох!..

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Это я не вашему высочество, а сапогам проклятым кричал, чтобы остановились. Ведь их, оказывается, только так и можно остановить...

НАСЛЕДНИК (шупает лоб, затылок и коленки). Ох!.. Ох!.. Да это не скороходы, а скоропады какие-то... О-ох!

ДОЧКА (сквозь слезы). Что, очень больно, ваше высочество?

НАСЛЕДНИК (слабым голосом). Нет, ничуть не больно! (Сжимает зубы.) М... м... м!..

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Вот горе какое! Дозвольте, ваше высочество, сапоги эти дьявольские снять с ваших ножек... А потом я вам полотенчиком и воды со льдом принесу! (Снимает с Наследника скорогоды, помогает натянуть лаковые сапожки и бросает.)

НАСЛЕДНИК (Дочке). А вы перестаньте там хныкать! Да смотрите, об этом ни царю, ни царице, ни родителям вашим! О-ох!

ДОЧКА (всхлипывая). Ей-богу, никому не скажу... Да ведь они и сами заметят...

НАСЛЕДНИК. Ну, я придумаю что-нибудь. О-о-о!

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ (бегая с двумя белоснежными полотенцами и серебряным ведерком). Дозвольте, ваше высочество, вам к темечку и к затыльку водицы со льдом приложить. (Накладывает компресс.) Что, полегчало малость, ваше высочество?

НАСЛЕДНИК. Да, как будто и в самом деле полегче стало. Только вот царинки и црамы эти...

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. А я, ваше высочество, и пластырем с собой захватил, даже целых три. Не позволите ли ушибленные места заклеить? Они, ваше высочество, такого бесцветного цвета, что их не видно будет.

НАСЛЕДНИК. Давай!

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ (наклеивает Наследнику пластыри на лоб, на щеки и затылок). Готово, ваше высочество! (Оглядывает его.) Будто ничего и не было!

НАСЛЕДНИК (вставая). А вы что скажете, барышня?

ДОЧКА. Не очень, ваше высочество, почти совсем незаметно!..

НАСЛЕДНИК (ходит по комнате и даже пытает-

ся насчитывать, только время от времени потирает лоб и затылок. Останавливается у столика с будкой-самогудкой). Это что такое? Фью-фью? Волшебная лудка?

ДОЧКА. Да, ваше высочество, будка-самогудка.
НАСЛЕДНИК. Ну, а этот, азандар, у вас есть?
ДОЧКА. Я не знаю, что такое азандар, ваше высочество...

НАСЛЕДНИК. Ну, это по-ихнему, по-тридевятски, а по-нашему — музыкант.

ДОЧКА. Музыканта у нас, к сожалению, нет...

Женский голос в противоположном конце зала звонко и внятно повторяет: «...сожалению, нет!»

НАСЛЕДНИК (оглядываясь). Кто это там говорит?

ДОЧКА (тоже оглядывается по сторонам). Не знаю, ваше высочество.

ГОЛОС. ...сочество!

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ (Молодому). Кто тут есть?..
Чей это голос?..

МОЛОДОЙ ЛАКЕЙ (слышимо). Ума не приложу... Может, это эхо?

ДОЧКА. Эх! Вот интересно! Никогда еще в доме у нас его не было. (Громко.) О-о-о! Ау!

ГОЛОС (из другого конца зала). О-о-о! Ау!

ДОЧКА. И в самом деле эхо...

НАСЛЕДНИК (слабым, усталым голосом). Ау!.
(Молчание). Мне оно почему-то не откликается.

ДОЧКА. Ау! Ау!

ГОЛОС (сквозь с другой стороны). А-у!.. А-у!..

НАСЛЕДНИК. Ну и чудеса творятся у вас в доме, куда ни повернись! (Слегка потирает затылок.)

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ (вполголоса). И впрямь чудеса...

За дверью шум, оживление. Слышатся веселые, громкие голоса. На корах в зале появляются музыканты с различными трубами, скрипками, контрабасом и барабаном.

Наследник старается принять бодрый вид — как будто ничего не случилось,— но все же прячется за одну из колонн. Старый лакей поспешно обмахивает сапоги-скоробоях салфеткой, ставит их на место, в шапчик со стеклянной дверцей, и приводит себя в порядок. Молодой лакей незаметно проскальзывает в дверь, противоположную той, откуда должны войти гости.

В зал, оживленно беседуя, входит царская чета, за ней Канцлер, бравый молодой Генерал и пожилая, сильно подкрашенная Фрейлина. Потом — Министр внутренних дел и Министр иностранных дел (высокий, тощий с небольшими, аккуратно подстриженными усами и эспланадкой). В руке он держит лорнетку, а также Посол и Переводчик в нарядных халатах. Последними входят хозяева дома, тоже разряженные. У дверей становятся два рослых солдата с ружьями. На корах музыканты торжественно играют танец. При первых же словах Царя музыка умолкает.

Когда царская чета подходит ближе, хозяйская Дочка вскакивает, как на пружинах, делает мелковый реверанс и сует Царице заранее приготовленный букет.

ЦАРЬ (берет букет, не глядя). Ну, здравствуйте, милая барышня! Благодарю!

ДОЧКА (слышимо). Это не вам, это царице!.. То есть, простите, ее величество...

ЦАРЬ (смеясь). Ах, вот как? Ну, не беспокойся, я отда姆, отда姆! Мне чужих букетов не надо.

ДОЧКА (со слезами на глазах). Простите, я совсем не то хотела сказать, ваше... величество!

Мать издали смотрит на нее и укоризненно качает головой.

ЦАРИЦА (взяла у Царя букет, с ласковой улыбкой треплет хозяйственную Дочку по щеке). Успокойся, дитя мое, я очень тронута... (Передает букет Фрейлине.)

ЦАРЬ (оглядываясь). Так это и есть ваши умные вещи?

БАРИН. Да, ваше величество! Угодно ли осмотреть их?

БАРЫНЯ. Ах, нет, прежде всего я предложила бы их величествам проследовать к столу и слегка подкрепиться!

ЦАРЬ. Ну что ж! Благодарю. Признаюсь, я немного проголодался в дороге. Но зачем же к столу? Ведь у вас есть волшебная скатерть.

БАРЫНЯ. Скатерть-самобранка, ваше величество? Все кушанья у нас на столе с нашей самобранки. Перед самым вашим прибытием сияли. Мне кажется, за столом сидеть гораздо удобнее.

ЦАРЬ. Пожалуй, что так.

БАРЫНЯ. Закусим, а потом, если угодно, мы и к самобранке перейдем... Прошу за стол, ваше величество! (Тихо Лакею.) Прикажи немедленно подавать. Прошу за стол, господа!

Через минуту толстый, пухлый, бледный Повар в высоком белом колпаке и в белой одежде, а за ним двое поварят — тоже во всем белом — торжественнонесут блюда с рыбой, паштетами, жареными цыплятами, телятиной, фазанами, куропатками и другой дичью, с артишоками и триофлями, а также серебряный поднос, уставленный соусниками и салатницами. Оркестр играет веселый мотив.

ЦАРЬ (заметив Постла). А, здравствуйте, господин посол! Очень рад! Вот вы лавочку нам про свои чудеса рассказывали, а теперь полюбуйтесь нашими.

ПЕРЕВОДЧИК. Простите, ваше величество, господин посол немного опьян и может говорить только шепотом. Дозвольте перевести его слова. Господин посол счастлив познакомиться с вашими чудесами и заранее уверен, что они намного превосходят наши чудеса.

ЦАРЬ. Это делает честь его скромности. Ну, за стол, так за стол, господа.

ЦАРИЦА (тревожно). А его высочество где?.. Я что-то его не вижу.

НАСЛЕДНИК (выходя из-за колонны). Я здесь, ваше величество!

ЦАРИЦА. Ах!.. (Тихо.) Что с тобой? Отчего ты весь в запахах, то есть в наклейках?.. (Хватается за сердце.)

ЦАРЬ. Кто это тебя так разукрасил?

НАСЛЕДНИК (тихо). Да никто... Я сам... Ну, просто упал с коня, когда сходил с него, в стременах запутался.

ЦАРЬ (негромко и насмешливо). Видать, ты и в самом деле запутался...

ЦАРИЦА (вполголоса). Сядись за стол рядом со мной... Ах, эта верховая езда!

ФРЕЙЛИНА (украдкой протягивая Царице крошечный фланчик). Вот, ваше величество, херцен-тропfen — сэрдечки капли...

ЦАРИЦА. Не надо. Мерси!

Во время этого разговора присутствующие делают вид, что не слышат, и негромко переговариваются между собой.

БАРЫНЯ. Ну, милости просим!

Все усаживаются, пьют, едят и негромко беседуют под игруюю музыку.

ЦАРЬ (вытирая салфеткой рот). Очень вкусно, прямо-таки волшебно приготовлено!.. (Барину, сидящему справа от него.) Скажите, а где здесь меч — сто голов с плеч? Есть он у вас?

Переводчик наклоняется к Послу и что-то бормочет.

БАРИН. Как же, ваше величество, есть. Мы держим его вот в этом шкафу под замком. Уж очень он страшен! Да к тому же мы не успели спросить у продавца, как с ним обходиться, с этим мечом...

ЦАРЬ. Ну, мои генералы разберутся! (Генералу, сидящему слева от него, на втором месте после Канцлера.) Взять волшебный меч из полигон для испытания!

ГЕНЕРАЛ. Слушаю-с, ваше величество! (Вполголоса.) Но позвольте себе обратить внимание вашего величества, что за столом присутствует посол иностранной державы, а переводчик переводит ему все, что здесь говорится...

ЦАРЬ. Ну и пускай себе переводят!.. Я нарочно говорю громко, чтобы он слышал. А то они, чего доброго, проборутся изпасть на нас, если только у них и в самом деле имеется меч — сто голов с плеч.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (громко и торжественно). Разрешите про-воз-гласить первый тост за здоровье его...

ЦАРЬ (поморщившись). Да не спешите! Это потом, когда мы будем шампанское пить. (Барину.) Кстати, подает ли ваша самобранка шампанское?

БАРИН. Всевозможные вина подает, ваше величество. Полагаю, что и шампанское...

ЦАРЬ. А сколько же вы заплатили за ваши чудеса?

БАРИН. Стойте ли говорить об этом, ваше величество... Это такая малость...

ЦАРЬ. Ну, а все-таки?

БАРЫНЯ (сидящая напротив, рядом с Фрейлиной, по правую руку от Царницы). Совсем немного, ваше величество... Тысяч пятьдесят золотом или что-то в этом роде... Мы так счастливы преподнести вашим величествам этот скромный подарок!

ЦАРЬ (Канцлеру, сидящему рядом, по его левую руку). Господин канцлер, прикажите-ка завтра выдать нашим радушным хозяевам сто тысяч золотом.

КАНЦЛЕР. Слушаю-с, ваше величество!

ЦАРЬ. Да приготовьте мой высочайший рескрипт о том, что я позволю дворянину такого-то в графское достоинство. Поздравляю вас, граф!

БАРИН (прослезившись). Всепокорнейше... благодарю, ваше величество, но я, право, недостоин такой чести...

ЦАРИЦА (Баринке). Поздравляю вас, графиня!

БАРЫНЯ. Ах, я так тро-нуга, ваше... (Слезы мешают ей говорить.)

НАСЛЕДНИК (холмской Дочери, сидящей рядом с ним). Поздравляю вас, графиня!

ДОЧКА (тихо). Что? И я тоже графиня? Как странно, даже немножко смешно!.. Простите, ради Бога, ваше высочество!

ФРЕЙЛИНА (Баринке, а потом то же самое Дочке). Оичен пострафляй вас, грэфы!..

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (вставая). Ура!.. За здоровье...

ЦАРЬ. Да не спешите же! Что это вам не сидит... Сейчас мы закусим тем, чем угостят нас наша самобранка, а потом я будем пить за здоровье нового графа и новых гравийн. (Хоззину.) Великое, граф, самобранку подавать!

БАРИН (заметно волниясь). Старому лакею, стоящему за его столом! А ну-ка, любезный, прикажи-ка самобранки подавать!

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Слушаю-с, ваше сиятельство! (Робко подходит к скатерти-самобранке и говорит, записавшись на каждом слове.) А ну-ка, скатерть-самобранка... самобранка... самодралка!. Развернись! (С ужасом отступает на шаг.)

Меновенная тьма. Сухой треск. Летят зелены и синие искры. Гулкий удар грома. Все вздрогнули, вскачали с мест, опрокидываясь на стулья. Царю вспыхивает обеими руками на стол. Царица прижимает обе руки к сердцу. Наследник держится за голову. Барыня закрывает лицо руками. Барин вспыхивает на стул. Дочка неистово кричит, Фрейлина с визгом прыгает под стол. Только Посол и Переводчик спокойны. Снова искры и сильный громовой удар.

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. О-ох! (Приседает на корточки, стараясь защитить голову руками.) О-ох!. Башушки мои!..

ЦАРЬ. Да что тут творится?.. Столпотворение какое-то!.. Что с тобой, старик?

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ (с трудом выпрямляясь). Сам не знаю... Словно дубиной огrello... Два раза саднуло... выше вели... честью!

БАРИН (спрыгнув со стула). Да ты, дурак, не то сказал... И скатерть у тебя не так разостланна... Из-за какой виновки!.. Вот я тебе!..

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ. Да это она только сейчас, барин, наизнанку вывернулась, а лежала, как надо...

Фрейлина осторожно вылезает из-под стола, садится и нервно пудрит лицо.

БАРЫНЯ. С ума сошли наши умные вещи!.. (Царице.) Не угодно ли вам воды или нашательного спирта, ваше величество?

ЦАРИЦА. Ничего не надо, мерси! (Отворачивается от нее.)

БАРИН. Ваше величество, клянусь честью, что эта скатерть...

ЦАРЬ. У вас нет чести!

БАРИН. Даю слово дворянину, что она...

ЦАРЬ. Вы больше не дворянин! (Канцлеру.) Денег ему не выдавайте и высочайшего раскрытия не пишите!

БАРИН. Клянусь головою...

ЦАРЬ (вполголоса). У вас скоро не будет головы.

НАСЛЕДНИК (хоззинской Дочки). Кажется, вы, барышня, уже больше не графина?

ДОЧКА (всхлипывая). И не надо...

ПОСОЛ (криком голосом Переводчику). Аларым таратит малёв дар!

ЦАРЬ (Канцлеру тихо). Ах, я совсем забыл, что посол здесь. Срам какой!.. Уладьте как-нибудь это дело. Ведь вы же умеете!..

КАНЦЛЕР (тихо). Сию минуту, ваше величество! (Громко и бодро.) Прошу успокоиться, господа. Это всего только недоразумение... (Улыбаясь.) Просто маленько, забавное недоразумение, что-то вроде неудачного фейерверка. Знаете, как это бывает — вспыхнет, запиштит, выстрелит, а вреда никому не причинит. Ха-ха! (Барину.) Так, вы говорите, сударь, что скатерть была в порядке?

БАРИН. В полном порядке, ваше превос... превосходительство, она превос... превосходно кормила... Должно быть, ней что-то испортилось... Ведь все-таки вещи!..

ПЕРЕВОДЧИК (вставая с места). Его превосходительство господин посол изволил сказать, что все вещи на свете, даже самые полубесные и умные, могут портиться. И у нас это бывает.

ЦАРЬ (успокаиваясь). Ах, вот как?.. Ну, а ваш зинг-занг, меч — сто голов с плеч, тоже иногда портится?

ПЕРЕВОДЧИК (наклоняется к Послу и сразу же переведает его слова). Так точно, ваше величество. И с ним это бывает: разойдется вдруг и рубит головы, не разбирая, с своим и чужим. Недаром у нас в народе его так и прозвали: «Меч — свою голову с плеча».

ЦАРИЦА. Какой ужас!

ЦАРЬ. А нельзя ли его как-нибудь... Ну, что ли, усовершенствовать, чтобы он только чужие головы рубил?

ПЕРЕВОДЧИК. На волшебные вещи управы нет, ваше величество. Господин посол еще не знает, как будет угодно поступить его государю, а сам-то он думает, что надо бы оба зинг-зенга — и наш и ваш, — ежели он у вас имеется, поглубже в землю закопать или в море утопить, пока они всех не изрубили.

НАСЛЕДНИК. Наш зинг-занг в море утопить?! Нет, ни за что! Пускай они свой утопят!

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ. Простите, ваше высочество, но ведь мы сейчас видели, что вытворила тут скатерти-самобранка. А что было бы, если бы то же самое случилось с волшебным мечом?..

ГЕНЕРАЛ. Ну, мало ли что бывает!.. Уж не прикажет ли господин министр драчиться на войне пальмы? Это почти совсем бесполезно... А что касается меня, то я вполне согласен с его высочеством.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. И я согласен!

ЦАРЬ. С кем?

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. С вашим величеством!

ЦАРЬ (насмешливо). Ну, разумеется, еще бы... А что касается меча, то это, господин посол, надо еще обсудить, обдумывать... Дело очень сурьезное и щекотливое... Так, значит, все ваши волшебные вещи иной раз пошаливают? Или есть и более надежные?

ПЕРЕВОДЧИК (перемолвившись с Послом). Есть и более надежные, ваше величество. Ну, например, фю-фю, по-нашему, или дудка, по-вашему. Она совершенно безопасна, хотя и фальшивит, когда на ней плохой музыкант играет.

ЦАРИЦА. Это, конечно, очень неприятно, но не страшно. Ну, если так, может быть, кто-нибудь попытается съграть на нашей дудочке. Вы разрешите, ваше величество?

ЦАРЬ. Пожалуйста, только поаккуратнее... Пускай наш иностранный министр попробует. Он человек остроумный и на любой дудке умеет играть, хоть почес не те ноты берет.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ. Извольте, ваше величество, попытайся!

БАРИН (Старому лакею). Подай его превосходительству дудку.

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ (со страхом берет по столику дудку, словно она горячая, и подает Министру на расщепленном золотом подушечке). Пожалуйста, ваше превосходительство! (Облегченко вздыхает.)

Все замирают и опасливо смотрят на дудку. Министр берет ее дрожащими руками и несколько раз проносит ее мимо рта. Наконец ему удается поднести ее к губам. Раздается необычайно громкий, претяжный и нелепый звук. Все смеются. Особенно весело хохочут Наследник, Царь хмурится. Царица жимает уши. Лицо Фрейлины выражает удивление, склоненное с испугом. Министр осторожно кладет дудку на подушечку и, смущенный, возвращается на свое место.

ЦАРЬ (легкомяко). Вот вам и дудка-самогудка!.. Ради этого стоило нам приезжать сюда! Можно было просто в коровник пойти да послушать.

БАРЫНЯ. Ваше величество, дозвольте слово сказать...

ЦАРЬ (строго). Что вам угодно?

БАРЫНЯ (со вздохом). Дудочка наша тоже, как видно, испортилась, ваше величество. Она прекрасно играла...

ГОЛОС (в отдалении). Играла!..

БАРЫНЯ. Ну, вот!.. Вы слышали, ваше величество? Значит, я правду говорю.

ЦАРЬ. А кто это сказал? Чей это голос?

БАРЫНЯ (озадаченная). Чей голос?.. Сама не знаю.

ДОЧКА (тихо). Это эхо... У нас тут эхо завелось...

БАРЫНЯ. Чот?.. Ваше величество, представьте себе, это, оказывается, эхо.

ЦАРЬ. Ну, если и вправду эхо, то оно, конечно, во всем согласится с вами!

ЦАРИЦА. Но какой у него приятный, звонкий голосок! (Барыня.) Так вы говорите, что ваша дудочка прекрасно играла? А кто играл на ней?

БАРЫНЯ. Не помню точно. Какой-то музыкант.

ГОЛОС. Музыкант!

ЦАРИЦА. Опять эхо!.. А где ж он сейчас, этот музыкант?

БАРЫНЯ. Право, не знаю.

ГОЛОС. Нет, знаете!

ЦАРЬ. Слышали? На этот раз ваше эхо, кажется, не согласно с вами!..

БАРЫНЯ. Ах, у нас в доме никто со мной не согласен, ваше величество! Я к этому давно привыкла. Эхо и то спорит со мной...

ЦАРЬ. Ну, уж если ваше эхо не только чужие слова повторяет, а и спорить умеет, так не скажет ли оно нам, где же этот музыкант?

ГОЛОС. Музыкант?

ЦАРЬ. Да, музыкант.

ГОЛОС (из другого конца комнаты). В тюрьме!

ЦАРЬ. А не знаешь ли, эхо, за что он туда попал? Верно, украл что-нибудь?

ГОЛОС (внятно и звонко). Нет, у него украли!

ЦАРЬ. Ого!. Да ваше эхо прямо-таки можно вызывать в суд свидетелем... Чего же у него украли?

ГОЛОС. Дудку.

БАРЫНЯ. Ваше величество! Да какой же сандаль — эхо? Мало ли что оно сболтнуть может!

БАРИН. Оно ведь не отвечает за свои слова!

ЦАРЬ. Так же, как и вы!.. Однако в чем тут дело? Мы уже не в первый раз слышим об этом загадочном музыканте. А теперь о нем даже эхо заговорило. Любопытно бы взглянуть на него...

ЦАРИЦА. Ваше величество! А не прикажете ли вы его сюда привести?

ЦАРЬ. Сюда?!

ЦАРИЦА. Ну хоту на несколько минут, ваше величество! Мы посмотрим, что это за человек, о котором даже за границей, в тридевятом царстве знают,

а кстати, он нам и на волшебной дудочке погнагает... Может быть, у него она будет звучать приятнее. ЦАРЬ. А что ж, пожалуй... Послушайте, генерал! ГЕНЕРАЛ. Что прикажете, ваше величество?

ЦАРЬ. Поезжайте и привезите сюда этого музыканта. Да покорче. Можете взять мою карету, она вас мигом достанет.

ГЕНЕРАЛ (зеваянув широрами). Слушаю-с, ваше величество! (Ходит.)

ЦАРЬ. А что ж это эхо замолчало?

ЦАРИЦА. Да, его что-то не слышно больше...

ДОЧКА. Ау!

ГОЛОС (с другой стороны зала, но ближе, чем прежде). Ау!

ЦАРИЦА. Сейчас оно, кажется, где-то совсем близко... Где ты, эхо?

ГОЛОС (снова издалека). Где ты... эхо?

ЦАРЬ. А не покажешься ли ты нам, любезное эхо, если уж ты в дом забрался? Много раз я тебя слышал в горах, когда на охоту ездил. Ты даже на собачий лай и на выстрелы там откликалась... А видеть тебя мне до сих пор не приходилось... Ну, покажись (Молчание.) Молчит... (Царице.) Попросите же его, ваше величество. Вам оно как будто скрытой откликается.

ЦАРИЦА. Милое эхо, пожалуйста, покажись! Ау!

ГОЛОС (сквозь издали). Ау!

ЦАРИЦА. Ну что ж, покажешься?

ГОЛОС. Покажусь... если его на волю отпустите и меня не обидите.

ЦАРЬ. Ишь, как разговорилось!.. Ну, так и быть, обещаю, что тебя никто не обидит, а его нам дадут просить сначала надо, коли он в тюрьму попал...

ЦАРИЦА. Ты слышишь, эхо?.. (Молчание.)

ЦАРЬ. Вот теперь и вам не отвечает... Экое оно упрямое!

ПЕРЕВОДЧИК. Ваше величество, господин посол просит сказать, что из всех чудес эхо — самое чудесное. А уж если оно еще и покажется, то это чудо прославит ваше величество на весь мир.

ЦАРИЦА. Ваше величество, я очень прошу вас, обещаю исполнить все, что оно просит... Это так интересно — увидеть эхо!. Как в сказке!

ЦАРЬ. Ладно, обещаю...

ЦАРИЦА. Ты слышишь, эхо? Ау!..

ГОЛОС. Ау!..

Доносится конский топот, шуршание колес. Входит Генерал, за ним Музыкант в сопровождении Солдата с ружьем.

ГЕНЕРАЛ (зеваянув широрами). Дозвольте доложить. Приказание вашего величества исполнено. Арестованного доставлен.

ЦАРЬ. Хорошо. Пусть подойдет.

Музыкант сначала растерянно озирается по сторонам, с удивлением смотрит на Царя, Царицу, министров, пристальноглядывает в Посла и Переводчика, кланяется всем. Последними замечает Барина и Барыню. Тут только он соображает, куда его привезли.

МУЗЫКАНТ (Барину). Здравствуйте, ваша милиция. Вот уж не думал, не гадал к вам в гости попасть... Э, да и дудка-самогудка моя тоже, кажется, здесь гостит!..

ЦАРЬ. Побеседуйте с ним, господин канцлер, разузнайте, в чем тут дело. Да покорче: нам домой, во дворец, пора.

КАНЦЛЕР. Слушаю-с, ваше величество. (Музыканту.) Так ты говоришь, это твоя дудка, парень?

МУЗЫКАНТ. Была моя, а теперь не знаю, чья.
КАНЦЛЕР. Где ты ее взял?

МУЗЫКАНТ. Я ее брал, мне дали.

КАНЦЛЕР. А кто дал?

МУЗЫКАНТ. Старичок один...

КАНЦЛЕР. А что за старичок? Как его зовут?

МУЗЫКАНТ. Не знаю. Не спрашивал.

КАНЦЛЕР. Ну, а где он сейчас?

МУЗЫКАНТ. Кто его знает!

ЦАРЬ. Ты что-то путаешь, малый!

БАРЫНЯ. Путает, ваше величество, путает! Дудка наша. Он ее украл.

ЦАРЬ. Да ведь лудка-то у вас!..

БАРЫНЯ. Мы ее, ваше величество, через полчище обратно получили, а он за кражу в тюрьму попал.

ЦАРЬ (Канцлеру). Допросите-ка, пожалуйста, и этих господ. Только покороче! (Барыня обижена. Барин глубоко вздыхает.)

КАНЦЛЕР. Слушаю-с, ваше величество! (Любезно по Барине и Барину.) Не угодно ли ответить, где вы изволили приобрести эту дудочку?

БАРИН. В лавке, ваше превосходительство, у старика одного... Так же, как и все остальные волшебные вещи.

КАНЦЛЕР. Так-с. А не будете ли вы любезны сказать, где эта лавка, где старик?

БАРЫНЯ. Этого никто не знает, ваше превосходительство! (Понизив голос, таинственно.) Ведь он волшебник, колдун...

ЦАРЬ. Вот так загадка!. Кто же у кого лудку украл? Как вы полагаете, господин канцлер?

КАНЦЛЕР. Я, ваше величество, рассуждаю так: белые у богатых нередко воруют, а богатым у белых красы незачем да и нечего. Когда я вижу в руках у нашего дорогого мужа, я думаю, что она краденая...

ЦАРЬ. Так-то оно так... Да ведь парня-то этого мы отпустить обещали.

ГОЛОС. Обещали!..

Услышав голос, Музыкант вздрогивает, оглядывает ся. Лицо его светлеет.

КАНЦЛЕР. Простите, ваше величество, вы, конечно, изволили обещать... Но кому? Ведь эхо — это звук пустой. Оно потому и не показывается, что его нет. Голос, и все. Так сказать, одна только акустика...

ПОСОЛ (встает и говорит хрипло). Астайн али-тойн малым чер-чер... Алимайн букбак фью-фью лю-лин.

ЦАРЬ. Что это по-нашему?

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол изволил сказать, что мудрецы в старину умели узнавать, кому принадлежит волшебная вещь...

ЦАРЬ. Как же они узнавали?

ПЕРЕВОДЧИК. Очень просто, ваше величество. Кого эта вещь слушается, тот ей и хозяин. Так вот господин посол и спрашивает, не прикажет ли ваше величество нашему почтенному хозяину и музыканту по очереди сыграть на волшебной лудке?

ЦАРЬ. Что ж, пожалуй, посол дело говорит. (Барину.) А ну-ка, сударь, попробуйте сыграть нам что-нибудь!

БАРИН. Слушаю-с, ваше величество! (Берет у Старого лакея дудку и подносит ко рту.)

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ. Да вы ее не тем концом в рот берете!

ЦАРЬ. Ну, ежели так, дайте-ка самогудку этому парню.

БАРИН. Слушаю-с! (Старому лакею.) Дай ему самогудку.

СТАРЫЙ ЛАКЕЙ (подает дудку Музыканту). На, бери, парень.

МУЗЫКАНТ. Давай, давай. Мне не в первый раз играть на ней!

Дудка-самогудка играет что-то печальное. Время от времени Музыкант и сам поет. Ему чуть слышно втобрит женский голос.

Что, кукушечка, ты утром не кукушь?
Что ты, милая, все плачешь да тоскуюсь?..

ЦАРИЦА (нергомко). Слышите, как будто женский голос поет вместе с ним... Неужели эхо?..

Музыкант играет и поет.

Как не плакать, не тужить мне, одинокой?
Друга милого угнали в край далекий,
Разлучили нас на каменные горы,
А токремные железные затворы...

Все слушают, понурив головы. Царица подносит к глазам платок. Хозяйская Дочка все громче и громче вздыхает и всхлипывает. Царь, и тот опускает голову на ладонь.

Написала бы милому письмо я,
Да писать я, мой милый, не умею,
Да писать я, мой милый, не умею,
Писаречка да не имею!..

Хозяйская Дочка громко плачет. Царь хмурится.

Поклонюсь-ка я пониже писаречку:
«Напиши-ка ты любезному хоть строчку».
Отыщу ключи я, мой любезнай,
Отомкну я твой замок железный...
Ярче солнце после бури да неистая,
После горя краша будет счастье!

Царица и хозяйская Дочка рыдают. Старый лакей тихо плачет. Министр иностранных дел утирает глаза шелковым платочком. Все остальные сидят, пригорюнившись. Только Барыня и Барин отвернулись, будто не слушают.

ЦАРЬ (хмуро). А нельзя ли что-нибудь повеселее? Не люблю я жалобных песен...

БАРЫНЯ. Это он, ваше величество, разжалобить хочет!..

МУЗЫКАНТ. Повеселее? Что ж, можно и повеселее... Нынче я со своей самогудкой встретился, да и знакомый голос услышал... Эх! (Играет и поет.)

Ой, ты, лудка моя,
Самогудка моя!
Это ты, моя луда,
Привела меня сюда...

Играет все быстрее и веселее.

Да в карете золоченой
С вензелями и короной.
Из тюрьмы, моя луда,
Так не возят никогда...

Нутча, лудка-самогудка,
Брось ты старую погудку.
Занграй на новый лад.
Пусть запляшет стар и млад!

Эту струфи и следующую подхватывает, не заглуши слов, оркестр в зале и хор за сценой дома. На-

следник, а за ним хозяйская Дочка пускаются посерди зала в пляс. Пляшет, стоя на месте и позванивая шпорами, Генерал. Присыпывает, боязливо косясь на Царя. Министр внутренних дел. Но Царь и сам, не вставая с места, притопывает и прищелкивает пальцами. Царица тоже танцует в кресле. Министр иностранных дел фирикирует. Канцлер подскакивает на стул и чутко слышно старческим голосом охает в лоб: «Ох, ох! Ох, ох!..» Барин, чтобы не заплакать, держится обеими руками за сиденье стула. Барыня затыкает уши. Даже Солдаты, стоящие у двери, пляшут, не сходя с места и стучая прикладами.

МУЗЫКАНТ (вместе с хором за оградой и оркестром).
Д'ех ты, дудочка моя!
Самогудочка моя!.
В самогудку станешь дуть,
Станешь дуть,
Сами ноги в пляс идут,
В пляс идут!.
Эх!..

(Умолкает.)

ЦАРЬ. Ну, совсем уморил! (Вытирает платком лоб и шею.)

Все обмахиваются платками, салфетками, Царица — веером.

КАНЦЛЕР (судорожно кашляя). Ох, не могу!.. Простите, ваше величество!..

ЦАРЬ. А кто ему там на дворе подтягивал?

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (смотрит в окно). Это, ваше величество, народ за оградой...»

ЦАРЬ. Какой народ? Чего ему надо?

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. То ли ваше величество лицезреть хотят, то ли на волшебные вещи поглядеть...»

ЦАРЬ (махнув на него рукой). Что ж вы, генерал, не приказали разогнать их?

ГЕНЕРАЛ. Я, ваше величество, уже отдал приказ. Сейчас разгонят... Да людей там, ваше величество, видимо-невидимо. Мы в карете с конем едва пробирались сквозь толпу... Там они, ваше величество, какой-то свадьбы ждут, что ли. Так я, проезжая, слышал, ваше величество...»

Шум за сценой усиливается.

ЦАРЬ. А что же вы стоите здесь, да еще и отплясываете, генерал? Чего доброго, они и сюда ввалиются... Немедленно рассеять толпу!

ГЕНЕРАЛ. Слушаю-с, ваше величество! Немедленно рассеяты!.. (Поспешно уходит.)

Появляется Молодой лакей.

МОЛОДОЙ ЛАКЕИ (Барыне). Там, ваше сиятельство, волшебный старик пришел... А с ним еще двое...»

БАРЫНЯ. Какой волшебный старик?

МОЛОДОЙ ЛАКЕИ. У которого вы чудеса купить изволили!..

ЦАРЬ. А, тот самый старик? Ну-ка, зови его сюда, зови! (Канцлеру.) Сейчас, кажется, мы все загадки разгадаем.

Молодой лакей удаляется и сразу же вводит Старика и двух портных — Черного и Рыжего. У портных цветные ленты через плечо, в петлицах букетики. Все трое кланяются.

БАРЫНЯ (вполголоса портным). Вы кто такие?.. Кто вас пустил сюда? Сказано было только старика позвать!..

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. А мы нынче, ваша милость, свадьбу играть собираемся...

РЫЖИЙ. За женихом и невестой пришли. Какая же свадьба без жениха и невесты?

ЦАРЬ (смеется). Это верно! Ну и забавные же они оба! Да где ж тут жених и невеста?

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. А как же: вам женихи с дудкой в руке стоят.. Ведь ты, парень, отказываться не станешь?

МУЗЫКАНТ (смеясь). Не стану.

РЫЖИЙ (оглядываясь). А невесты и в самом деле что-то не видать... Да и она должна быть тут...

ГОЛОС (издали). Тут!

Молодой лакей смущенно отходит в сторону.

ЦАРЬ. Что такое?.. Эхо замуж выходят? Ну и чудеса! Впрочем, музыкант и эхо — подходящая пара.. (Все смеются.) Ну, ладно, жениха вашего я, пожалуй, отпущу, ежели старик и в самом деле подарил ему дудку...

СТАРИК (негромко). Верно. Подарил.

ЦАРЬ. Ладно, пусть уходит подобру-поздорову, а на невесту мы сначала и сами поглядим ходим...

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Что ж, и на том спасибо. Аюсь, и невеста не заставит себя долго ждать...

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Счастливо оставаться, ваше величество!.. Простите, коли не так сказал...

Портные идут к выходу. Музыкант, оглядываясь, будто кого-то ищет, медленно идет за ними.

ЦАРИЦА. Нет, нет, постойте! Зачем отпускать музыканта? Кто же нам, ваше величество, на волшебной дудочке играть будет? Он так хорошо жалобные песни играет...

ЦАРЬ (хмуро). Не надо мне больше жалобных песен. Я их терпеть не могу!.. И дудки этой проклятой тоже не надо!

ЦАРИЦА (умоляющим голосом). Но он ведь, ваше величество, и веселые песни играть умеет...

ЦАРЬ (нетерпеливо). И веселых не надо!.. Не хочу, чтобы мои министры и генералы под его дудку плясили... Иди, малый, да смотри, чтоб в моей столице дудки твоей и не слышно было.

МУЗЫКАНТ. Слушаю, ваше величество. Мне и самому за городом на вольном воздухе играть веселее.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Здравствуйте, вашему величеству!

РЫЖИЙ. И всей честной компании!.. Извините, коли не так сказали. (Уходит.)

БАРЫНЯ (Молодому лакею). Поди выпроводи их да дверь за ними закрой!.. Как бы чего не发生了!..

Молодой лакей выпроваживает их. Снаружи, из полуоткрытой двери зала, слышится звонкий голос: «Прощайте, ваше величество! Увидимся в горах, когда на охоту поедете!.. Ага!»

ЦАРЬ. Эх!.. Ушло, негодное!

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (часовым у двери). Солдаты, держите его!..

БАРЫНЯ (слугам). Держите ее!..

СОЛДАТ. Кого держать, ваше превосходительство?..

МОЛОДОЙ ЛАКЕИ. Никого не видно, ваше сиятельство!..

ЦАРЬ. Экое представление устроили для нас нынче... Словно мы в театре каком...

СТАРИК (глухим голосом). Ваше величество, я пойду. Мне ждать недосуг.

ЦАРЬ. Как это недосуг?.. Мы еще с тобой поговорим!.. (Ко всем присутствующим.) Ну, господа, мы и в самом деле слишком долго в гостях засиделись, хозяев утомили. Пора и честь знать!

Все встают и кланяются царской чете.

— Здравия желаем, ваше величество!

— Здравия желаем, ваше величество!

— Здравия желаем, ваше высочество!

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол желает долголетия, благополучия и благополучия вашим величествам и вашему высочеству!

Все, кроме царского семейства, хозяев и Канцлера, уходят. Снова появляется Генерал.

ГЕНЕРАЛ (звеня шпорами). Имею честь доложить вашему величеству: толпу рассеяли. Дорога очищена.

ЦАРЬ. Прикажите конвою ожидать нас у кареты!

ГЕНЕРАЛ. Слушаю-с, ваше величество! (Удаляется.)

Минутное молчание.

ЦАРЬ. Ну, старик, иди-ка сюда!.. На вид ты человек степенный. Что ж это ты господам такие негодные вещи продал?

СТАРИК. Я не продал. Денег-то с них я ведь не получил...

БАРЫНЯ. Да вещи твои ничего и не стоят!.. Не умные они, а безумные!.. Нам они одно только горе принесли...

СТАРИК (усмехаясь). Горе? А ведь я слышал, вы из-за них полчаса графиней были, а барни —графом...

БАРЫНЯ. Это не твое дело! Вон отсюда, проглятый колдун! (Плачет и топает ногами.)

ЦАРЬ (звеня Барыне). Что такое? Да как вы, сударыня, осмелились?.. Извольте немедленно удалиться прочь!..

БАРИН. Простиште ее, ваше величество!.. Уходи, сейчас же уходи!..

Барыня. а за кей Дочка, плача, уходит.

ЦАРЬ (чемного успокоившись). Ну, слушай, старик. Ты, может, и ненароком мне, царю, и всему моему царскому семейству оскорбление нанес!.. Но так и быть, что тебя прошу и даже награжу, ежели ты свои волшебные вещи в порядок приведешь. А то мне перед другими государствами совестно.

СТАРИК. Как это в порядок привести, ваше величество?

ЦАРЬ. Ну, исправить их или починить, что ли.

СТАРИК. Моя умные вещи в полной исправности, ваше величество. Да только не в те руки попали. Ведь каким людям они на своем веку служили — витязям, богатырям, великанам!.. Служили да еще, верно, и послужат.

ЦАРЬ. Так зачем же ты их кому попало продаешь?

СТАРИК. Моя вещи должны сами свою судьбу испытывать, из рук в руки переходить, а не заражаться у меня. Вот и случается иной раз, что они не туда, куда надо, попадают. Да, по счастью, не надолго...

ЦАРЬ. Ну, а ежели они в мои царские руки попадут —ну хоть твой волшебный меч и самобранка... будут они служить мне исправно?

СТАРИК. Простите, ваше величество! А только не советовал бы я вам их брать...

ЦАРЬ (хмуро). Почему же?

СТАРИК. Да ведь вы же сами говорите, что они вам нагрубили. Самобранка, я слышал, вас корзиной отказалась, да еще и перепугала всех. А волшебный меч и не то еще произвести может... Ну, мой умные вещи! Что вы здесь натворили, что наделали? (Пригвоздив-струга качает головой.) Ай-ай-ай!.. Да я знаю, вина тут не ваша... Ведь вас здесь и продавали, и во зло людям обращали, и хвалились вами, а вы этого не любите... Что ж, погостили, и хватят. А теперь все ко мне! Раз, два, три!..

Мгновенная тьма. Слышен стук тяжелого замка, лязг подающего на пол меча, топот сапог-скороходов. Когда сцена освещается, уже нет ни Старика, ни его волшебных вещей.

ЦАРЬ. Где же он, старик этот? Словно сквозь землю провалился!

ЦАРИЦА (задумчиво). Совсем как в сказке!..

ЦАРЬ. Ну, сказка сказкой, а дело делом! (Барину.) А как это вы, сударь, посыпали меня, царя, со всем моим семейством, с министрами и генералами, в западню заманили? Посмейтесь над нами вздумали, перед послом иностранной державы осрамить?!

БАРИН (падает на колени и плачет). Ваше величество, простите меня и помилуйте!.. Да ведь они же и виноваты во всем...

ЦАРЬ. Чего?.. Кто это они?

БАРИН. Ну, посол этот с переводчиком своим. Слышал я давеча на улице, как они с чудесах своих разговаривали. Бог я и подумал: надо, чтобы и у нашего царя чудеса были не хуже, чем у них. Ну и пошел к вам во дворец. Прихожу, а меня непускают, говорят, посол у его величества сидит...

ЦАРЬ. Постой, постой!.. Да как же ты разговор их понял? Ведь они же не по-нашему между собой говорили...

БАРИН. По-нашему, вот как вы со мной, ваше величество, разговариваете!

ЦАРЬ. Вот тебе и тридевятое царство, тридевятое государство! Обман, кругом обман!.. А что же вы, господин канцлер, и ваш министр иностранных дел смотрели? Проходили за посла принять! Где его посольство, где его верительные грамоты? Два расшитых халата да две тюбетейки — вот и все!.. А еще хитречком слизыве, политиком!

КАНЦЛЕР (пригнувшись, почти шепотом). Простите, ваше величество! Не иначе, как и тут волшебство действовало!..

ЦАРЬ. Волшебство! Хватит с меня волшебства! Это только моя царица-иностраница волшебные сказки любит... Никаких больше чудес! Слышали, господин канцлер?.. Запишите это — вы ведь любите все записывать — и сегодня же в отставку! (Барину.) А с вами, сударь, мы еще рассчитаемся... Оставить здесь стражу! (Царице и Наследнику.) Едем!

Царь, Царица, Наследник и Фрейлина идут к выходу. За ними, опустив голову, плетется совсем одржалевший Канцлер. Барин и лакеи застыли на месте. Музыканты на хорах, как это было ик приказано заранее, играют туши.

Эпилог

Занавес опущен. Откуда-то издалека слышна веселая музыка, слегка заглушаемая смутным гулом голосов. Справа и слева на просценium выбегают двое портных с цветами в руках и в пеглицах,

ЧЕРНЫЙ. Ну что, нашел?

РЫЖИЙ. Нет, не нашел. А ты?

ЧЕРНЫЙ. И я не нашел. Как же нам без него свадьбу играть.

РЫЖИЙ. Без него нельзя! Он посаженый отцом вы обещался. Ну да, авось, не запоздает. Ведь и в господский дом он как раз вовремя подоспеял.

ЧЕРНЫЙ. А другу царя его не отпустят?

РЫЖИЙ. Ца-арь?.. Эх ты, умная голова! Да нет такой силы, чтобы его на месте удержать могла. Скажет «Раз, два, три» — и мое почтение!

Входит старый усатый Садовник с большой корзиной цветов в руке.

САДОВНИК. Здорово, садовнички-помощнички мои! Много ли цветов скроили, много ли кустов вы-
туючили?

РЫЖИЙ. В аккурат все сделали. Только и осталось, что к новым деревьям пуговицы пришить! Да вот сейчас свадьбой заняты...

ЧЕРНЫЙ. Младшая помощница твоя замуж выходит.

САДОВНИК. Знаю. На свадьбу и цветы несусь. Все розы у себя в саду обобрал... (Уходит за занавес.)

Появляются два солдата, Старый и Молодой.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Здорово, служивые! От жениха привет!

РЫЖИЙ. От невесты букет!

СОЛДАТЫ. Здравия желаем!. Не знаем, как величать вас.

ЧЕРНЫЙ. Извините, и мы не знаем, кто вы такие будете.

РЫЖИЙ. Невесты нашей знакомые или жениховы сподвижники?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. Жениховы друзья-приятели. Он у нас в доме жил, а мы его сторожили.

ЧЕРНЫЙ. В каком таком доме?

СТАРЫЙ СОЛДАТ. В высоком, каменном, с железными затворами, с решетчатыми окошками. Только он на нас не обижался. Да и невесту его мы тоже знаем. Вот мы им тюремного хлеба-соли принесли.

МОЛОДОЙ СОЛДАТ. Авось, не побрезгуют!

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Милости просим, гости дорогие! Мы о-вас много наслышаны. И жених и невеста вам рады будут.

Солдаты уходят за занавес. Появляются Старик-книгоноша и молодой Продавец из лавки «умных вещей».

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Наше почтение его превосходительству господину послу тридевятого царства, тридесятого государства!

ЧЕРНЫЙ. И его переводчику!

КНИГОНОША. Астян алтион бумбурска чер-чер-ПРОДАВЕЦ. Чер-чер бурдуун блям!

Оба вынимают из карманов узорные тюбетейки, надевают их и снова прячут. Портные смеются.

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Ну, добро пожаловать на свадьбу! Только скажи мне ты, старый, как ты всю эту канитель придумал? Ведь до чего хитро!

КНИГОНОША. А вот кабы ты по-печатному читать выучился да прочел бы столько сказок, сколько я прочел, так и не то бы придумал!

ЧЕРНЫЙ. Без вас обоих нынче бы и свадьбы не было!

ПРОДАВЕЦ. Да и вы оба тоже немало делу помогли.

КНИГОНОША. А уж больше всех помогла сама невеста.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Ну, так милости просим на свадьбу!

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Карман кафтан барабан.. Пожалуйте, гости дорогие!

Книгоноша и Продавец уходят за занавес.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. И какие всё хорошие люди на свадьбу идут!

РЫЖИЙ. Плохих нынче и не будет! Каковы холостяки, таковы и гости!.. (Неожиданно начинает прописывать.)

ЧЕРНЫЙ. Ты с чего это?..

РЫЖИЙ. Разве не слышишь? Жених идет, на дудке играет... Ну, строчи!.. (Пускается в пляс.)

ЧЕРНЫЙ. Выкрайтай!.. (Тоже пляшет.)

Занавес поднимается. На просторной поляне множество народа. В кружке молодых людей на пригорке стоит Жених. Откуда-то идет толпа разраженных молодых девушек. Среди них — Старуха, тоже в праздничном платье.

ГОЛОСА. Это невесту ведут!.. Да только где ж она?..

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Не знаете, что ли? Это эхо ведут!.. А как же его увидишь! (Высоким, тонким голосом.) Ау!..

ЧЕРНЫЙ. Ау!..

ДЕВУШКИ. Ау!.. Ау!.. (Подходят к парням и кланиются Музыканту.) Здравствуй, жених, встречай невесту!

МУЗЫКАНТ. Что-то я не вижу ее...

ДЕВУШКА (снимает шапку-невидимку). Вот я!.. Здравствуй, милый!

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. Горько!

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ. Горько!

Молодые целуются.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ. А вон и старик волшебный идет!

Гул голосов. Старик со свертком в руках подходит ближе.

СТАРИК. Где тут жених и невеста?

Жених и Невеста низко кланяются ему.

СТАРИК. Ну, живите счастливо, в любви да в согласии!

ЖЕНИХ И НЕВЕСТА. Спасибо, девушка!

СТАРИК. Погодите. Рано еще благодарить. Не бось, к свадьбе-то вы ничего припасли не успели?..

НЕВЕСТА. Нет, бабушка моя кой-чего напекла, наварила...

СТАРИК. Ну разве ес печенья да варенья хватит на всех гостей?.. Вот вам на весь мир, на ваш свадебный пир мой скатерть-самобранка. Правда, мала она для такой компании... Да она и вырастти может! (Бросает скатерть через головы молодых на полянку.)

СТАРИК (громко). Ну, самобранка!

Раз. Два. Три. Четыре!

Разворачивайся шире!

Народ расступается. Скатерть, разворачиваясь, покрывает всю полянку. Она усыпана цветами, установлены на блюдами, бочонками, ковшами, кружками. Слышишь веселая музыка.

ЧЕРНЫЙ ПОРТНОЙ (подхватывая слова Старика).

Пять, шесть. Будем есть,
Молодым окажем честь!

РЫЖИЙ ПОРТНОЙ.

Семь, восемь. В гости просим,
Всем по кружке мы подносим.
Кружка доверху полна!

ВСЕ.

Будет выпита до дна!

Песни, хороводы,

(З а н а в е с)

Виктору Бонкову исполнилось 50 лет. Автор многих сборников стихов, книги поэтической прозы «Над рекой и степью», а также популярных песен в том числе таких, как «Оренбургский пуховый платок», «На побывку едет», «В чистом небе» и других. Виктор Бонков завоевал любовь и признательность своих читателей и слушателей.

Мы горячо поздравляем юбиляра, желаем ему здоровья, успехов, а поэтического задора ему не занимать!

Мы уверены, что все читатели и любители стихов с удовольствием присоединятся к нам.

В и к т о р Б о н к о в

Объяснение с землей

Л. Безрукову

Медовыми гречихами
Ты всклюси полна, как братина.
В тебя всего напихано —
И золота и платины.

В тебя всего наливано —
И сладости и горечи.
Равнинная, долинная,
Мы близнецы и родичи!

Хребты твои саянские,
Шагания рабочие,
Кипеня океанские —
Все видел я воочию!

Всего касался личными
Мозолями, и венами,

И песнями, и мыслями,
Словами сокровенными.

Ты мне была не баршина,
Не скуча-посидельщина —
Родная бывальшина,
Разудаль-корабельщина.

Не сирота и пасынок —
Я сын твой, нежные окающий,
Твой песенный подпасок,
Кнутом пастушшим хлопающий,

Твой космонавт словесный,
Летающий в действительность,
Твой молодой ровесник,
Твой пожилой воспитанник!

Девятый этаж

Я живу на девятом. Этаж мой
высок.
Мне заметней отсюда, виднее.
Дождик падает наискосок,
И лицо у старушки бледнее.

«Ах, промочит! Зонта не взяла.
На прогнозы надеялась, дура.
Грипп пристанет, плохие дела,
И откуда дождя-то надул?».

Где-то там, на земле, крик детей,
Где-то там по соседству детсадик,

Где-то стоны грачей-москвичей
Из потомственных старых усадеб.

Воздух мой — стопроцентный озон.
Ни бензина, ни гари с мазутом.
Поглядеть на родной горизонт
Выхожу на балкон и разутым.

Хорошо на девятом, вверху,
Солнце смело гуляет в ресницах.
Место есть разгуляться стиху,
Как пророк Илья с колесницей!

Снегирь

Я люблю снегиря за нагрудные
знаки,
За снежок и за иней на птичьей
брони,
У меня впечатление: он — из атаки,
Снегиринная грудь во-солдатски
в крови.

Пни лесные все прячутся в белые
каски,

Грозовые мерещатся им времена.
Но летает снегирь безо всякой
опаски
И старательно ищет в снегу семена.

Я люблю снегиря за подобье пожара,
За его откровенную красную грудь.
Мать Россия моя, снеговая держава,
Ты смотри, снегиря своего не забудь!

Сын

Сын мой ходит по болотинам,
Где цветущая лоза.
С ним этюдник позолоченный,
Холст, и масло, и глаза,

И печальные и торжественные,
Улетающие ввысь,

Пальцы, тонкие и женственные,
Как жар-птицу, держат кисть.

Ах, успеть бы это облако
Обозначить на холсте!
Но оно не медлит, подлое,
Тихо тает в высоте.

Каждый миг непостоянен,
Мир изменчив, помни, сын!
Бесконечно расстанные
От натуры до картины.

Смотрит иволга с макушки
И задорит: — Не зевай!
Две зеленые лягушки
Не молчат: — Давай! Давай!

Краски яркие ложатся,
Холст огнем запыкала —
Нелегка на поля жата,
Там, где Суриков пахал!

Сын приходит поздно-поздно
Из лесногодалека.
Солнце, сосны, зелень, звезды
Достает из рюкзака!

Кто ты, девушка раскосая?

Кто ты, девушка раскосая?
Иль бурятка? Иль якутка?
Волосы — чернее кокса,
А лицо — белее первонукта.

Ну заговори со мной!
Не гляди, что я не очень молод.
Я в душе мальчишка озорной,
Хоть штыкками времени исколот.

Я люблю людей. А ты среди них,
Хоть еще живешь в семье у матери.
Хочешь — будь твой жених,
Рыцарь справедливый и
внимательный?

Хочешь — буду девушкой твоим,
Расскажу тебе забаву-сказочку,

В очереди вместе постоим,
Я тебе куплю баранок вязочку?

Хочешь — светлым ангелом взлечу
И зажгу на темном небе зарево,
К твоему упругому плечу
Крыльшком притронусь осязаемо?

Хочешь — стану льдом средь бела
дня

Возле Верен иль возле Рузы?
Надевай коньки и режь меня —
Я стерплю во имя нашей дружбы!

Но в твоих глазах черным-черно,
Тут не жди помилования частного.
Все, чего хочу, искальконо.
До свиданья, девушка! Будь
счастлива!

Отказ

Не тобой дорожка торена —
Я сама хожу по ней.
Меня в поле кличут «Зорина» —
По фамилии моей.

Ты сказал, что много гордости,
Значит, так тому бывать.
Я еще на самом возрасте,
Далеко меня видать.

Я как звездочка над хатою,
Чуть темно — она зажглась.
Сто сватов меня посыпают,
Так и знай, что всем отказ,

И тебе с твоей споровкою
Девкам головы кружить.
Рано быть мне со свекровкою,
Хорошо у мамы жить.

У отца родного весело:
Любит, учит, бережет.
Не пойду я замуж, нечего
Караулить у ворот.

Коль свернуть — свернуть без промаха!
Мне с девичьей колен.
Вся свобода, вся черемуха,
Вся весна — еще моя!

Обида

Отвечайте за свои поступки
И судите их своим судом.
Ведь они, как зернышки
в скорлупке,
Прорастут.

Но чем?
Добром иль злом?

Я тебя обидел, Лиза!
Очень опечалил, друг ты мой.
Выступила черная обида
Под глазами темной синевой.

Я не знаю,
Будет ли прощенье?
Рана заживет? Не заживет?
Легче понимать Земли вращенье,
Чем неверный шаг и ложный ход.

Не из бронзы я
И не из гипса.
Отдохнитеесь, мраморные львы!
Помогите, люди! Я ошибся,
И меня спасете только вы!

Владимир Дагуров

Балалаечка

Виктору Бокову

Балалаечка — просто ящик,
всего-навсего
три струны.
Он обводит глазами сидящих
и стоящих вдоль клубной стены.
И распахнутый,
и лукавый,
и нечаянный весел во своем,
он запел —
и пахнуло лугами,
и дубравами,
и овсом.
Пел и пел,
с балалайкой слившийся,
замирая на вскрике «Ой!»,
и слова, скорее, не слышались,
а угадывались душой.
Растекались по жилам трели.
Были струны,
как тетива,
были звуки,
как будто стрелы,
в сердце бьющие донерта!

И частушки,
как чекушечки,
опьяняли лихой тоской.
Девки, крючки и черкушки
их на ярмарке пели тверской.
Пели в Вологде,
пели в Суздале,
пели в Муроме,
и сейчас
пальцы с удовольствием без устали
вдоль по грифу пустились в пляс.
Был он весь —
родниковое струны,
перепутанный клевер волос!
Пел,
покуда не смолкли струны,
будто сердце оборвалось.
И ладонями разразившиеся
люди встали.
Не зал — гроза!
И глядели на зал российские,
очень разинские глаза.

Иванушка-дурачок

«Эге-гей!» —
гуляю я по лесу.
Я в коровий трублю рожок.
С добротой я встречаюсь
и с подлостью,
я — Иванушка-дурачок.
Неохота в избушке ютиться,
о таинственно-далнем грушу.
Я ищу свою чудо Жар-птицу,
без колчана и лука ищу.
Всё зовет меня,
горе-ухара,
вдаль тропиночка-верея...
Много филинов грозных ухало,
много каркало ворония.
Бьется сердце во мне,
как у зайчика.
Эх, душа моя, ты больна:
ведь русалочка,
как рязаночка,
завлекательна так была!
Укатилось за горы солнышко.
И мне радостно созерцать,
как, зарей обернувшись, Алешка
моет волосы в озерцах.

Я иду.
По велению щучьему
не отлеживаюсь на боку,
я посвистываю,
я пошутичаю,
я обманываю беду!
Разбежится лесная нечисть
от моих скоморохных остров,
а полюбит за правду,
за нежность,
за частушки честной народ.
Сине море пройду я полымя,
и от радости во хмелио
на закате руками голыми
на лету я Жар-птицу словлю.
А быть может,
в погоне за дивным,
ухватившись за огненный хвост,
на Коньке-Горбунке реактивном
космонавтом
взлечу я до звезд!
В молоке искуплюсь целебнейшем
и, красивый...
Словом, буду
Иван-царевичем
я — Иванушка-дурачок!

Анатолий Поперечный

Б а б ы

В сибирских снах зима России
И в бабых вынужденных снах —
Крест-накрест рельсы,

вдаль, косые,

Занидевшие в снегах.
И сосны белые теснятся,
И рельсы синие поют.
И сны курьерские мне снятся,
Как поезда, идут,
идут...

В бровях искрятся полумесяц.
И бабам чудится:

пыля,

Тайга снега на плечи мечет,
Как голубые соболя.
И, да простят земли прорабы,
То ль с радости,
А то ль с тоски,
Они всплакнут порою — бабы,
Словцом запустят — мужики.
Загнут такое,

Что, ей-богу,
Слыхать и черту не пришлось.
Но эту синюю дорогу,
Тайгу пробившую насквозь,
Их руки яростные клали,
Качали вьюгу-колыбель,
Когда, быть может, чьи-то крали
Обкрадывали их постель.
А бабам снились сны-невесты.
Ах, бабий сон — всего лишь миг!..
Мели суровые норд-весты
С материка на материк.

И снегири с кедровых веток,
Как будто ангелы любви,
К их изголовью на рассветах
Роняли перышки свои.

И сосны рыжие теснились,
И рельсы синие неслись...
Мне сны курьерские отсились,
Но бабы русские — на жизнь.

С т о с о р о к п ят ы я в е р с т а

Костры на берегу Чулымса,
В багровых отблесках карьер.
И ты, вставшая из дыма,
Гроза чиновничих карьер,—
Глухая, яркая от ветра,
Сто сорок пятая верста.
Здесь мне геодезистка Вера
Читала Блока у костра.

Ее здесь высилась палатка,
Над ней чулымская звезда
Всходила трепетно и шатко.
Сто сорок пятая верста.
Но я-то знал:
Ей не до Блока.
— Любовь, — она смеялась, —
свист!
Большой любитель баскетбола,
Он укатил в Новосибирск.
Он, в сущности, хороший парень,
Единственный у мамы сын...

Ах, девушки таежных партней,
Я вижу вас, летящих в стыни!
В суровых ватниках морозных,
В огнях и всполохах от ГРЭС;
На танцплощадках вижу, модных,
Все озаряющих окрест,
Кружящихся в счастливых парах...
И мне противен лишь один
Тот, в сущности, хороший парень,
Единственный у мамы сын.

Мне по сердцу костры Чулымса,
В багровых отблесках — карьер.
Мужчина, если он мужчина,
Не продает таких вот Вер!

И я ищу в порывах ветра
Ее фигуру у костра.
Прощай, геодезистка Вера,
Сто сорок пятая верста!

Николай Дорожко

Ровесникам Победы

Я в нашей военной газете
Стихи о Победе
Печатал,
Когда появились на свете
Вы в дальнем году —
Сорок пятом.
Родились,
Как мир на планете,
Хоть сами того и не знали.
Прекрасней
Стихов о Победе
Родились —
И взрослыми стали!
Я возраст
оставил
в анкете,
Я жил без него эти годы.
Неужто годится мне в дети
Армейские рослые роты?
Неужто
побритый мужчина,
Подтянутый,
строгий,
степенный,
Воинный.
По званию и чину,
По возрасту —
Послевоенный!
Неужто
вот эти ребята,
Шагая с девчатами в парах,
Глядят на меня,
Как когда-то
Глядел я
На конников старых?
На их боевые кожанки —
Солдат Революции латы.
Эпоха чапаевской Анки,
О, как же была далека ты!..
Ни давние даты анкеты,
Ни скучно седеющий волос,—
Ровесники нашей Победы,
Вы
мне возвратили
мой возраст!
Тот возраст не старость,
А память...
Вот еду к переднему краю,
В развалинах

Перед бойцами
Стихи о Победе читаю.
Хватает за сердце
Бомбекка.
Но зрители с мест не уходят.
Им весело даже немножко
Узнать,
Что со мной происходит.
И я принимаю их вызовы,
Пусть рифмы Победу пророчат.
Чем яростней
камни
с карнизов,

Тем громче
ладоши
трокочут.

Разрывы
не где-то,
а возле.
С чего ж мне так весело стало?
Ни разу —
ни до и ни после —
Такого со мной не бывало!
А ночью,
чертовски усталый,
Не спал я на жесткой шинели,
И страхом за жизнь
Запоздалым
Иебритые щеки горели.
Хоть город забыл о сиренах.
Давно похоронены доты.
У юношей
послевоенных

Немало
военной работы.
С войны
Их ровесницы — мины —
Ни капельки не повздосели,
И в теплой земле Украины
Лежат они,
Как в колыбели.
Война еще может взорваться,
Как ржавая мина такая.
Но вам
неспроста
девятнадцать,

Вы
дата Победы
живая!

Ромашки

Луга
в густом великолепии.
И вдруг,
как кровное родство,
Не на Кубани —
В дальней Сербии

Ромашки детства моего!
Лес
пересыпан
птичьим щебетом,
Лечь бы в траву,
заночевать.

Смотрю на них
с невольным трепетом
И не решаюсь их сорвать.
Мне сереб сказал,
что в годы тяжкие
Для дружбы
братских наших стран
Простой народ
венчал
ромашками

Могилы русских партизан.
И права
тех букетов дарственных,
Положенных на мрамор плит,
Была
превыше
государственных
Конфликтов,
споров
и обид!
Югославия.

**

Я держу на руках
Годовалого немца.
Так знакомо
По-русски он смотрит,
Такой удивительно мой!
Национальность
с годами
все зреют,
А детство —
Интернационально оно

По природе самой.
Я кормил шоколадами
Беленых паниочек Кракова,
Я раскосых
китайских мальчишек
Таскал на плечах...
Дети плачут
На всех языках одинаково,
Однаково дети смеются
На всех языках!

Номер «Волги»

В стремительном разбеге я,
Как по листу —
перо,—
Кубань —
и вдруг
Норвегия.
Полмесяца прошло.
На склонах пни,
как лешие,
И водопады с гор,
И стекла
запотевшие
Загадочных озер.
Железной одинокостью
От мертвых веет скал,
Покрыт
зеленою окисью
Их пасмурный металла.
Мхи,
богом позабытые,
Не знаящие тепла.
Здесь шкуры первобытные
Природа
не сняла.
Я дверцей «Волги» хлопаю.
Обвалы.
Дикий снег.
Ко мне
природа
топает.
Как снежный человек.
Но нет,
в двадцатом веке я!
И вспомни я не раз
Твоих людей,

Норвегия,
У дальних горных трасс,
Детей
навстречу
вынесших,
Должно быть,
в нашу честь,
Людей,
впервые
видевших
Советских граждан
здесь.
Они
под ливнем
выстояли,
Чтоб путь нам указать,
Чтоб
номер «Волги»
издали
Прилежно записать.
Немало мной подарено
Значков
за рубежом
То с профилем Гагарина,
То с флагом над Кремлем.
Не с чопорной парадностью
(Здесь ни к чему она)
Их брали —
с шумной радостью,
Как детства ордена.
Но я представить даже
Не мог:
не оценил,
Что номер «Волги» нашей —
Редчайший сувенир!

Все знаю смешники
Лица твоего.
Когда же глаза закрываю,
Никак не могу я
Я как бы его
забываю.
А лица совсем незнакомых людей
Отчелюво в памяти лежу.

Что такое Несаполь,
Порт всех наций и стран?
Опрокинутый на пол
Чемодан-вслыкан.
Вещевые развали,
Сор, белые и флаги,
Коридоры-кварталы
И шумны и узки.
Позабыв о работе,
Я в постели курю,
В доме том, что напротив,
Телевизор смотрю.
В этом скученном мире
Мы живем, как в большой
Коммунальной квартире,
Непривычно чужой.
В ней стоят у корыта,
Бьют чумазых внучат,
На углах деловито
Проститутки молчат.
Все распахнуто настежь,
Все открыто для всех —
Чье-то робкое счастье,
Чей-то горестный грех.
Я люблю откровенность,
Я всегда с ней на «ты»,
Не стыдна откровенность
Той людской нищеты.
Откровенность не эта
Оглушила меня.

Крым существует для солнца,
А солнце — для Крыма.
Как без него,
без солнца,
Набережная нелюдима.
Влажно безмолвствуют пляжи
Без катеров на причале.
Даже киоски,
даже

Не в ярком убранстве
Парадном,
Венчавшем ее красоту,
На лестничной клетке
В парадном
Увидел я слонку ту.

За дверь ее выставил кто-то,
Поскольку теперь не нужна,
И как-то устало и кротко
К стене прислонилась она.

*
Выходит, тебя разглядеть
тем трудней,
Чем мне ты роднее и ближе.
Мы видим лишь то,
Что хоть чуть в стороне,
Хоть чуточку на расстоянне
Настолько со мной ты,
Настолько во мне,
Что видеть я не в состоянье.

*
Предо мною газета —
Вестник нового дня:

«Ищет музыка
молодая пятидесятилетняя леди
с небольшим капиталом».
«Полюбите Терезу.
Она так прелестна,
Ей только два года,
Ей нулишь отец!»

«Пропадите свой отпуск
с веселым брюнетом,
отставным капитаном!»
«Хочет тихого счастья
Солидный бездетный юдовец!»

Я люблю откровенность,
Я всегда с ней на «ты»,
Но страшна откровенность
Как расчет наготы!
Нет ни чудных мгновений,
Ни дыханья цветка,
А без тех откровений
Откровенность жалка.
Так на рынке бывает.
Я сную между строк,
И меня зазывает
Этот рынок-толчок.
Эй, богаты и бедны,
Подходи, подивись
На публичный, газетный,
Новобрачный стриптиз!

*
Чайные одичали,
Мир этот южный, фанерный
Жалкий становится, мокрый.
Море — недостоверным,
Каждый листочек — блеклым.
Все здесь лишается смысла.
Дни здесь не дни, а числа,
Все здесь лишается смысла,
Как жизнь моя без тебя.

Песенка

Заплющенная чечечка,
Пущистая игла...
В лесу родилась елочка,
В лесу она росла.

Осыпалась желтые ветки,
Ни бус, ни браслетов на ней.
Ей зябко на лестничной клетке
Без шубы роскошной своей.

Всего лишь неделя, не месяц —
И вот с нее сняли красу.
О, как она старше ровесниц,
Зеленных ровесниц в лесу!
Чтоб только ты нас не винила
За праздник, который так мал,
Иголки, что ты обронила,
Я б все до одной
Подобрал.

Рассказ

ЛЕВ ФИЛАТОВ

СЕРЕБРО

Рисунки Б. Власова.

Плевал он на эту Лозанну. Городишко весь из витрин, пестрый и мелкий, торгует помаленьку вещичками, видами на озеро, услугами людей, аккуратных и прижимистых. Деревья на набережной подстрижены, как пудели, чтобы из окон дорогого бельэтажа звездная публика могла любоваться красотами до самого горизонта.

Лет восемь назад Ватагин приезжал сюда играть, и хоть бы что-нибудь изменилось. И жил в том же отеле. Перед входом резиновая дорожка, едва ступни на нее — стеклянные двери настенки.

Порты узали его, долго мусолил руку, тянув нараспаш: «О мосье Ватагин!» — с ударением на последнем слоге и, бахвалясь знакомством, косил глазом на лифтеров и посыльных. Ловчий человек: укрыл мешки и морщины толстыми очками, соорудил нимеринную золотобузую улыбку, и поди угадай, скорог ему или все шестьдесят. За конторкой притворство сходит с рук.

Ватагин сидел в кафе под полотняным тентом возле входа в отель.

Прямые, твердые плечи, остро выпирающий кадык, туго обтянутые скулы, крупные руки с четко обозначенными прочными суставами, короткий жесткий склик волос, резкие линии крепкого черепа — все в нем было едино и кстати, в этом высочайном, громоздком человеке широкой могучей кости. Не нравиться и восхищать, а удивлять, быть сразу и всюду замеченым, даже пугать было его уделом.

Солнце Било в лицо, он щурился и не отворачивался. Из кармана пиджака торчали темные очки, но он их не надевал. Было все, что нужно, чтобы испытывать и думать о разных приятных вещах. Тишина, одиночество, чашечка черного кофе, низкое кресло, ноги удобно вытянуты и нежданный в феврале поп-

дневный солнцепек. В Москве в этот час скорее всего выюжило, прохожие скользили, и челюсти уборочных машин гнали серый снег в грузовики.

Ватагин начал было следить за официантками, как на подбор молоденькими и смазливыми, в кружевных фартучках. Девчонки бегали, мягко покачиваясь, изящно наклоняясь, расставляли бокалы и чашки, улыбки прочно держались на их лицах. Они были точь-в-точь такие же, как и в прошлый приезд, восемь лет назад. Но, конечно, не те, в другие. Ватагин вдруг ясно представил, как официантку вызывает хозяин, она нервно одергивает фартук, кладет поднос, возвращая губы на место, а на пороге стоит, настраивая улыбочку, новенькая девчонка, помоложе. И сразу глазеть на девушку ему не только расхотелось, а показалось даже не слишком честным.

Ничто не спасает нас от самих себя. Можно принимать любую позу и смотреть в любую сторону, съежиться под одеялом или бежать сломя голову, углубляться в шахматные задачи и кроссворды, но если возникла мысль, которая сейчас важнее всего остального, то нет, не существует от нее защиты.

Вчера случилось вот что. Сначала, вместо того чтобы пойти на неприятельского нападающего, стал шарить перед ним клюшкой, как слепой тросточкой, и тот на ходу легко его обвел. Потом кинулся вперед — сканчивать, взял игру на себя, завелся, потерял шайбу и остался в хвосте, когда метнулась на его ворота ответная карающая атака. В раздевалке неуловимая ухмылочка Виталия Молчкова: «Какие могут быть разговоры, ясно, из-за кого продули». Недоуменно уставившиеся, напряженные глаза запасного Кости Нечаева. Вымученное спокойствие тренера, затянувшего спор, в каких бутылках вода вкуснее. И он, Ватагин, стоит под душем, крутит краны и

может понять, холодно ему или горячо.

Ну ладно, когда после гола, в беспамятстве, полез и заарался — это куда ни шло. А вот почему не встретил нападающего? Видел, понимал, а двинуться с места не мог. Вдруг почувствовал, что сейчас обязательно проиграет. Такого с ним сроду не случалось. Хоккей тоже, все можно объяснить. Чертовщиной пробаиваются болельщики. Но что же тогда? Первый звонок?

Да, ему тридцать шесть. Но разве кто-нибудь считал годами Ивана Ватагина? Шестнадцать лет — почти половину жизни — в сборной, двенадцать — ее капитан. Лучший защитник трех чемпионатов мира. И книжку о нем уже сочинили. Всю квартиру можно завалить газетами с его портретами. Он не собирали их, не вел, как Виталий Молчков, альбомов на память.

Никогда так не понимал он игру, как сейчас. Ребята спорят, а он слушает и улыбается: «Дети...». Но на льду сходятся молчавы: там надо без раздумья ловить на корпус и оттirать к бортам всю эту шалую, каждый год прибывающую ребянищу. Он ловил, оттirал, но иногда это становилось в тягость, вскипала глухая злость, удивлявшая, когда вспоминала о ней в спойную минуту.

Самым страшным был смешок в зале после того, как мимо него легонько прокинул нападающий. Ватагин знал этот недобрый сухой смех, которым трибуны судят непоправимую неволюсть. Он не раз слышал, как подсмеивались над его старыми товарищами по команде, и сам злился на них. Теперь отмерено и ему. Ничего не меняло, что смеялись в чужом городе: мидиальничать никогда не любят.

— Моська Ватагин, силь ву пле,— осторожно, то-ненкко прозвучало из спины. И тут же в руки — блокнот и карандашик.

Давно кружились на тротуаре мальчишки с тетрадочками. Они высмотрели Ватагина, взяли в кольцо, но не смели подойти. Видно, догадывались, что мосье не до них. Собиратели автографов жгутые не давали Ватагину. От взрослых, особенно от женщин, он уверенно склонялся, научившись делать вид, что не замечает или торопится. Отмахиваться от мальчишек не умел. Жена родила ему двух дочерей, словно отец не хоккеист, не здоровенный костлявый мужик. Любия он своих девачонок, но при встрече с мальчишками глотал слюнки. Так и сейчас, сразу дрогнул, растаял Ватагин.

— Иши подкрался, следопыт... Ну, даай.

Тотчас с тротуара бросились остальные. Ватагин, широко разложив локти на столе, сердито и по-случаю расписывался там, куда тыкали пальцами.

Он притянул к себе крепенького, с челочкой, в коротких штанишках.

— Хоккей, а? — И рукой сделал движение, как клюшкой.

Мальчонка уставился в пол и направился, противясь ласковой силе Ватагина.

— У, бичак!..

Другой, тощенький, в очках, доверчиво привалился животом к колену Ватагина и вдруг провел ладонью по его руке выше локтя, где у ребят принято показывать мускулы. Ватагин понял, подвел сжатый кулак к плечу.

— Ватагин, мерси биен, советъ!.. Москун!.. — враз-брод кричали мальчишки, сбегая со ступенек. Кроме автографов знаменитого русского игрока, они уносили домой сенсацию: каждый потрогал и испытал знаменитую руку, забрасывающую шайбы.

Мальчишки одинаковы. Они беспрекословно поклоняются мужской силе и славе, их знают, они не-менят от созерцания взрослого человека, который умеет делать то, о чем они только мечтают. Это зреет в них смутное предчувствие своего будущего. Это не раболепство, не бессильная зависимость, а зоркое наблюдение, желание понять и запомнить. И взрослый, умеющий быть щедрым с мальчишками, также щедро бывает вознагражден: никто так не расшевеливает и не обнадеживает, как чистая ребячья вера в тебя.

Ватагин смотрел вслед мальчишкам. Они шли кучкой, стапливаясь плечами, и голоса их звенели. Он сидел прежней позе, вытянув длинные ноги, но теперь был не прочь видеть, что деляется кругом, и надел темные очки.

Смешно: гуляет по миру легенда, что не чувствует он боли. Даже в газетах об этом писали. Мыслимое ли дело? Умеет он терпеть, сцепил зубы, только и всего. Бывает, врежут так, что кажется, лег бы и не вставал. Костиный он, это правда. С ним сходиться не

любят, норовят объехать. «На тебя, черта, идти, как на надолбы!» — кто-то сказал однажды в сердцах.

Можно, конечно, себя беречь, как Виталий Молчков. Звезда, экстра-класс, самая меткая клюшкой, Но голы надо уметь считать: шайбы круглые, но разные, как монеты. Чуть Молчков слабинку найдет, и — король. И виражи и рывки, только кричит, жадина: «Дай, дай!» А встретят пожестче — и притормаживает. На самую малость, на сантиметр раньше, чем нужно. С трибуны не видно: вроде сражается человек. Те, кто с ним на льду, видят. По глазам, по дыханию, по тому, как провалывается в самое догоное последние мгновения.

Шесть зим бок о бок они гоняют шайбу, и все время люто косится на него Молчков. Ватагинская слава и постарши и погромче молчковской. Вечно Ватагину приходится его жучить: когда Молчков знает, что фокусы разгаданы, поневоле лезет вперед. Навязываясь иждивенец...

Думать о Молчкове Ватагину сейчас было даже приятно: он возвращался к привычным заботам.

Ватагин постяжался, напрягся, как недавно перед мальчишками, и осторожно, чтобы никто не заметил, ощупал бицепсы. Руку встретили живые, круглые, гладкие камни. Положил под столом ладони на колени — и тут теплая, скользкая стала.

Что, собственно, случилось? Будто никогда не было срывов? Все у него было. Ну, напорол. Ну, пропустил из-за него две шайбы. Ну, не видать теперь золотых медалей. И прежде прогонявали — и не из-за него, так из-за других. Подумавши, смеялись... Кто? Клыщи тонконогие, бабье, им только и подавай по-тасовку да скандалы... Будто может Ватагин за одну игру хуже стать?

Ватагин встал, громыхнул стулом. Сейчас ребята вернутся, и он встретит их, а вечером будет играть, надо же взять «серебро».

Вот и они, у всех под лицамики одинаковые светло-синие шарфистые фэйфаки. Ватагин сошел на троух, и все остановились.

Он тут верховодил. Но из-за того, что выше всех ростом и шире в плечах. Не потому, что среди юношеских лиц его сабельные морщины видны щеки сразу обноруживали старшинство. Ватагин был уверен и сдержанно весел, чувствовалось, что он застоялся и не прочь размяться. Игрокам тотчас передавалось его настроение, лишним оказалась приберегаемое чувство, все как всегда, и камень с души.

Молчков шел сзади с Костькой Нечеевым. Костька хотел было остановиться, но Молчков потянул его за локоть, и они прошли мимо. Ватагин слушал, поддавал, улыбался, а думал о тех двоих, скрывшихся за стеклянной дверью.

С Молчковым все ясно. А Нечеев? Парню девятнадцать, а уже разгуливает в форме сборной. Красавчик, смуглый, черноволосый, длиннолицый. Во время игры сядет на передышку, пот глаза заливает, так и тут стреляет на девчонок в первых рядах. Резинку жует: с канадцев собольянинчал. Таким хоккеем нужен, чтобы себя показать, порисовать. Являются и исчезают, никто их добрым словом не вспомнит...

Из отеля вышел тренер и хлопнул в ладони.

— Прошу в гостиницу...

Все двинулись к двери. Тренер поманил Ватагина. Обычное дело — перед обсуждением игры переброситься несколькими словами с капитаном.

— Вот что, Ванюша. — Никогда так тренер его не называл. Обычно: Иван либо Ватагин. И сразу глаза в сторону. — Сегодня ты отдохнешь. Сыграет Нечеев.

...Гостиная дорогого отеля. Зеркальные стены, продуманный шахматный беспорядок стульев, кресел, диванов, низеньких столов, веера ярких журнальных блоков. Днем здесь пусто, разве кто-нибудь в одиночестве срочит письмо. Под вечер сюда заглядывают и остаются, привороженным мельканием темней в фортине телевизора. Сидят дамы с прямыми спинами, поглаживая спящих на коленях собачонок. Сидят и ерзают откормленные, нагловатые подростки. Сидят в дальних углах парочки: лица в тени, на свету ноги — рябчиком высоко поддернутые брюки и нейлоновые круглые колени.

В этот гостиной хоккейсты перед матчами держали военный совет. Те, кто сидел здесь до их прихода, спешли убраться от ватаги здоровенных парней, громко разговаривающих на русском языке. Гостиная становилась местом собрания самого что ни на есть советского, с докладчиком, председателем, прениями, выкриками с мест: «Ясно!», традиционным: «У кого есть вопросы?». Тренеры за столиком: президенту. Ватагин по праву капитана сидел отдельно, лицом к команде.

Он вошел последним и грузно опустился в красло, так что оно пискнуло и дернулось в сторону. Ватагин увидел перед собой длинный ряд черных ботинок и над ним линию пестрых носков. Заставил себя поднять отжимавшие глаза. Как обычно, ребята решительно, зорчично, толкались локтями. Прямо против него, на диване, рядом — Молчков и Нечеев. Сейчас тренер объявит состав без Ватагина, и в комнате станет очень тихо.

Однако началось не с состава. Трудную минуту оттягивали. Это было еще хуже.

Тренер повел свою обычную речь. Разбирал достоинства и слабые места противника, указывал, как к нему применяться, то и дело сердито провозглашал прописные истины, вроде того, что надо быть внимательным, чаще обстреливать ворота, нападающим помнить об обороне, защитникам поддерживать атаку. Но мастера слушали эти истины. Считанные часы до выхода на лед, а кто поручится за исход матча? Они могут смеяться, небрежно листать журнальчик с портретами знаменитостей экрана, жевать резинку, болтать о чепухе, но сердца тяжелены, дыхание укорачивается, они во власти тревоги. Пусты монотонная и скучноватая, сто раз слышанная, проповедь тренера в эти минуты им необходима. Она своей привычной будничностью убеждает, что ничто сверхъестественное их не ждет, все будет так, как всегда. С небес отвлеченного волнения они снижаются на лед хоккейного поля.

До Ватагина слова не доходили. Все это уже не для него.

Вот он, звонок. Теперь оправдания побоку. Он нем, железному Ивану Ватагину, побеспоницись: «Отдохни». Чутко и делительно: не придешься. На его глазах все ровесники сложили клюшки. Выражало чувство, пировал на проводах. Случалось, некоторым, кто приподнялся, требовал замены. Наставлял: «В интересах команды». А хоккеист тут, оказывается, ни при чем. Что-то обрывается, для чего-то ты становишься не годен...

— Сегодня такой состав, — сказал тренер, и Ватагин услышал. Вдруг мелькнуло: «А может быть, передумает?»

— Нечеев.

Вот она, та самая тишина. Быстрые несмелые взгляды в его сторону. Кажется, Нечеев таращит на него глаза, но Ватагин не хотел встретить его взгляд. Молчков двумя руками поправляя прическу, разнодушием своим желая показать, что ничего другого он и не

ждал, Ватагин уставился на тоненьку линееку его белесого пробора.

Теперь Молчков дорвется до власти и молодежь возмезд в образец его залихватские зензеля. Кто будет ломить, обрушиваться, лезть, ложиться костьми! Кто без него там, на льду, прикиннет, одернет, поведет за собой?

Тренер повернулся к Ватагину. Сейчас прозвучит обычное: «Что скажет капитан?» Нет, только взгляд, вопросительный и уклончивый.

— Разрешите, — хрипло сказал Ватагин и прокашлялся. Нельзя же, чтобы сразу рухнуло все, к чему он привык за долгие годы.

— Да, слово капитану, — с облегчением выговорил тренер.

Ватагин видел усмешку Молчкова, но она его не задевала. Он думал о матче, от этого он не мог еще отказаться.

— Вчера проиграли из-за меня, это известно...

В такой тишине Ватагину никогда не приходилось говорить.

— Сегодня надо выиграть. Имейте в виду, у них в защите люди суровые. Их запросто не объедешь, встречать умеют. Им надо ответить — железо за железо. Тогда лишняя скоростенка пригодится, и игра — ваша. Молчкова они знают, будут стеречь. Поборись, Виталик, не забывай, так отвлечешь. Не так, как вчера...

— Кто бы говорил! — грубо бросил Молчков.

— Я говорю, — жестко ответил Ватагин.

Снова его удивила тишина. Он видел перед собой спущенные головы, словно всем скомандовали осмотреть ботинки. И Ватагину вдруг показалось, что получение его неуместны: им на лед, а ему на лавочку, рядом с массажистом.

— Все у меня, — тихо сказал он тренеру.

Вечером к отелю подали автобус. Ватагин вошел раньше всех и, чуть поколебавшись, не пройти ли на

заднее сиденье, все-таки сел на свое место, у окна в первом ряду. Его познабливало, он поднял воротник пальто и глубоко надвинул ушанку.

Из стеклянных дверей один за другим, как на сцену, выходили игроки в оранжевых свитерах, раздавшиеся в плечах, толстоногие, небрежно волоча сумки. Хоккейные доспехи преображали мальчишеск в богатырей. Ватагин, не глядя, по голосам, по движением узнавал входивших и соображал, кого еще нет. Запаздывал Нечаев, «Ликон...»

Вот и он, запыхавшийся, на ступеньках.

— Костыка, давай сюда! — сказали голос Молчкова.

— Ладно, погоди, — негромко и рассеянно ответил Нечаев. И не ходил от двери.

— Иван Дмитрич, у вас свободно?

— Что?

Ватагин неохотно подвинулся, завернул на колени пальто.

Раздражение звенело в нем. «Как будто некуда больше сесть. Подвигайся, Ватагин. А завтра и вовсе попросят убраться...»

— Иван Дмитрич...

Ватагин сделал вид, что не слышит, кстати, автобус тряхнуло на повороте. «О чём им говорить? Если нужно, еще раз окликните.

Нечеев молчал. Ватагин осторожно на него покосился, насторожившись при случае отбить, поставить на место.

Костыка сидел нескладно и бессильно сложив руки на животе, поникший, осунувшийся. Шея худощавая, рот открыт, лоб взмокший. И жвачку забыл жевать.

— Иван Дмитрич...

Ватагин долго не отвечал. Он чувствовал, что с таким Костыкой обязан заговорить, но сразу не мог. Потом наклонился вперед и взглянул снизу. Костя послушно и торопливо повторил его движение и близко придвинулся, плечом к плечу.

— Что?

— Иван Дмитрич, скажите чего-нибудь. Вместо вас же...

Близко сошлись две головы — одна в белом шлеме, другая в пушистой рыжей ушанке.

— Что сказать? Выше себя не прыгнешь, как умеешь, так и играй. Попроще. Против тебя — игроки, а ты тоже — фигура.

Костыка повел широким плечом, поправляя свитер.

— Почему опоздал?

— Иван Дмитрич, я раньше всех начал собираться, но, понимаете...

— Руки дрожали?

— Если бы кого другого подменять...

— А что? Мое место счастливое...

— Я знаю. — Костыка застенчиво улыбнулся. — Я за вас, знаете, сколько... лет десять болел.

Они откинулись на спинки кресел. Костыка занялся свитером. Ватагин искал смотрел на соседа и видел, что растерянный мальчишка, только что с ним говоривший, спрятался и рядом сидит хоккеист, налитой кроткой молодой силой, которого он почему-то прежде не замечал.

Озабоченность. Ватагин сбил ушанку на затылок. Он видел лед, слышал треск скрещенных клюшек и глухие удары шайбы о борта. Видел победу и маленьющую серебряную медаль. Он ее, не глядя, сунет в карман, а Костыка своей наверняка будет долго любоваться.

За окнами мелькали витринные огни, прохожие, узнававшие хоккеистов, взмахивали руками. Им не отвечали: перед матчем не до приветствий.

Повесть

Тайна
МУЗЕЯ

ВОСКОВЫХ ФИГУР

Рисунок В. Горлева.

Глава шестая

ЖИВАЯ КУКЛА

Это было пятнадцать лет назад...

Рамону Монтеро тогда казалось: ну, что это за работа — стоять у входа в музей и не шевелиться! Ведь ничего не надо делать, только стоять! Даже разговаривать и то не нужно — к тебе обращаются, а ты молчишь. Стоишь себе, будто тебя ничего не касается. Господи! Да разве мог когда-нибудь надеяться Рамон Монтеро, что найдет такую работу? То есть не просто работу, а постоянную работу. Службу. Нет, что там ни говори, а ему повезло. Чертовски повезло.

Правда, работа оказалась не такой легкой, как он думал. В этом Рамон убедился еще в те дни, когда с него стали лепить восковую куклу. Скульптор, старый итальянец, бесконечно мял и приглаживал податливый воск, ни на минуту не переставая ворчать:

— Не дергайся, черт тебя подери! Стоя спокойно и забудь совсем обо мне. Думай о чем-нибудь своем!

Но стоило Рамону напрячь всю свою волю и застыть неподвижно, как старик снова принимался ворчать:

— Что ты надулся, как индюк! — Он больно хлопал его ребром ладони по напряженным мускулам. — Не напрягайся! Расслабь, расслабь мышцы! Ведь в такой позе ты не выдернешь и пяти минут. Правда. И как он только угадывал, этот чертолов ста-

рик! Действительно, польсница сразу же деревенела и начинала болеть.

Нелегко было угодить старому скульптору. Иногда, бывало, он швырнет свой инструмент на пол и кричит:

— Если ты, чертов сын, каждый раз будешь менять выражение лица, то лучше убираися к дьяволу! Не могу же я каждый день переделывать свою работу! Тысячу раз говорю тебе: не напрягай тело!

Рамон позировал в полуподвале музея, там, где помещался склад старых кукол. Во время работы старик не пускал туда никого. Никто не должен был видеть куклу, пока она не готова. Даже сам Рамон,

— Потом, потом... — говорил скульптор, ревниво накрывая после каждого сеанса куклу простираньем. — Еще насмотримся, успеешь!

По всем признакам много лет назад здесь, в полуподвале, шла горячая работа: повсюду валялись ржавые проволочные каркасы кукол со смешной деревянной болванкой вместо головы. Вдоль одной из стен, на самой верхней полке, отдельно лежали старые восковые маски, некоторыми с отломанными носами и трещинами на щеках; на остальных полках валялись руки, ноги, парики, маски и старая, выцветшая одежда, от которой сильно пахло нафталином. Все это было покрыто толстым слоем пыли и выглядело мертвым и давно забытым. Лиши, посередине помещения поблескивала никелированными боками новенькая электрическая ванна. В ней каждое утро грелась вода, в которой скульптор выплавлял воск из старых, негодных кукол. Он долго и придирчиво выбирал их среди рухляди и иногда, прежде чембросить обломок в чан, долго всматривался в него и объяснял Рамону:

— Это знаменитый «Одиссей». Эта кукла, парень, была когда-то очень известная! Ее показывали во всем мире, и не было газеты, которая бы о ней не писала. А теперь... — И он с грустной усмешкой бро-

сал старый осколок куклы в чане.— Такая уж судьба, парень, не только у людей, но и у кукол. Время не щадит никого, даже каменные монументы. Уж на что египетские пирамиды кажутся вечными, но и они когда-нибудь превратятся в пыль...

Воск таял и всплывал на поверхность. В обязанность Рамона входило выливавать его ложкой до тех пор, пока в чане не оставалась лишь каркас, деревянная болванка да раскиданные куски картона. Рамон не любил эту работу: очень неприятно было смотреть, как, расплываясь в горячей воде, исчезают черты лица. Казалось, что кукла оживает, гrimасничает и плачет...

Когда работа стала подходить к концу, старик уже не ворчал на Рамона. Теперь он разговаривал спокойно, хотя и не всегда понятно:

— Ты не думай, парень, что если кукла будет на тебя похожа, то это уж и все. Как бы хорошо я ее ни смастерили, она куклой и останется — никогда не постареет, не изменят выражения лица и не сторбится с годами. Другое дело — человек. Он с каждым днем меняется. Сегодня у него на душе радость, завтра горе, или скуча, или гнев, или усталость. От всего этого со временем у него появляются морщины, седые волосы... Глядиши — и в старика превратился! Конечно, от старости, как и от смерти, никуда не уйдешь, но выглядеть молодо можно очень долго. Нелегко это, но можно! Надо только беречь свое лицо. Кремы, массаж, румяна — это само собой. Но главное, не нажимай новые морщины. А для этого нужно отучить себя коричин гримасы, морщить лоб, плакать и даже смеяться. Да, да, парень, ничто не уродует лицо, как смех и слезы...

Рамон не совсем хорошо понимал старого итальянца. Что же еще нужно делать? Видит бог, он уже научился стоять неподвижно по часу и больше. А что устает, так это потому, что без привычки. Но это пройдет.

— И еще хорошенеко запомни: эта кукла обойдется хозяину недешево. Чуть ли не тысячу долларов. Но без тебя она не стоит и воска, из которого сделана. Главное в ней — ее ходство с тобой, понимаешь? Сходство!

Это Рамон понимал хорошо. Ведь самое замечательное в его новой работе — уверенность в завтрашнем дне, в том, что эта работа постоянная. Ведь если уволить Рамона — куда же тогда куклу девать? Выбросить? О нет, не такой человек мастер Губинер, чтобы выбрасывать на ветер столько долларов!

— Ну, ну, ты не оченя о себе воображай — охлаждал его пыль старик.— Ты ведь сам по себе стоишь еще меньше, чем кукла. Тебя-то ведь тоже держат из-за нее. Да ты не обижайся! Я это к тому говорю, что тебе куклу надо беречь, какственный глаз, как себя самого! Ты должен следить за ее одеждой, прической, сдувать с ее лица каждую пылинку. И не дай бог, разобьется она или, того хуже, расплывется на солнце! Новую куклу хозяин с тебя не закажет, хотя бы уж для того, чтобы тебя наказать за нерадивость. Да и за те же деньги он лучше обновит аттракцион, покажет другое лицо!

Ну об этом можно бы и не говорить! Что же, Рамон глуп, что ли? Разве не понимает и сам, что куклу надо беречь? Подумавши, какая задача!

Когда кукла была почти готова, ее и Рамона направили в совершенно одинаковую одежду. Это были живописные национальные костюмы мексиканских наездников «чаррос»: черные, плотно прилегающие к ногам брюки затягивались посеребренным шнурком — от бедра до самых щиколоток; короткие замшевые куртки и поля огромных мексиканских сом-

брero украшала замысловатая вышивка; большие бутафорские шпоры отличались от настоящих лишь тем, что не звенели.

Старый итальянец придирчиво относился к костюмам. Целый день он заставлял Рамона надевать то один, то другой предмет одежды и совсем замучил портного. Потом он принял кольдовство над проволочными каркасами куклы, стараясь придать ей осанку ее живого двойника. Каждая складка на ее одежде должна была лежать точно так же, как на костюме Рамона. Целый день ушел на подбор кукле усов — тонких и резко очерченных, словно вырезанных из черного блестящего бархата. Стеклянные глаза, темные и большие, а также густые черные брови и длинные ресницы были установлены давно, в первые дни работы. Наконец настал день, когда старик остался доволен куклой. Тогда он принялся за Рамона: усадил его перед зеркалом и стал учить пользоваться румянами и чуть-чуть подкрашивать губы.

— Никогда не забывай, парень, что ты актер, а не просто шайкер. Ведь это ты должен изображать куклу, а не она тебя. А теперь иди и познакомься поближе со своим двойником. Теперь уже можно.

Рамон несмело подошел к кукле. Откровенно говоря, работа старого мастера его разочаровала. «И это я! — с удивлением думал Рамон.— Эти сонные глаза и какое-то чужое лицо!»

Он доспал из кармана мальческим зеркальце и долго в него смотрелся. Ну, конечно же, он совсем не такой!

— Ну как? — спросил старик лукаво.— Похож?

— Мм... да, сеньор, похож. Вам, конечно, виднее...

— Не ври, не ври! Похож... Разве ты не думаешь сейчас, что кукла на тебя вовсе не похожа?

— Да, сеньор. Немножко не похожа.

— «Немножко», «немножко»... Против ожидания старик не только не обиделся, в его глазах горели веселые огоньки.— А откуда ты можешь знать, как выглядишь со стороны? Смотри на себя в зеркало? А знаешь ли ты, что когда человек смотрит на себя в зеркало, он всегда имеет одно и то же выражение лица? Ведь он каждый раз смотрит на свое изображение «ни-ма-тель-но!» То есть его лицо всегда имеет одно и то же выражение — выражение внимания! Эх, парень, человек никогда не видит себя со стороны! Никогда! А если случается, что перед ним неожиданно оказывается зеркало, то он не сразу себе丑izes... Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Да, сеньор.

Но Рамон не понимал и был очень расстроен. Он боялся, что хозяин тоже кукла не понравится. Что же тогда будет?

Но когда мастер Губинер, его помощник, кассир и еще какие-то незнакомые люди пришли смотреть на новую куклу, все как один принялись поздравлять старого мастера, жали ему руку и говорили, что кукла — точная копия Рамона. Чудеса!

«Ну, что ж, — подумал Рамон, — лишь бы хозяину понравилось!»

По утрам, до открытия музея, в обязанности Рамона входила уборка смотровых залов. Он подметал пол и вытирал пыль с кукол. И хотя почти все восковые фигуры музея представляли жуткие сцены убийств, пыток и казней, Рамону николько не было страшно. Ведь здесь, наверху, каждая кукла играла свою роль, кого-то изображала и, в сущности, проработала так же, как восковой двойник Рамона и даже как сам Рамон.

С первых же дней у Рамона появились среди кукол свои любимцы. Особенно ему нравилась кукла, изображающая сожжение Джордано Бруно на костре. Каждое утро Рамон включал вентилятор, за jaki-

«...Очень неприятно было смотреть, как, расплываясь в горячей воде, исчезают черты лица. Назалось, что кукла окижает, гримасничает и плачет...» (стр. 40).

гал несколько красных ламп, скрытых в гуще обугленных веток, и тогда костер «загорался». Струи воздуха трепали длинные языки «пламени», сделанного из кусков желто-багрового шелка, и на глазах Рамона происходило чудо: бледное, невразительное лицо восковой куклы ожидало. Освещенное снизу красным мерцающим светом, оно становилось красивым и одухотворенным. Глаза Джордано Бруно блестели, и казалось, что в них бьется сама жизнь.

К своему эскуму Рамон привык не сразу. Кукла стояла по одному сторону двери у входа в музей, Рамон — по другую. Застыл неподвижно, он часами изучал лицо куклы, все еще удивляясь, что люди считают их похожими друг на друга. Если это так, почему же тогда они никогда не ошибаются, протягивая свой билет? Даже тогда, когда он направляет всю свою волю, чтобы застыть и не шевелиться ни одним мускулом...

Однажды Рамон о чем-то задумался и не замечал, как по лестнице поднималась женщина. Он обратил на нее внимание лишь тогда, когда она раздраженно заговорила, протягивая свой билет... кукле! Рамон вздрогнул от неожиданности, но тут же радостно улыбнулся.

— Мы похожи, да? Правда, миссис? Скажите, мы очень похожи?

Женщина не ответила. Она переводила свой взгляд от куклы к Рамону и снова к кукле, и постепенно широкая улыбка стерла выражение безграничного удивления, которое появилось на ее лице при звуке голоса Рамона. Потом женщина коротко засмеялась и несмело толкнула дверь. Судя по первому впечатлению, осмотр музея обещал много интересных сюрпризов.

Рамон испытывал огромную радость. Только сейчас к нему впервые пришла уверенность в своей судьбе, в надежном постоянстве своей работы и гордость за себя.

Так вот оно что! Выходит, что чем меньше обращаться внимания на посетителей, тем лучше... Значит, надо себя заставить никого не замечать. Вот и все. Думать о чем-нибудь, мечтать, вообще чувствовать себя свободно...

Увы! Это оказалось не так просто. Стоило появиться на пороге посетителю, как Рамон терял контроль над собой. Он застыпал неподвижно, напрягая свое тело до боли в затылке, и чем больше старался, тем меньше ему подчинялись мысли.

Наступил воскресный день. Посетители шли один за другим, и несчастный Рамон не смог отдохнуть ни секунды. Вскоре у него так одеревенела спина, что он был близок к обмороку. Вот тут-то он и вспомнил, как старый ваятель болезненно хлопал его ребром ладони, приговаривая: «Расслабляй, расслабляй тело, а то и десяти минут не выдержишь...»

Таким образом, Рамон узнал, что, когда ему удавалось побороть напряжение мышц, тогда не только было легче стоять, но и мысли приобретали какую-то особую легкость. Они текли спокойно. Сознание Рамона как бы разделялось: он мог невозмутимо созерцать словно со стороны и публику и себя, что вместе с тем не переставал ощущать свое «я» и реагировать на окружающее. Именно в такие минуты его сходство с восковой куклой становилось просто поразительным.

Сначала Рамону удавалось приводить себя в такое состояние огромным усилием воли. Потом все легче и легче, и, наконец, это происходило само собой, как только он занимал свое место у дверей музея.

Бывало, какой-нибудь пьяный посетитель или озорной мальчишка принимался махать рукой перед гла-

зами Рамона, дуть ему в лицо или дразнить. Напрасно! Рамона это даже забавляло: он оставался таким же неподвижным, как восковая кукла, которая стояла по другой сторону двери...

Глава седьмая

НАЕДИНЕ С ДРУГОМ

Все чаще и настойчивее раздавался звонок в маленькой гарлемской квартире Рамона Монтеро.

Один за другим наведывались молодые и пожилые люди, мужчины и женщины, черные и белые и даже соотечественники-мексиканцы. Все почтительны, приветливы, со вкусом одеты. Все обворожительно улыбаются и остроумно шутят. Гости справлялись о здоровье мистера и миссис Монтеро, о маленьком Рамоне, рассказывали веселые истории, угощали конфетами и сигарами, показывали фокусы и заразительно смеялись...

И лишь тогда, когда твердо убеждались в полном расположении к ним хозяев дома, в задушевной беседе, подкрепляя свои доводы цифрами, аккуратно выведенными на листках блокнотов стражевых обеществ и торговых фирм, доказывали мистерию и миссис Монтеро, что если они приобретут в рассрочку на пять лет недорогую обстановку для новой квартиры, холодильник, радиоприемник, кухонную и столовую посуду и будут не очень расточительны в еде и одежде, то им еще останется несколько долларов для того, чтобы застраховать свою жизнь, здоровье и даже на кино и комиксы.

— Вы подумайте, — говорил им торговый агент, — через каких-нибудь пять лет все эти вещи будут ваши, вашей собственностью! Вы сможете их продать, подарить, сломать... Ну как, согласны?

Доводы были неотразимы, но супруги Монтеро в смятении смотрели друг на друга и не могли ни на что решиться. Им никогда в жизни не приходилось покупать сразу так много вещей. Просто страшно было тратить так много денег. Но агенты были настойчивы. Они знали: рано или поздно Рамон Монtero подпишет контракт. Их беспокоило другое: с кем он подпишет контракт?

В конце концов победу одержал агент с благообразным розовым лицом, похожий на протестантского пастора.

— Вот что, — сказал он, — вы, конечно, понимаете: я работаю на процентах. Пять процентов я получаю от фирм. Пять! — Он расстопырил вперед пальцы левой руки, и супруги Монтеро уставились на эти пальцы с напряженным вниманием. — Теперь обратите внимание. — Правой рукой он загнул два пальца, не переставая смотреть в упор на Рамона. — Из этих пяти процентов два... я отдаю вам!

Он хлопнул ладонью по столу и взорваленно затащарился:

— ...Два процента — это шестьдесят долларов! Вы получаете мебель, холодильник, радиоприемник, сервис и еще буянянки, в котором находятся шестьдесят новеньких долларов! И не вздумайте, нет! В подарок. Безвозмездно. На всю жизнь. Я даже от вас расписки не возьму. Вы мне просто нравитесь, и я вам делаю подарок — шестьдесят долларов! Ну, что скажете?

Рамон согласился. Господи, да разве можно было не согласиться? Это же просто замечательно! И на страшно. Тем более теперь, когда он обеспечен ра-

бботой надолго. Да и деньги — эти шестьдесят долларов — все равно как с неба свалились...

— Только я вас очень прошу... — Агент как-то сразу превратился в озабоченного, усталого старика, глаза его погасли, и лицо потемнело, как альный детский шарик, из которого выпустили изрядную порцию воздуха. — Я вас очень попрошу... Никому не говорите о том, что я поделился с вами комиссионными. У нас, агентов, это не принято. Что поделаться... Три процента меньше пяти, но лучше, чем ничего.

Залерев за ним дверь, Долорес закружилась в веселом танце.

— А щенки-то он румянит, сегодня я разглядела, — засмеялась она. — Ну, наконец-то мы выберемся из Гарлема. Наконец, наконец, наконец...

— Опять ты за свое... — Но теперь уже Рамон не сердился, как прежде, когда жена об этом заговаривала.

— Ты же знаешь, я не из-за себя... — Долорес прильнула к Рамону, — из-за Рамонсито. Я уже больше не знаю, как отвечать на его вопросы: «Мама, а мы негры?», «А негры плохие? Скоро ему идти в школу, а в какую?» В негритянскую? В белую?

Новая квартира была ничуть не лучше прежней. Зато это был уже «белый» район...

Совершенно неожиданно оказалось, что у Рамона стало одним членом семьи больше. Это была восковая кукла, которая его изображала. Новый член семьи требовал к себе постоянного внимания и заботы. Нужно было следить за каждой складкой одежды куклы, осторожно сметать с нее пыль, причесывать, меняться с ней обувью. Но главное, кукла требовала к себе более бережного и даже нежного отношения, чем любой из остальных членов семьи. Она была весьма хрупким созданием и могла распытаться на куски от неосторожного с неей обращения. Ее восковое лицо было причиной постоянных забоев и волнений: то к нему прилипала пыль, то вывертывались и тукачи краски, то чрезмерная нью-йоркская жара грозила растопить воск...

Но, нужно отдать справедливость, кукла честно застуживала не только заботу, но и искреннюю человеческую любовь Рамона. Разве не она вызывала восхищение публики своим поразительным сходством с ним? Разве не ей был обязан Рамон лучезарным чувством уверенности в завтрашнем дне, всем, что у него было, — квартирой, обстановкой, всем, всем...

Да и разве не с ней, с куклой, сливался Рамон в единое целое, когда, застыв неподвижно у дверей музея, долгими часами думал о Долорес, о себе и о далекой родине, которую никогда не знал, но куда они обязательно уедут, как только накопят денег. И еще он думал о том, как маленький Рамонсито будет там учиться. На адвоката. Или на инженера... Адвокатом быть, конечно, лучше, но уж очень много нужно иметь денег, чтобы завести свою контору. Но в конце концов стать инженером тоже неплохо. Жалование хорошее. А потом, инженер всегда может что-нибудь изобрести и стать компаньоном своего хозяина. Почему бы нет? Рамонсито ведь очень смуглый парень.

А Долорес... Она просто ревновала Рамона и долго не могла поверить, что ее соперница — всего-навсего кукла. Рамон, ее Рамон, всегда веселый, ласковый и общительный, вдруг превратился в замкнутого, неразговорчивого человека. Даже с сыном, которого безумно любил, он почти перестал играть. Зато уж очень внимательно следил за своей внешностью: подолгу смотрелся в зеркало, тщательно брившись, массировал лицо...

Со дня на день она откладывала разговор с мужем. Первый в жизни серьезный разговор.

Но объяснение между супругами так и не состоялось. На маленькую семью Монтеро неожиданно обрушилась беда. Настоящая, непоправимая... У Рамонсита заболело горло. Через два дня он посинил и стал задыхаться.

Скорно вызвали врача. Тот осмотрел мальчика и отозвал Рамона в сторону.

— Плохо. Очень плохо, — сказал он, постукивая очками по ладони, — надо было меня раньше вызвать. А теперь... Теперь вам придется подготовить жену.

— Неужели надо его отправить в больницу? — не поняла Рамон.

Доктор уставился в пустой угол комнаты, потом решительно покачал головой и сказал твердо:

— Я думаю, что это уже не поможет.

Все было, как прежде. Как всегда, кружились карусели, гремели поезда на крутых склонах «русских гор», монотонно кричали продавцы кукурузных хлопьев и хрюпло надрывались зазывали балаганов. Как всегда, в тот день Рамон раньше всех пришел на работу, достал из кармана большую связку ключей и открыл двери музея.

И как всегда, на него дохнуло золной пахнувшего клеем прохладного воздуха.

Закрыв за собой дверь, он поднялся по широкой мраморной лестнице и прошел мимо своего воскового двойника.

Кукла была аккуратно накрыта прозрачным цеплопановым чехлом.

Уборка музея, как обычно, заняла ровно сорок минут. Рамон не забыл закечь огни в «костре» Джордано Бруно, включил поток «крови», стекающий из отрубленной головы, которую держал за волосы пальцем, и поворотом выключателя «оживил» блокбум змей на голове Медузы Горгоны. Потом вернулся на лестничную площадку, доспал из стенного шкафчика одежду и, как всегда, будто в тот день совсем ничего не случилось, переоделся в живописный костюм мексиканского наездника. С привычной осторожностью снял чехол с куклы и вытащил из ее кармана гребешок, зеркальце и мягкую щетку. Сначала он осторожно почистил ей лицо и затем, глядя на себя в зеркальце, причесался сам и привел в порядок мертвые волосы восковой куклы. Потом достал из кармана две черные муаровые ленты. Одну из них он прикрепил к своему рукаву, другую — к рукаву куклы.

Несколько мгновений он стоял неподвижно перед куклой и неожиданно произнес хриплым, срыгивающим голосом:

— Нет больше нашего мальчика. Нет нашего Рамонсито...

А лицо его оставалось, как всегда, спокойным, безучастным...

Начинался рабочий день. Двери музея были распахнуты настежь.

По обеим сторонам входа неподвижно застыли две одинаковые человеческие фигуры в широкопольных мексиканских шляпах. Посетители смыкались и шутили. Было действительно невозможно отличить куклу от человека.

— Ловко придумали, черти! — Добродушный толстяк, от которого отчаянно воняло чесноком, поддел корявым пальцем черную ленту на рукаве Рамона. — Даже траур на обоих нацепили — пойди разберись...

В тот день сам хозяин музея мистер Губинер по ошибке обратился к кукле.

Глава восьмая

НАЕДИНЕ С ВРАГОМ

Вероятно, сам Рамон не мог бы сказать точно, когда все это началось. Во всяком случае, это было связано с рождением близнецов. Да, несомненно, так. Дело в том, что приблизительно с то-

го времени Рамон перестал пользоваться успехом у публики. Посетители беззабочно угадывали, кто кукла, а кто человек, и равнодушно скользили взглядом по обеим. Вначале Рамона это не беспокоило. Он был уверен, что знает причину: ведь подумать только — сразу сын и дочка! Можно одуреть от радости... Уж Рамону ли не знать: утешить от людей свое счастье куда труднее, чем скрывать свое горе. Вот и получалось, что он выдавал себя с головой... «Ничего», — говорил он себе, — это пройдет.

Однако дни шли за днями, а публика все так же равнодушно проходила мимо Рамона. Редкий посетитель теперь ошибался и протягивал свой билет кукле. Рамона это уже стало серьезно беспокоить. Он проверял себя: стоял с совершенно расслабленными мышцами, спокойно и неподвижно. В эти минуты он наблюдал себя со стороны и твердо знал,

что не выдает себя ни одним движением. Даже не моргает, а уж дышит так, что грудь совсем не колеблется. Но почему-то на посетителей музея это не производило ни малейшего впечатления.

«А может быть, с куклой что-нибудь случилось?» — подумал однажды Рамон и стал пристально взглядывать в ее лицо. Никогда раньше он этого не делал: взгляд обоих был устремлен на лестницу, к входу в музей. «Может быть, жара или холод изменили ее черты...»

Рамон смотрел на куклу пристально. Он смотрел и почему-то не мог оторвать от нее взгляда. Смотрел до головокружения, до ряби в глазах. И вдруг он увидел... Ему показалось, что он сходит с ума, но он взял себя в руки и заставил себя смотреть в лицо куклы еще и еще. Нет, сомнений не было. Кукла... усмехалась! Да, да, усмехалась... И как-то недобро, с издевкой...

День тянулся невероятно долго. Вечером, едва придя домой, Рамон бросился к зеркалу. Он смотрел на себя внимательно и долго, то и дело проводил по лицу ладонью, словно хотел что-то смазнуть. Нет. Он все такой же. Как всегда. Совсем не изменился... Рамон вздохнул с облегчением и уже собирался рассказать жене о том, что ему почудилось сегодня на работе, когда его взгляд остановился на старой фотографии. Она так много лет висела над комодом, что ее уже никто не замечал. Это была фотография Долорес в подвенечном платье. Рамон снял ее со стены и внимательно взглядывался на него. Смотрела красивая молодая женщина с большими лукавыми глазами. Казалось, она вот-вот зальется звонким смехом и скажет: «И ничего-то вы не понимаете. Чудаки!»

«Да, — подумал Рамон, — такой она и была: хохотушка и насмешница...»

— И все-таки в портрете было что-то чужое... — Долорес! — позвал он.

— Иду! — Она пришла не сразу и устало присела на краешек стула. Обвисшие щеки резко выделяли мягкий, округлый подбородок. Под ним до самого выреза платья темнела испещренная едва заметными морщинками кожа. Глаза смотрели вопросительно и спокойно.

Рамон молча глядел на нее и тщетно пытался уловить в ее лице хоть бы следы былого задора...

— Ну, что тебе? — спросила Долорес нетерпеливо. — Зачем ты снял со стены портрет? Дай-ка я с труси с него пыль...

Но отрывая от нее взгляда, Рамон молча протянул ей портрет. Странно, но он только сейчас обратил внимание на то, что Долорес очень изменилась, что она стала совсем другой. Что она... постарела!

«Так вот оно что! — подумал он.—И я, вероятно,

«Ну, разве ты на меня похож? — казалось, говорила кукла.— Посмотри на себя в зеркало. Посмотри!»

И Рамон покорялся. Он делал это против воли: какая-то необъяснимая сила заставляла его взглянуть на себя в зеркало... И неизменно он видел все более и более тревожное лицо стареющего человека...

Это приводило Рамона в бешенство, и нередко,

изменился. Тоже старею... И буду стареть все больше и больше...»

— Я очень изменился, да? — спросил он жену.

— С чего ты взял? — искрение удивилась Долорес.— Такой же, как всегда... Вот только рубашку, пожалуй, тебе нужно сменить.

Нет, нет, старость нужно остановить! Остановить во что бы то ни стало! Он помнил: старый скульптор говорил, что если хорошо следить за собой, за своим лицом, можно очень долго выглядеть молодым. Ему это всегда прекрасно удавалось. А уж теперь, когда родились близнецы, он ни перед чем не остановится. Ни перед чем! Боже! Ведь страшно подумать, что будет, если он теперь лишится работы. Страшно подумать...

С этого дня Рамон стал ухаживать за своим лицом тщательнее, чем обычно: массажи чередовались со сложными питательными масками, горячими компрессами и всевозможными кремами. Волосы он покрасил: оказывается, на висках уже появились первые серебряные нити. В музее он глубже нахлобучил на глаза куклы широкополое сомбреро, и сам надевал его так же. Тяжелые полы огромной шляпы перевешивали и тянули голову книзу так, что к концу дня страшно болел затылок.

Зато теперь уже не так-то просто было отличить человека от куклы!

И снова потянулись для Рамона долгие дни наедине со своим восковым двойником. Только теперь кукла уже не была другом Рамона. Она превратилась в его злейшего врага.

Это был сильный и жестокий враг, который не упускал случая унизить Рамона, довести его до отчаяния, до бешенства.

Каждое утро, освобождая куклу от чехла, Рамон невольно встречалась с насмешливым взглядом ее стеклянных глаз, с чуть замятной улыбкой гладкого и сияющего молодой свежестью воскового лица.

сжимая проволочные плечи куклы, он шептал сквозь сжатые зубы:

— Проклятие чучело, вот раздавлю я тебя сейчас, сотру в порошок!..

В этих случаях своей хрупкостью и неподвижностью, безмятежностью и спокойствием своего раскрашенного лица кукла словно отвечала:

«Попробуй только! Завтра же окажешься на улице. Или ты забыл, что находишься здесь по моей милости? Отпусти, болван!»

Испуганно вздрогивая, Рамон приходил в себя и бережно ощущал куклу: не сломалось ли что, не смялся ли каркас.

И потом целый день испытывал чувство беспомощности и мучительного стыда.

А по ночам ему снился пыльный склад музея и чай для выплавки воска. Будто мастер Губинер, перепутав Рамона с куклой, таскал его к чаину. Охваченный ужасом, Рамон не может ни пошевелиться, ни сказать, что хозяин ошибся, что он не кукла! Но голоса почему-то нет, а тело и лицо, скованные привычной неподвижностью, не подчиняются! Вот уже совсем близко клокочут кипяток, и клубы удивленного паро то и дело скрывают равнодушное лицо мастера Губинера. Рамон бросают в чан с кипящей водой!

Он не чувствует боли от ожогов, но жары лица снова обретает подвижность. Он принимается отчаянно гrimасничать и подмигивать, чтобы обратить на себя внимание хозяина.

«...Боже мой, — отчаянным думает Рамон, — если он меня сейчас же не вытащит из чана, на моем лице оплынет воск и останется лишь одна голая деревянная блондинка! Тогда все пропало, все...»

— Рамон, Рамон, просынься! — будила его Долорес. — Тебе снится что-то нехорошее. Ты стояишь и так страшно гrimасничашь! Что с тобой, Рамон?

Рамон просыпался весь в поту и дико озирался, ощущая лицо дрожащими пальцами. А потом, узнав Долорес, облегченно вздыхал:

— Нет, ничего, ничего. Спи.

А иногда он видел, как дерется с куклой. Сильной неживой рукой она принимала его к своему проволочному каркасу так, что у него останавливалось дыхание.

Рамон отчаянно стмахивался, пытаясь оттолкнуть от себя куклу, бил ее по лицу и в то же время испытывал ужас от того, что она вот-вот рассыплется на куски...

Нет, так не могло продолжаться! Нужно на что-то решиться, что-то предпринять.

О, если бы Рамону в те дни предложили продать душу самому дьяволу, он бы это сделал, не колеблясь!

Так я представлял себе жизнь и душевное состояние Рамона Монтеро. И как раз в это время, накануне случившегося с ним несчастья, у него состоялась встреча с мисс Паризини — кассиршей музея восьмовых фигур.

Очевидно, разговор не терпел отлагательства, иначе долговязая итальянка не стала бы пересекать весь город, чтобы встретиться с Рамоном, а подождала бы до следующего дня. Но она что-то знала. Чего-то такое, что нужно было срочно сообщить Рамону. Может быть, о том, что готовится ограбление музея? А возможно, даже пытаясь склонить Рамона на принятие в нем участия?

Как бы то ни было, но именно на следующий день Рамон был убит.

Странно. Очень странно...

Глава девятая

МИЛЛИОНЕРЫ

Я кричал и продувал телефонную трубку. Черт бы побрал эти автоматы! То тебя соединяют с другим номером, то кто-то вмешивается в твой разговор...

— Алло, алло! Повторите, пожалуйста, адрес... Не ваяйте дурка, пожалуйста! Кто у телефона? Значит, это действительно вы? Пристите, мисс Престон. Я подумал, что кто-то решил подшутить. Значит, я не слышался? Адрес Анжелы Паризини — тридцать четыре, Риверсайд Драйв... Повторю: Риверсайд Драйв? Хорошо, спасибо. Но имейте в виду, мисс Престон, речь идет о серьезном деле, и я не расположжен шутить... Алло! Алло...

Так. Повесил трубку. Каекется, рассердилась. Значит, это не шутка мисс Анжела Паризини, кассирша музея восьмовых фигур, получающая за свою работу гроши, живет среди нью-йоркских миллионеров!

Риверсайд Драйв... Я представил себе набережную Гудзона в том месте, где начинались красные бульвары с аккуратно подстриженным кустарником и неярким светло-зеленым ворсом газона. Но, странное дело, стоит подумать о Риверсайде, как немедленно в памяти возникает фигура городного полицейского. Несколько синхронительно и небрежно он направляет и останавливает потоки машин. Их шины линчат к асфальту и шипят, как лопающиеся пузырьки морской пены. Невысокие особняки миллионеров, тихие и таинственные, как чужеземные посольства, удобно расположились адоль на набережной. От свинцово-грязных вод Гудзона их надежно прикрывают широкие, стерильно чистые бульвары без дорожек для пешеходов. Так тише и спокойнее. А надо сказать, что жители особняков Риверсайда больше всего на свете ценят тишину и спокойствие. Здесь, в самом сердце крикливого и шумного Нью-Йорка, совершенно немыслимы тромбовые звуки. Здесь не слышно даже смеха и криков детей. И уж никому не придется в голову назначить на этой улице встречу с приятелем.

Массивная дубовая дверь обита сверкающей бронзой. Головы оскаленных львов навевают сонливую скучу. Двери долго не открывают, хотя с той стороны слышны спокойные шаги и приглушенный голос. Наконец появляется швейцар. Это гигантского роста негр в великолепной униформе, сверкающей золотом, ярче, чем мундир чилийского адмирала. В огромной коричневой руке до смешного маленьким кажется поднос, который он протягивает с таким видом, словно оказывает мне великую честь.

Я извлек из кармана свою визитную карточку.

— Мисс Паризини дома?

Негр медленно поднял лицо, спрятал руки с подносом за спину и посмотрел на меня с любопытством.

— Рядом дверь... Он кинул на выход и двинулся на меня всей своей громадой. — Через черный ход, сэр, прошу вас, через черный ход...

Вот оно что! Значит, мисс Паризини живет в одной из комнат на чердаке этого дома. Обычно такие помещения занимают прислуга...

На чердак вела кроткая, довольно узкая лестница. На самом верху было жарко и душно. Вероятно, от

близости железной крыши. Длинный темный коридор упирался в единственную дверь. Звонка не видно. Я постучал.

Мне открыла сама мисс Паризини. Я ее сразу узнал, хотя только однажды видел ее фотографию в газете. Несколько выше меня худая, горбоносая женщина лет сорока высунулась в дверь, как это обычно делают, когда не хотят, чтобы пришелец заглянул в квартиру. Ее птное лицо и подвязанный фартук говорили о том, что я оторвал ее от уборки квартиры.

Она мне сразу не понравилась, эта женщина. Может быть, поэтому я не почувствовал перед ней никакой неловкости.

— Хэлло, мисс Паризини, — сказал я довольно развязно, — мне кое-что нужно уточнить по делу убийства в музее восковых фигур. Видите ли, я представитель...

— Все, что мне известно, — перебила меня кассирша, — рассказала вчера тому толстому полицейскому инспектору, который занимается этим делом.

— Вот как! — удивился я прозорливости Карригана. — Значит, он уже знает про ваш разговор с Рамоном Монтеро...

— Про какой разговор? — Она вдруг опустила плечи и как-то вся скользнула... — Что вы говорите?

— Накануне убийства. Возле его дома вечером... Что с вами? Вам нехорошо?

Мисс Паризини стояла передо мной, мгновенно побледневшая. Голова ее медленно клонилась на грудь.

— Анжела, кто там? — раздался за дверью раздраженный мужской голос.

Женщина вздрогнула и зашептала, глядя на меня умоляющими глазами:

— Ради бога, потом, потом! Приходите через полчаса. Он скоро уйдет...

— Я тебя спрашиваю: кто там? Ты слышишь меня или нет? — повторил голос с нарастающей угрозой.

Чувствуя себя причиной изрезавшего семинарского скандала и сообразив, что еще не представился, я громко сказал:

— Я сотрудник газеты...

Женщина почему-то заговорщицки кивнула мне головой и, открывая настежь дверь, крикнула внутрь помещения:

— Да, да, Чарли, это из газеты, слышишь, из газеты! — И, обращаясь ко мне с жалкой улыбкой на все еще бледном лице, она слишком громко и слишком любезно пригласила меня войти. Но, когда я проходил мимо нее, она прошептала: — Умоляю вас, господин инспектор, ни слова при нем. Ни слова! Он скоро уйдет, и тогда я вам все расскажу...

Хм! Все чаще и чаще меня принимают за полицейского инспектора... Я к этому уже начинаю привыкать. Вот и сейчас. Но почему эта женщина так боится полиции? Впрочем, терпение! Ведь она обещала все рассказать, когда «он» уйдет...

Подгоняемый любопытством, я решительно вошел в комнату вслед за мисс Паризини.

«Она оказалась тщедушным, лысеющим человечком в лакированных ботинках. Встретил он меня молчаливым, поклоном, показывая раскрытый ладонью на стул. Лицо стертое, неприметное. Прежде всего обращала на себя внимание его одежда. На нем был безукоризненно вытуженный смокинг. Крахмальный воротничок ослепительной белизны подпирал дряблую кожу выбритого до синевы подбородка. Этому человеку могло быть лет тридцать пять, сорок... Его подчеркнуто щеголеватый вид совсем не гармонировал с обстановкой комнаты, заставленной самой разнообразной мебелью, какими-

то тюками и ящиками. Когда я сел, он посмотрел на меня спокойно и как-то вопросительно своими большими, словно с другого лица, внимательными глазами. Черные блестящие усыки резко оттеняли серые, бескровные губы.

Мне сразу показалось, что я уже где-то видел этого человека.

— Познакомьтесь, — запинаясь, произнесла мисс Паризини. — Это мистер Ларроти. Чарльз Ларроти...

— Очень рад, — сказал я и представился.

— Простите, вы из какой газеты? — Он наклонил вопросительно голову.

Я ответил. Потом он спросил меня, прибыл ли со мной фотограф, и после каждого моего ответа нимающие одобрительно кивал головой и взмахивал ресницами.

Вскоре я поймал себя на том, что внимательно изучало его телосложение: смог бы он пролезть через узкие окна музея? Да, смог бы! Рост — приблизительно пять с половиной футов... Тоже подходит. И цвет волос... Но почему он мне так знаком? Где я его мог видеть? И этот его странный наряд... Черт возьми, очевидно, надо действовать, как это сделал бы на моем месте самый заурядный репортер.

— Простите, вы родственник мисс Паризини? — перешел я в наступление.

— Да... В некотором роде.

— Это мой жених! — И, словно для того, чтобы доказать это, мисс Паризини подбежала к нему и взяла его под руку. Он весьма нелюбезно отстранил ее и щадительно отряхнул рукав смокинга.

— Осторожно, — сказал он ледяным тоном. — Ступай принеси мистеру Мак Алистеру свою фотографию. Возможно, она ему понадобится. Только не ту, где ты в шляпе. И не болтай глупостей. Отвечай только на вопросы и думай, о чём говоришь.

Я был удивлен презрительным тоном, которым этот «жених» разговаривал со своей «невесткой». Она явно боялась его и, качая головой, работолепно твердила:

— Да, Карло... Да... Не беспокойся, Карло...

— Я сожалею, сэр, что не смогу присутствовать при вашей беседе. Дела! Но я вас очень прошу: напишите о нас в газету что-нибудь эдакое... Ну, вы сами понимаете, сэр: кто в наши дни не мечтает стать известным! Известность — это не только слава, но и бизнес. Конечно, если повести дело как следует...

— Видите ли, — остановил я его, — моя миссия...

— Карло, — перебила меня женщина, — ты опаздывалась...

Он остановил ее властным жестом и, слегка наклонившись, как-то знакомо произнес:

— Что прикажете, сэр?

Мисс Паризини за его спиной делала мне отчаянные знаки и умоляюще закатывала глаза. Бедная думала, наверное, что я «разоблачу» перед ее женником как полицейский.

— Я хочу сказать, — продолжал я, — что моя миссия иногда позволяет мне быть полезным тем, о ком я пишу...

— Очень хорошо, сэр, — сказал с новым поклоном жених, и я сразу догадался: ну конечно же, это офицант! Передо мной самый обыкновенный, выколеный офицант. Он и стоит так, будто принимает заказ...

— Карло... — Невеста робко показала глазами на часы.

— Извините меня, сэр, я очень спешу. — Он изящно поклонился, но руку подал мне как-то неуверенно, несмело. Свою невесту он поцеловал в щеку холодным, разнодушным поцелуем. Как только за

ним закрылась дверь, мисс Паризини сложила руки под подбородком и бросилась ко мне в отчаяние:

— Ради бога, сэр! Я всем все-все расскажу... Я расскажу вам то, что никогда никому не говорила. Только умоляю об одном: пусть мистер Губинер ничего не узнает. Иначе я погибла, погибла! Я не хотела никому делать зла, сэр! Обещайте мне, ради бога, обещайте, что ничего не скажете мистеру Губинеру... Вы ведь тоже человек, господин инспектор, и тоже дорожите своим местом!

Я был совершенно ошеломлен. Мало того, я просто испугался: вот сейчас все выяснится. Сию минуту я услышу из уст мисс Паризини правду о том, кто и почему убил Рамона Монтеро. А может быть... Черт возьми, а может быть, убийца — она сама, мисс Паризини? Или ее жених... Что же тогда делать? Предать их в руки полиции? Но как это сделать? Как это вообще делается? Фу ты, черт! Зачем я только сюда пришел!

«Вот теперь и выпутывайся! — злорадно твердил мне внутренний голос, тот самый голос, которого я последние дни почти перестал слушаться. — Уди от сюда или останови эту женщину, пока не поздно. И не строй из себя сыщика: это плохо кончится!»

Но уже было поздно. Мисс Паризини не заметила моего смятения, а молчанье принесла за готовность спасти ее исповедь.

Сначала сбивчиво и отрывисто, но потом все более и более складно она принялась рассказывать:

— Я... я знаю, что нехорошо про покойников говорить плохое, но, видят бог, это все из-за него. Я всегда терпеть не могла этого человека. Он был злым, бесчувственным, каким-то. И никого, кроме себя, не любил. Даже собственных детей... Вы понимаете: сына, родного сына хоронили, а он стоит в церкви с таким видом, будто не отпевание идет, а свадьба. Я сама видела. Нарочито пошла на него посмотреть. Жену на руках вынесли, а они... О! У этого человека груди были камень вместо сердца. И я решила его прокути... Ее глаза сузились, и бескровные губы вытянулись в тонкую прямую линию.

Я поймал себя на том, что не только наблюдала за ее лицом, но внимательно изучала ее рост, ее фигуру и цвет волос. Она была худая и ростом со среднего мужчины. А что, если она сама... Могла ли она спасти? Руки большие, хищные. Перчатки! Я вспомнила слова Карригана: «...Такие перчатки носят полисмены, солдаты на парадах и офицанты. Офицанты! Боже мой, неужели она сейчас расскажет, как все это произошло!»

— ...И вот, когда я услышала тот разговор... На моем месте каждый сделал бы то же самое, уверяю вас! В конце концов каждый сам себе хозяин... Чем вы на меня так смотрите? Ошибиться может всякий! Я всю жизнь была честной, порядочной женщиной. Всю жизнь, всю жизнь... Вот, взгляните, — она повернулась ко мне спиной и обвела рукой комнату, — все... все это мы с Чарли честно накапливаем вот уже семнадцать лет. С тех пор, как мы обручены. Семнадцать лет за каждую из этих вещей мы аккуратно выплачиваем каждую неделю деньги да еще ухитряемся откладывать для покупки участка земли за городом. Семнадцать лет я живу на этом чердаке. Чтобы не трястись на квартире, по ночам мою лестницы во всем доме — сто четырех ступеней! Семнадцать лет мы отказывали себе во всем, чтобы после свадьбы жить спокойно и безбедно, как порядочные люди. Вот, смотрите, этот холодильник я купила десять лет назад и уже давно оплатила его стоимость. Он еще совсем новенький;

мы им не пользуемся. Платяной шкаф через три месяца будет моим. И постельное белье. И ковер, он в этом ящике, в нафталине. А Чарли на днях уже сделал последний взнос за телевизор. Он уже наш. И этот столовой гарнитур тоже наш. И вот уже совсем скоро, через каких-нибудь девятнадцать месяцев, мы выплатим последний взнос за участок земли. Я могу вам все квитанции показать, хотите? Чарли говорит, что как только мы рассплатимся за участок, сразу же его заложим и из вырученных денег сделаем первый взнос на постройку дома. Нашего собственного дома! И тогда наконец мы сможем обвенчаться и жить так, как мечтали всю жизнь. Мы и автомобиль купим. Новый. И хорошие марки. Чарли говорит, что нужно жить на широкую ногу...

Она бросила на меня злобный и вместе с тем какой-то затравленный взгляд.

— И теперь все это в ваших руках. Если вы только дадите ход этому делу... Тот, другой инспектор полиции, такой добрый, в очках, больше всего интересовалась тем, сколько билетов я продавала в день. А вы... Хорошо, я вам все расскажу. Но обещайте мне, что ничего не скажете мистеру Губинеру! О! Вы не знаете его! Он бы мне этого никогда не простил. Никогда!

Она вцепилась в мой рукав, заглядывая мне в глаза.

— Вы ему не скажете, правда? Поклянитесь...

Я что-то смущенно пробормотал.

— Нет, вы поклянитесь именем вашей матери! Я посмотрел в ее широко раскрытые от страха глаза и неожиданно для себя вдруг сказал твердым голосом:

— Клянусь памятью моей матери никому не говорить ничего, что могло бы вам повредить.

Странно, но от этих слов я сам почувствовал какое-то облегчение. Куда-то исчезла скованность, нетвердость в себе и страх перед той ролью, которую так незнакомо я стал играть в этом доме.

— Тогда слушайте.—Мисс Паризини подняла лицо и произнесла так, словно читала молитву.— Да, я совершила преступление — перед богом, перед Чарли, перед моей совестью...

Хорошо помню, что в наступившей после этих слов тишине я услышала громкое тиканье часов. «Слишком быстро», — подумал я, — слишком быстро они идут. Так не бывает...

— Это произошло на прошлой неделе. — Мисс Паризини села на краешек стула в напряженной позе. Жидкие брови выпнулись друг от друга. Серые холодные глаза застыли неподвижно. — В тот день я окончила работу, сделала выручку мистеру Губинеру и вернулась в кассу, чтобы помыть там пол и убраться. Окошко, конечно, оставалось закрытым, так что меня никто не мог видеть, хотя я и не думала прятаться. Где-то поблизости раздался голос мистера Губинера. Он говорил со своим родственником Паркером и жаловался ему на то, что дела музея идут все хуже и хуже, а тут еще надо обновить куклу, которая стоит у входа, потому что Рамон уже состарился, и что надо срочно что-то придумать — убрать одного или другого или выкинуть из чертубонок. Но вместе их уже держат наельзя, потому что это только стартует весь музей.

Тогда Паркер сказал, что если уж трястись на новую куклу, то надо придумать какой-нибудь свежий трюк, а не повторять старый, и тут же предложил поставить у входа в музей девушку в купальном костюме со своим восьмикомнатным дайвингом. Губинеру это страшно понравилось. Он засмеялся и сказал: «Вот

уж не думал, что ты способен соображать!» И Паркер тоже был доволен.

«Далеко искать не надо, босс, — сказал он, — завтра же я приду к вам подходящую девочку».

И потом я еще услыхала, как Губинер говорил: «Только смотри, никому ни слова!»

Мисс Паризини судорожно проглотила слюну, поперхнулась и продолжала хриплым голосом:

— А я... Я решила сообщить об этом Рамону Монтеро. Мне захотелось увидеть, как отнесется к такой новости этот червяк, равнодушный ко всему человеку. Я знала, где он живет. В тот день я уехала с работы раньше и встретилась с ним недалеко от его дома. Там, на улице, я рассказала ему все, весь разговор...

Она скептически руки и стала раскачиваться из стороны в сторону.

— О! Я знаю, что поступила очень нехорошо, что совершила преступление, но постарайтесь понять меня, господин инспектор...

— И это все? — Я бы вне себя от удивления.

— Все, клянусь вам, все! Больше я об этом никому не скажала! Я понимаю, что совершила преступление против моего хозяина, мистера Губинера. Я предала его, выдала его секрет. И пусть бы ничего не случилось, но он все равно мне этого никогда бы не простил, если бы только узнал... Чарли мне бы не простил... Ведь семнадцать лет, сэр, семнадцать лет мы боремся за свое счастье. А если я потеряю работу — все пропадет. Всё заберут и платяной шкаф — за него выпадет еще три месяца, — и столовый гарнитур, и диван, и я останусь одна, совсем одна на всю жизнь...

Мисс Паризини разрыдалась.

— Успокойтесь, — Мне ее впервые стало жаль. — Губинер от меня ничего не знает. Я дал вам слово. Расскажите лучше, как отнесся к вашему сообщению Монтеро.

— Он... Он долго не мог понять. — По мокрому лицу кассирши пробежала злорадная улыбка. — А потом так смешно шевелил руками и говорил что-то непонятное на своем языке. Но всетаки я не сумела пронять его как следует. Он остался таким, как всегда, — бесчувственной деревяшкой, куклой!

— Неужели вам его совсем не жаль?

— Я добрая католичка, господин инспектор, и никогда не радуюсь чужому несчастью. Но бог ведь сам его прибрал, не так ли? Значит, это был нехороший человек.

Кажется, я узнал все, что хотел. И даже более того, я познакомился с мисс Паризини. Как это могло случиться, что я, коренной житель Нью-Йорка, никогда раньше не встречал таких людей... Челуху Конечно, встречал. Они были везде: и в редакции, и на улице, и среди моих знакомых. Просто мне не приходило в голову думать о том, как они живут, чем живут, какие у них цели в жизни.

— Ну, а... та девушка, о которой говорил управляющий, она была у мистера Губинера? — спросил я скорее всего для того, чтобы заполнить затянувшуюся паузу.

— Не знаю, сэр. Мне ведь из окошка кассы видны только руки. Они протягивают мне деньги, а я им — билеты. О последней посетительнице я рассказала все, что помнила, тому добromу инспектору в очках... — И, решив, что я хочу услышать то же самое из ее уст, добавила: — У нее на правом запястье позолоченный браслет «эмэйка». Руки молодые. На ногтях остатки лака темно-красного цвета. Протянула мне две монеты по двадцать пять центов. Ей я говорю: «Скоро перерыв», через десять

минут мы закрываем». «Ничего,— говорит,— дайте биллет». Я и дала. А что мне было делать?

— Наверное, прислуга или няня,— сказал я, готовясь распрощаться с хозяйкой. Мне очень захотелось на воздух.

— Что вы! С такими яркими ногтями...

Я вздохнула.

— Извините за беспокойство, мисс Паризини, я пойду. Можете быть уверены, что о нашем разговоре никто ничего не узнает.

Она принялась энергично вытирая фартуком ладони, но, протянув мне руку, вдруг застыла, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

— Боже мой! — Она удивленно смотрела то на меня, то на свои руки.— Я вспомнила! Честное слово, я вспомнила. У этой женщины были испачканы ладони. Будто она где-то падала...

Я заметила, что это могло произойти на любом из многочисленных аттракционов, где люди падают. Например, на чертовом колесе, во вращающейся трубе, в «пьяном» коридоре... Ничего особенного: девочка повеселилась, а потом решила пойти в музей восковых фигур...

Но мисс Паризини покачала головой.

— Нет. Редкая женщина истратит полдоллара, чтобы за десять минут осмотреть музей...

— Постойте! — вдруг перебил я ее.— А мистер Губнер был в это время в музее?

Мисс Паризини медленно поднесла руку ко рту. Глаза ее расширились.

— Да... Святая Мария, это была она! Та самая девочка, которую обещал послать управляющий мистер Губнеру...

Я сказала. Конечно, это могла быть только она!

среди них искать девушку с браслетом «эмейка». Очень просто! Поехали!

— Послушай, Джо, а почему бы не спросить прямо об этом Губнере или его родственнике Паркер?

— Так они тебе и скажут! Особенно, если ты напал на правильный след. Ты разве не видел, как он все время крутит?

— Хм! Да... Пожалуй, ты прав, Джо.— Я посмотрел на часы.— Поехали в парк. Мы еще застанем аттракционы открытыми.

Аттракционы парка Кони-Айленд закрываются на обед в самое различное время дня, но нас интересовали только те, где перерыв начинался несколькими минутами раньше, чем в музее восковых фигур.

— Девушка купила билет за десять минут до закрытия музея,— рассуждал Джо по пути на Кони-Айленд.— Почему она так поступила, мы еще не знаем, но мы можем предположить, что она очень торопилась: предстоял разговор с Губнером и обратный путь к себе на работу. Музей закрывался в три часа дня, а аттракцион, где работает наша девочка, вероятно, закрывается на несколько минут раньше. Скажем, в два сорок пять. Таким образом, у нее было достаточно времени, чтобы прийти в музей, поговорить с Губнером и возвратиться на работу...

— А в котором часу произошло убийство? — спросил я.

— В том-то и дело, что убийство произошло в то время, когда у девушки был обеденный перерыв. Судебная экспертиза называет довольно точное время — между тремя и тремя тридцатью дня.

— Уж не думашь ли ты...

— Нет, думать я предоставляю тебе! А я просто собираюсь узнать, какие аттракционы Кони-Айленда закрываются на обед с двух тридцати до трех пятнадцати. А потом поискать там девочку с браслетом.

— Но ведь она могла отпроситься раньше или позднее своего перерыва.

— Бряк ли: в тот день было много народа. Во всяком случае, это можно допустить как исключительный случай. Так почему же мы должны с этого начинать?

Джо удивительно быстро раздобыл у администрации парка список тех аттракционов, которые нам предстояло посетить. К счастью, их оказалось не так уж много: большинство зданий закрывалось на обед гораздо раньше или не закрывалось вовсе.

В нашем списке значились аттракционы: «Путешествие в ад», «Мертвая петля», «Городок лягушек», «Царица змей», «Переворачивающаяся кровать» и знаменитая выставка курьезов «Хотите — верьте, хотите — нет!».

Джо вскинул от удивления.

— Смотри-ка, сюда входит «Казнь на электрическом стуле»! Это аттракцион, где работает тот парень, за которым Карриган установил свою проклятую слежку! Хорошо, оставил напоследок!— Он достал карандаш и принялся жирно подчеркивать некоторые строки.— Так. А теперь посмотрим, куда мы пойдем в первую очередь... «Городок лягушек» вычеркнем совсем. Их профсоюз строго следит за тем, чтобы там не работали ни один человек нормального роста. В аттракционе «Мертвая петля» женщины не участвуют. Это я хорошо знаю. Тоже вычеркнем!

— Послушай, Джо! Ведь мне рассказывала миссис Монтеро, что когда-то там работал ее муж...

— Да, да, старик, но не нужно сейчас отвлекаться. Нас пока интересует девочка. Только она! Давай начнем с выставки курьезов. Там работает много народа.

Глава десятая

ХОТИТЕ — ВЕРЬТЕ, ХОТИТЕ — НЕТ!

— Ерт возмы! Ты меня слушаешь или читаешь книгу?

Мой друг Джо Кэсди на миг перестал листать страницы словаря Уэбстера и посмотрел на меня удивленно.

— Старик, я не только тебя слушаю. Я люблю каждое свое слово и не перестаю удивляться. Вообразя, что скажет Карриган...

— Карриган ничего не скажет, потому что он от меня ничего не узнает. Я дал слово. И от тебя он тоже ничего не узнает, смыслишь?

— Хорошо, хорошо. На меня ты можешь положиться. Но ты не думай, что этот толстячок сколько-нибудь наивен. Он всегда знает больше, чем говорит, и никогда не теряет зря времени. Но, во всяком случае, Мак, ты узнал уйму сногшибательных вещей. Я думаю, что девочка найдем где-нибудь в парке аттракционов. Она наверняка там работает. Ведь кассирша слышала, как управляющий сказал, что далеко ходить не надо. Кроме того, наша девочка торопилась, значит, у нее было мало времени, возможно даже, она выбежала в обеденный перерыв... Вот что, Мак, надо будет узнать, какие аттракционы закрываются на обед чуть раньше музея, и

...Это приземистое деревянное здание находилось совсем недалеко от входа в парк и было, пожалуй, одним из самых больших на Острове Веселья. Гигантские светящиеся буквы, укрепленные на высоченных столбах, можно было свободно прочитать далеко за пределами Кони-Айленда:

РОБЕРТ РИПЛЕЙ
ХОТИТЕ — ВЕРЬТЕ, ХОТИТЕ — НЕТ!
ВЫСТАВКА ЖИВЫХ КУРЬЕЗОВ

У входа царил невообразимый шум. Мощные громоговорители так усиливали речь зазывалы, что едва можно было разобрать слова.

Хриплые, склокучющие звуки обрушивались на голову, словно крупный град. Невозможно было ни говорить, ни даже думать, и мы с облегчением вздохнули, когда оказались по ту сторону тяжелой бархатной портьеры, которой был задрапирован вход. Крашеная блондинка с похоженем на гримасу стандартной улыбкой на густо нарумяненном лице отобрала наши билеты. Я впился в нее глазами. Она?

Но Джо сморгнулся и, взяв меня за локоть, настойчиво повел за собой.

— Она должна быть гораздо моложе, — сказал он, — лет двадцати, не больше. Так говорила кассирша, да и Губнер не стал бы лепить нуклю с женщины, которая вынуждена так густо мазать лицо. Разве ты не заметил морщин на ее щеках? Этой красавице лет пятьдесят, не меньше...

Мы оказались среди толпы в пополнении человек на посыпанной опилками подковообразной площадке, напоминающей арену цирка. Вдоль всей окружности располагались два десятка небольших «сцен», и публика толпилась возле той, где раскрывалась занавес. Когда мы с Джо подошли, на очередном посте показывали «самую толстую женщину в мире». Это оплывшее жиром несчастное существо уже не могло носить собственного веса. Словно выброшенное на берег морское чудовище, невероятных размеров женщина беспомощно лежала на огромном диване, жадно хватая воздух полупотертым дряблым ртом. Маленькие, заплывшие жиром глазки безучастно разглядывали публику. Конферансье, стройный молодой человек с красивым, мужественным лицом и великолепно поставленным голосом, предложил желающим взойти на сцену, потрогать изюминат и убедиться в том, что здесь нет никакого обмана. Безусый юнец ловко вскарабкался на помост, бесцеремонно ткнул пальцем в рыхлое тело женщины и захихикал. Публика дружно аплодировала. Занавес закрылся.

— Говорят, она накопила уже больше миллиона, — сказала кто-то из публики.

— А на что ей деньги?

— Это вы бросите: деньги, они всегда деньги...

— А вы бы с ней поменялись?

— За миллион! Да я бы и душу свою отдал в придачу!

Открылся занавес следующей сцены, и нам показали очень красивую девушку, лишенную рук по самые плечи. Она очаровательно улыбалась и за несколько центов надписывала свою фотокарточку крандашом, который держала в зубах. Ей долго апподировали...

Потом был человек, который выпивал из небольшого аквариума всю воду вместе с рыбками, спокойно курил сигару, после чего возвращал аквариуму его содержимое. На следующей сцене показали женщину, с ног до головы расписанную чудовищной татуировкой. Это не могла быть канан: татуировка была настоящей и покрывала руки женщины до са-

мых ногтей. Мы видели девушку с невероятной памятью, которая выучила наизусть телефонную книгу Манхэттена, человека с семью пальцами на каждой руке и уже не помню, какие там еще «живые курьезы». Но подходящей для нас девушкой среди них не оказалось. Я говорю «подходящей», потому что к тому времени мы с Джо уже знали, как должна выглядеть та, которую мы ищем: она стройная, молодая и красивая. Как та, безрухая...

Мы слишком долго задержались на выставке живых курьезов и теперь почти бежали к аттракциону «Царица змей». Это оказался жалкий балясан за невысоким деревянным забором, лишенным даже крыши. Единственный слугиня аттракциона, худой, долговязый негр с отвисшей нижней губой, был и кассиром, и зазывалой, и конферансье. Посредине площадки стояла большая ящика, покрытый металлической сеткой. Мы заглянули в него. Там среди отвратительных ужей, ящериц и зеленых калифорнийских жаб лежала «Царица змей» — пожилая негритянка в странном шутовском наряде, с жестяной, золотистой короной на голове. Ее туго, беззучастный взгляд, полуоткрытый рот, собранные в складки лоб и неподвижно застывшая поза говорили о том, что женщина была психически больной. Мы поспешили уйти: зрелище вызывало тяжкое, брезгливое чувство. Вокруг ящика стояли зрители. Некоторые из них — с детьми...

Аттракцион «Переворачивающаяся кровать» оказался балясаном, похожим на тир, перед которым стояла густая толпа. Глухие неровные удары и монотонный голос зазывали вразмеж от времени прерывались дружным хохотом толпы. Однако лишь тогда, когда я изрядно поработал локтями и притиснулся вплотную к барьера, мне стало ясно, в чем заключается аттракцион.

На подиумах стояла обыкновенная металлическая кровать. На ней под одеялом угадывалось накрытое головой человеческое тело.

— Три мяча — пятьдесят центов! Три мяча — пятьдесят центов! — нудно, но одной ноте тянула зазывала. — Разбудите ленивую девчонку, вызывайте ее на пол! Три мяча — пятьдесят центов! Разбудите ленивую девчонку!

Это был своеобразный тир. Мишенью служил белый круглый величиной с 25-центовую монету, выступающий из перегородки в глубине балясана. Попасть в него было нелегко, и мне пришлось постоять несколько минут, прежде чем какому-то счастливцу удалось поразить цель. Что-то щелкнуло, и кровать шумно перевернулась, вывалив на пол полуодетую молодую женщину. Еще раньше, чем я успел заглянуть ей в лицо, увидел ее руки: она упиралась ладонями о грязный ковер. Правое запястье украшал дешевый браслет «эмайя».

— Джо! — крикнул я, оглядываясь. — Смотри! — Я резко повернулся и вдруг увидел... Карриган!

Прихватив толпой барьера, полицейский инспектор смотрел на упавшую девушку, держась за дужку очков, как это обычно делают близорукие, когда хотят что-то хорошоенько разглядеть.

Я отвернулся. Мне не хотелось, чтобы Карриган меня заметил: пошли бы расспросы и разговоры, от которых было бы трудно уильнуть. Тем временем Джо притиснулся ко мне и смотрел во все глаза на сцену. Я легонько толкнул его и стал выбираться из толпы.

— Вижу, вижу... — отмахнулся он.

— Там, направо, в конце барьера, торчит Карриган, — прошелся я, увлекая его с собой. — Идем. Мне не хочется с ним сегодня встречаться. Тем более здесь.

Скоро мы очутились на людной аллее. Быстро гушились сумерки. Один за другим появлялись разноцветные, мигающие, взлетающие к небу и плавущие огни. Казалось, что весь Кони-Айленд превращается в гигантскую карусель, которая крутится все быстрее и быстрее. Усталие люди с потными, напряженными лицами широко раскрытыми глазами жадно бросались от аттракциона к аттракциону, будто именно в этом был смысл их жизни.

Чтобы быть услышанным в невероятном шуме, который царил вокруг нас, Джо почти кричал:

— Я говорил тебе, старик Карриган не дурак. Он, конечно, не сидел сложа руки, пока ты беседовал с вдовой и с кассиршей.

— Но откуда он узнал про эту девушку? — недоумевал я. — Неужели мисс Паризинн?..

— Э, брат! Про нее, кроме кассирши, знали по меньшей мере еще четыре человека. Смотри, — он стал загибать пальцы, — сам Губинер, его управляющий, их жены...

Но мне не хотелось слышать ни о Карригане, ни о Губинере, ни о его управляющем, ни тем более об их женах. Я думал о девушке, которую только что видел. В самый последний момент я разглядел ее лицо — молодое, красивое и вместе с тем какое-то жалкое, затравленное.

А Джо все не умолкал:

— ...Во всяком случае, мы уже близки к финишу. Дело начинает проясняться: между этой миловидной девушкой и мексиканцем, возможно, произошел спор из-за работы. Но мне не хочется верить, что она имеет какое-нибудь отношение к убийству. Мак, ты видел ее лицо?

— А что ожидает убийцу? — перебил я своего спутника.

— Убийцу? А ты это сейчас увидишь своими глазами. Мы как раз туда идем.

Прислонившись к деревянной стене освещенного со всех сторон мощными прожекторами балагана, худой человек с длинным обветренным носом держал черный кружок микрофона возле самых губ и устало шевелил челюстями. Трудно было поверить, что это именно его голос заглушает грохот поезда на «русских горах», крики назойливых продавцов кукурузных хлопьев и тяжелые удары огромного деревянного молота по силомеру:

— ЕДИНСТВЕННЫЙ В АМЕРИКЕ АТТРАКЦИОН! КАЗНЬ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ СТУЛЕ! ДЕМОНСТРИРУЕТСЯ СО ВСЕМИ ПОДРОБНОСТЯМИ КАЗНЬ НА НАСТОЯЩЕМ ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ СТУЛЕ! ТОЛЬКО ЗА ОДИН ДОЛЛАР, ЕСЛИ У ВАС ВЫДЕРЖАТ НЕРВЫ, ВЫ МОЖЕТЕ БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ КАЗНИ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ СТУЛЕ! ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ! СПЕШИТЕ ПРИОБРЕСТИ БИЛЕТ, ЛЕДИ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ!..

Разумеется, я и раньше бывал в парке аттракционов Кони-Айленда. В молодости я с удовольствием катался на «чертовом колесе», блуждал по темным лабиринтам «заколдованного города», разинул рот, смотрел на живую «говорящую голову» и несся с быстрой ветра по крутым склонам «русских гор». Помимо треска огромного лотерейного колеса, заманчивые выигрыши в тире и ряды бутылок виски в традиционном аттракционе «Попади в негра». Но такого аттракциона, как тот, перед которым я сейчас стоял, в то время не было.

Высокое серое здание, увенчанное грубой фигу-

рой Фемиды, со всех сторон освещалось мощными прожекторами. Богиня правосудия держала в одной руке весы, а другой показывала на огромную черную вывеску:

КАЗНЬ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ СТУЛЕ, АТТРАКЦИОН

Ниже вывески, за толстыми прутьями похожего на клетку зарешеченного балкона, в скорбной позе сидел человек в полосатой одежде арестанта. Над балконом, на небольшой открытой площадке, ощетиненное посеребренными жерлами громкоговорителем, было выставлено черное кресло с высокой спинкой и подлокотниками. Ремни и блестящие металлические контакты не оставляли никакого сомнения — это была модель электрического стула. Словно подчеркивая государственное значение для Соединенных Штатов этого мрачного трона смерти, возле него стоял погибший. Большой и величественный блестилаяль закона разглядывал толпу, гудевшую под ним, с презрительным спокойствием, будто следил за прогулкой арестантов на тюремном дворе...

— И как он только не оглохнет от этих репродукторов! — крикнул я Джо, показывая кинжал головы человека, изображающего Эдока в моей стране.

— Не туда смотришь! Вот он, внизу. Который говорит в микрофон. Зазывала...

Я не сразу понял своего друга.

— Ну, тот, которого подозревают в убийстве, — стараясь говорить не очень громко, объяснял мне Джо. — Лой Коллинз, зазывала аттракциона. А вот и люди Карригана торчат возле него. Видишь? Те двое, в светлых шляпах... Ба! Да я их прекрасно знаю!

Боже мой! Значит, это и есть тот самый человек... Только теперь я заметил, что у него усталое, серое лицо и тощий, как у загнанного животного, взгляд.

— Удивительно, как это он не сбивается — показал головой Джо, — ведь те двое не дают ему ни минуты покоя!..

— ...КАЗНЬ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ СТУЛЕ! — ревели громкоговорители. — ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ АТТРАКЦИОН ТОЛЬКО ЗА ОДИН ДОЛЛАР, ЕСЛИ У ВАС ВЫДЕРЖАТ НЕРВЫ, ВЫ МОЖЕТЕ БЫТЬ СВИДЕТЕЛЕМ КАЗНИ...»

Голос звучал торжественно и проникновенно.

Со стороны могло бы показаться, что те задорвенные парни, которых торчали рядом с зазывалой, были его приятелями. Они громко разговаривали, хохотали, часто обращались к нему и даже хлопали по плечу.

— Теперь ты понял? А после работы они пойдут за ним по пятам, вместе с ним зайдут в столовую, будут ему мешать обедать и все время, беспрерывно будут говорить о том, что он подлый убийца, и ему никак не уйти от правосудия, и что лучше пусть он сам сдадется руки полиции, иначе они перевломают все кости...

Да. Телеры я знал, что это такое — «демонстративная слежка»... И все-таки зазывала не возбуждала у меня симпатии. Чем больше я на него смотрел, тем больше проникался к нему неприязнь. И рост его, и комплекция, и оттенок волос, и цвет kostюма — все совпадало с приметами убийцы сторожа музея восковых фигур: он был худ и, безусловно, прошел бы сквозь любое окно музея; он был среднего роста — точно как предполагаемый убийца мексиканца Монтеро; он был в простом темно-синем пиджаке, такого же оттенка, как и ворсинки, которые мне показывал Карриган; из-под его шляпы выбивались черные блестящие волосы...

Неужели миловидная девушка из «Переворачивающейся кроазии» — его сообщница? А может быть, она просто жертва в его руках?.. На память мне пришли многочисленные примеры, когда бандиты заставляли женщин и детей под страхом смерти участвовать в преступлениях.. Я уже легко себе представляла зазывалу в роли убийцы и негодяя.

— Идем, старина, не смотри так пристально. Ведь если эти типы меня заметят, обязательно расскажут Каррингану. А старик хитрый, он сразу поймет, что мы здесь кого-то высматриваем. Давай встанем в очередь за билетами.

Нам уже было видно Лоя Коллинза, но его голос все время гремел где-то рядом, призыва смотреть «со всеми подробностями» казнь на электрическом стуле.

— Странно... — задумчиво покачала головой Джо. — Человек, за которым охотится полиция, призывает смотреть на то, что ему самому должно винутьт невероятный ужас...

— Удивительно! Но вряд ли так уж странно, — отозвалась я. — Помнишь кинофильм «Преступление»? Там очень хорошо показано, что притягательная сила наказания для некоторых людей даже важнее, чем цель, достигнутая самим преступлением. Говорят, что многие детские преступления совершаются на почве необузданных влечений к сильным ощущениям. Малолетних преступников, например, больше всего привлекает чувство риска и увлечение самим процессом ухода от преследования. Для них это своеобразная игра. А нашумевшая дело с анонимным письмом, в котором автор сообщал в полицию, что уже убил трех человек и что каждый день его можно встретить там-то и там-то? Это ведь оказалось не мальчик, а двадцатилетний школьник...

— Глупости! — Лицо Джо сделалось красным от гнева; я еще никогда не видел его таким. — Все эти дурдацкие попытки оправдать преступления естественными наклонностями человека не что иное, как гнусная выдумка! Человек становится таким, каким его делают обстоятельства и среда, в которой он живет. Да ты оглянись кругом! Вспомни те аттракционы, которые мы только что видели, — ты думаешь, это только способы зарабатывать деньги? Как бы не так! Это прежде всего воспитание разводящими к своему ближнему, пробуждение в человеке самых низменных инстинктов! А насчет детской преступности ты мне лучше не говори. Да знаешь ли ты, что история с анонимным письмом ребенку-убийцу, о которой ты рассказывал, лишь повторяет сюжет кинофильма «Убийца — я»? Мне пришлось говорить с этим мальчишкой после суда. Ты не можешь себе представить, какой у него мусор в голове! Комиксы, кинофильмы «ужасов», гангстерская литература... А кто в этом виноват? Мы с тобой — вот кто!

Добрейшее лицо Джо было неизнаваемо: брови напряженно сдвинуты, ноздри раздуты. Конечно, он был прав, и я не собирался с ним спорить. Чтобы обратить все в шутку, я тихонько ему шепнула:

— Ого, брат! Да ты никак коммунист...

— Это я-то? — Он засмеялся. — Я только могу тебя заверить, что если когда-нибудь меня вызовут в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, я там поклянусь на библии, что ты был первым, кто подал мне мысли вступить в члены Коммунистической партии Соединенных Штатов!

Я подумал: «А ведь правда, как только человек начинает проявлять интерес к своему народу, мыслить честно и поступать так, как ему волят совесть, его почему-то сразу же зачисляют в коммунисты...»

К сожалению, нам не удалось продолжить разговор. Подошла наша очередь, и мы вошли...

«Зал» оказался таким же, как и на выставке «Живых куризов» — посыпанный опилками пол, без скамеек и стульев. Публика толпилась возле задернутого занавеса довольно большой сцены. Зрители — и было около сотни — беспокойно двигались, переходили с места на место, чтобы лучше увидеть необыкновенное представление. То тут, то там раздавались громкие замечания, нервный смех и южные, несторые аплодисменты. Дети Бесцеремонно толкались, пробираясь в первые ряды. Постепенно все успокоилось, и ненадолго наступила напряженная тишина. Наконец на одной половине сцены рывками раздвинулся занавес.

Декорация изображала похожую на клетку тюремную камеру. Прильнув к решеткам, застыл одетый в полосатый костюм заключенный. Густой грим придавал его лицу выражение тоски и отчаяния. Вот из глубины сцены медленно приближаются к камере два дюжих полисмена и священник. Один из полисменов долго гремит ключами и открывает дверь камеры. Узник мечтается, жмется к стене. Священник простирает к нему руку с крестом. В это время полицейские хватают приговоренного к смерти и уводят с собой. Священник замыкает шествие...

Конечно, все эти люди не профессиональные артисты. Они лишь добросовестно, с привычным однообразием выполняют все движения жесты, которым их научили. И все же, когда занавес задерживается, публика награждает их аплодисментами.

Теперь раздвигается занавес на второй половине сцены. Сбоку, на деревянном подиуме, черное кресло. К высокой спинке прикреплен блестящий металлический колпак; к подлокотникам и передним ножкам — медные манжеты и ремни. За креслом мраморная доска с множеством электрических приборов: с большими циферблатаами, реостатами, разноцветными лампочками, блестящими контактами и массивным рубильником. От доски к креслу ведут толстые электрические провода. Появляется один из полисменов, который проверяет приборы. Он вращает рукоятку реостата, и стрелка на циферблете электроприбора медленно отклоняется. Одновременно все ярче загорается красная лампа. Обращаясь к зрителям, полицейский говорит:

— Пять тысяч вольт! — и уходит.

В зале тишина. Все как зачарованные смотрят на чуть вздрагивающую стрелку циферблата. Нервы зрителей напряжены.

В глубине сцены появляется шествие. Приговоренный к смерти видит стул и в ужасе бьется в сильных руках полисменов. Священник бормочет молитву. Узника силой усаживают на электрический стул, надевают на голову металлический колпак, застегивают ремни на руках и ногах. Он дергается, но потом сидит, расслабив тело, словно потерял сознание. Священник все горяче читает молитву. Один из полисменов недоволен толстую резиновую перчатку и хватается за рубильник. Второй полисмен кричит:

— Внимание... Ток!

Раздается сильный треск. По металлическим частям электрического стула бегают искры. На миг свет на сцене ослабевает, приговоренный к смерти бьется в конвульсиях...

Закрывается занавес, и в зале зажигается свет. Представление окончено!

...Зрители расходились, неестественно громко разговаривали и перебрасываясь шутками, чтобы лучше скрыть волнение.

(Продолжение следует.)

Рисунки Б. Корженевского.

ДОМ В МАРЬЯНДО

С вою первую ночь на Кубе в конце 1961 года я провела у окна отеля «Насьональ». Внизу и совсем близко шумел неиздимый океан, около окна кто-то вышагивал вперед и вперед, насыщаясь «Интернационалом»... К рассвету на горизонте обнаружил корабль четких, строгих очертаний.

Принес камареро — убирать комнату.

— всю ночь не спали, нравится Гавана?

— Да, — сказала я, — смотрите, какой стройный корабль!

— Да, — сказал он, — американский. Поздравляю вас, компании, якис нам любезно сообщили, что двадцатое число выбрано ими для нападения на Кубу. И вчера появился этот военный красавец! Наблюдает... Стережет, как бы мы не ушли куда, что ли? Так мы давно от них ушли! Прозевали, чего теперь наблюдать-то! Вот где они у нас сидят! — заключил он и показал на горло.

Днем корабль исчез. В газетах писали, что он ушел в Санто-Доминго: там что-то стяглось.

Это было время непрерывных психологических атак: объявлялись во всеусыпашение сроки агрессии и не выполнялись, снова назначались сроки...

У меня дома лежит защитная пилотка с оранжевым кантом, похожая одновременно на шапочку испанских рестбуканцев 1936—1939 годов и на нашу солдатскую, пехотную. Такие шапочки носили кубинские алфабетизаторы (ликвидаторы неграмотности) в 1961 году. А оранжевый кант на пилотке, так же как и оранжевые полоски на рукавах гимнастерок, появился буквально на моих глазах.

Я тогда работала переводчиком на металлургическом заводе в Моя (провинция Орьенте) и дружила с местной бригадой алфабетизаторов. (Их называют еще «бригадисты».) Они обучали неграмотных здесь же, в деревнях Моя, Манго, Лагуна.

На Кубе подходил к концу 1961 год, «Год просвещения»...

...29 ноября, после работы, мыслисько у проходной завода останавливали уходивших: «Командир, тяжелое известие: в провинции Лас Вильяс контреволюционеры убили бригадиста Мануэля Аскусне. Доменек, сейчас будет митинг».

Первым выступил самый маленький из бригадистов. Потом — председатель комитета защиты революции.

— Наша революция говорит: «Родина или смерть!» Что нам дала родина, — это вы все знаете. А что такая смерть, — по этому поводу мы собирались сейчас. Сегодня в ранчо-клубе¹ я слышал от некоторых — вы знаете, от кого: «Не верьте, это все слухи, никто никого не убивал, только нарочно шум поднимают — пугают зверствами». Я им ответил: «Нет, это не слухи! Мы никого не пугаем, эти гусаны² стараются нас напугать. Это ненависть контреволюционеров дошла до того, что они мальчика, который всегда этого обучал грамоте, зверски убили. Вот что значит грамотность, вот какое это оружие. Мы обязаны быть грамотными — это наш долг перед погибшими. Те люди, которые утверждают не верить, любят говорить: «Вот когда-то в Моя была жизнь...» А мы скажем: «Когда Моя покончит с вами, тогда и будет жизнь!»

Потом прошел отряд мыслисько, взвод бригадистов. А на другой день мы с монти бригадистами подняли в Лагуна, одной из близких деревень, флаг: «ТERRITORIO, свободная от неграмотности». «Мы, потому что я тоже поднимала.

Через несколько дней вся Гавана шла за гробом Мануэля Аскусне. Это тогда Фидель сказал: «Бандитов мы будем расстреливать!» Говорят, никогда еще за все времена революции его не видели таким. Обычно такой отходчивый, такой человеческий, он на этот

¹ Сельский клуб-бар.

² Так называют на Кубе контреволюционеров: Червли, слизни.

раз был жестким. И эту жесткость все приняли как справедливость.

А еще немного спустя, на митинге, посвященном завершению «Года просвещения», Фидель объявил, что в благодарность за ликвидацию неграмотности на Кубе революция берет на полное государственное обеспечение алфабетизаторов, которые будут учить.

Ученикам специальных школ, государственным стипендиатам, оставят их форму алфабетизаторов. С одним только изменением: на пилотках и на рукавах гимнастерок появятся оранжевые кант: Мануэля Аскунисе повесили на флагштоки — это дерево цветет алыми цветами с каким-то солнечным оттенком.

Накануне парада бригадистов в Гаване в холле нашего отеля свали на полу, вновь вспыхнула, как солдаты на биваке, бригадисты, только что добравшиеся из Орьенте. Большие лампы стояли у них в головах.

Набережная в Гаване.

Сейчас лампа с синим абажуром стала символом «Года просвещения», символом света, который привнесла революция; можно кувыкнуть значок с изображением такой лампы. В начале «Года просвещения» их выдавали каждому бригадисту вместе с высокими ботинками и формой: учить неграмотных приходилось в дальних деревнях, где сроду не было электрического света.

На парад в честь завершения «Года просвещения» бригадисты пришли с полной походной выкладкой: с лампами, с кружкой, пристегнутой к правому воротнику, в ожерельях из семян СантаМарии или СантаХуана (в разных местах Кубы этот кустарник называют по-разному).

Город был битком набит ребятами в защитных брюках и серых гимнастерках с оранжевыми полосками на рукавах. Тех, на кого не хватило отелей, с удовольствием расхватали по дому гаванцы. В городе только они и говорили: «Мне досталось место бригадистом, а вам?»

Анкующими толпами бригадисты сновали по городу и устраивали такой шум, как будто город принадлежал только им. Придумали интересную штуку: при большом скоплении народа скреплять руку за руку и течь, как ручеек. Дело первое: один человек может вытянуть всех из любой толпы.

Я видела, как к цепочке девочек, мчавшихся не весть куда, сунулась было женщина в белом халате, член евангелического общества, постно забормотала что-то, сунула книжечку за вдадда сантаво. Те вытаращили на нее глаза, как на призрак, и помчались дальше. Какая-то сеньора сказала «белому халату» не то с осуждением, не то с завистью:

— Что им бог! Что им отец и мать! Им сейчас только Фидель и «Патрия о муэрте»!

* * *

Меня предупредили: если хочешь занять на площади место получше, встань пораньше. Было еще темно, когда я проснулась от шарканья ног за окнами. Народ уже шел к площади, а кто не шел, выходил на порог — проводить. В маленьких кофейных лавочках уже светились по этому случаю желтые огоньки. Люди подходили в темноте к площади и садились прямо на землю. Посеменивались и поеживались. Было, слава богу, еще прохладно, или, с кубинской точки зрения, еще холодно.

Потом взошло солнце. Потом приехали Фидель и правительство. Был поднят флаг «Куба — территория, свободная от неграмотности!». И начался парад бригадистов. Они шли, как победившая армия, ждущая следующего приказа, — армия, обстрелянная не только в переносном смысле слова. Скандировали: «Фидель, мы выполним то, что обещали тебе! Скажи, что мы должны сделать еще!» А он сказал: «Учитесь!» Тогда я впервые и услышала слово «еквадос» — «государственные стипендиаты».

Фидель сказал, что Кубе нужны инженеры, учителя, инструкторы по искусству... Когда он спросил, кто хочет учить русский язык, вся площадь запрыгала от радости. Я тоже прыгала.

* * *

Бесной шестьдесят второго начали приезжать из СССР учителя русского языка. Школу, в которой они должны были обучать вежадос, называли именем Максима Горького. Учителей расселили там же, где будущих учеников: на Кинта Авенида, в Марьянао. Марьянао — это район с лакированной открыткой: прибрежная полоса, хорошеные особнячки, принадлежавшие состоятельным людям, удрашившим от революции.

Девочки, мои будущие подруги, приехали однажды из первых, когда Кинта Авенюда была еще совсем пуста, только на стенах домов, у входа, имена их бывших владельцев: такой-то архитектор, такой-то дантист; просто такой-то, то есть просто богатый человек.

К осени в начале Кинта Авенюда поставили дощечку на палочке для шоферов: «Осторожно, зона вакадос!» (Навивая попытка обуздать самозабвеннего автомобилиста, который живет в каждом кубинце и правила движения обычно не разбирает.) Тут же, на развалине, начали перестранывать дом—бывшее здание собачьих бегов. Говорят, здесь был такой же тотализатор, как на инподроме. Я не успела посмотреть. Как раз тогда, когда появилась эта дощечка, скачущий собачек с фасада сняли, и получился очень неплохой стадион для вакадос. Во времена праздников ребят с оранжевыми полосками сажали на трибуны рядом с Фиделем. Они становились очень значительными людьми в стране. Они и их учителя.

В Марыяна к русским учителям как-то заехал Фидель — познакомиться и поговорить. Между прочим, он спросил: «Что вы видели на Кубе?» Послушал, послушал и снова спросил: «А Сьерру-Маэстро вы видели?» И пригласил их на двадцать шестое июля в Сантьяго, а потом на Сьерру — пройти по местам боев революционной армии. Им выдали форму: брюки, гимнастерки, военные ботинки — все что надо. Честно говоря, форма-то девчушки и мне достались, но вот в горы я не попала: дела перевождения. Эх!

Мила Бузмоловой тоже всего этого не досталось, она приехала после. С ней мы сразу подружились. А потом я стала своим человеком в ее группе.

**

В маленькой аудитории бывшего католического колледжа я села за стол с пионером. И сразу же миг как гостья угостила свежим воздухом — направляем вентилятор. Вентилятором командовал Хуанито. Когда он его «гасил», сразу же делалось невозможно жить, и я тянула руки к ветерку, как дома зимой к печке.

На доске Мила написала: «Человек рождается для счастья, как птица для полета».

— Образуйте сложноподчиненные предложения. Первый же пример, который кто-то из ребят дал с ходу, был такой: «Человек рождается для счастья, а империалисты делают все, чтобы он не был счастлив».

— Нет, — сказала Мила, — сложносочиненные мы проходили вчера, а сегодня у нас сложноподчиненные предложения.

Хуан с вентилятором:

— Ваша подруга Люся приехала к нам, чтобы объяснить сложноподчиненные предложения по-испански.

Все хотят, смотрят на меня. Ну, это уж дураки! Какой же учитель потерпит постороннее вмешательство! И все-таки пришлось тут же принять на помощь мальчикине, прозванному Маленьким Рафаэлем с большой головой. Он дал пример: «Если нарушатся права мужчины, разрушится мир». С точки зрения грамматики тут все в порядке, но он путает «человека» и «мужчину», по-испански это звучит одинаково. Пришлось ему шепотом подкинуть пример: «Эксплуатация человека человеком» — ведь не только о мужчине идет речь.

Последним на этом уроке был вопрос Милы по поводу отрывка из «Матери» Горького:

- Для чего Павел Власов читал книги?
- Чтобы знать, как живут люди...
- Искал формы борьбы...
- По-моему, об этом раньше не думали!

Мила:

— Не думали о борьбе? Какой это год? Когда родился Маркс? Когда родился Ленин? Серхио:

— Я думаю, Маркса тогда знали и другие люди. Павел Власов хотел знать больше, чтобы помочь товарищам. Он хотел знать, как он должен работать.

Мила обрадовалась правильному ответу и обронила неосторожное:

— А Чернышевского, Герцена вы знаете?..

Кто-то полез в русско-испанский словарь и сказал, что Чернышевского и Герцена там нет...

...Вот такой был урок грамматики. На других Мильинских уроках повторялось более или менее то же самое. Для грамматических примеров берут то, что под рукой; у них под рукой всегда оказывались политические, или так называемые мирные проблемы. Для них они были не «мирзовыми» проблемами, а просто конкретными вещами, которые можно потрогать руками, покрутить и так и си, а если нужно, то повернуть куда следует. Для того и совершаются революции — так они считали.

— Ну что, плохая я учительница, да? — часто спрашивала меня Мила.

Что было сказать? Аично мне ее уроки нравились, а русский язык они у нее все-таки учили.

Мало того, и ученики и учительница были просто влюблены друг в друга. Почему, например, Мила не стригла волос, хотя умирала от жары? Потому что ее «детям» нравится, когда она с золотыми волосами по плечам. «Наша красивая девушка!» — умолялись они.

— Люся, я красивая?

**

Теперь мы вместе с Милой ходим в общежитие к ребятам, здесь оно называется «альберге». По дороге Мила рвет розовый олеандер, лиловый вьюн, еще какие-то цветы, которые затопают ограды садов.

Цветов здесь пропасть. Наши кубинские знакомые часто дарили нам корзинки цветов: к праздникам, в день рождения или просто так, чтобы напомнить о себе. С цветами связан один прекрасный обычай — День матерей. В этот день к груди приказывают красные цветы — в знак уважения или, я бы сказала, поклонения живой матери, а белые — в память умершей.

У Милы было совсем другое — просто русская привычка, всегда связанный для меня с маленьенькими городами и деревнями: сорвать зеленую ветку — не к случаю, не по поводу и не для украшения, а просто на дорожку.

Мы приходим в альбергу. И начинается... Начинается это вечное проклятие [или счастье!] учителя: если ты знаешь о сложноподчиненных предложениях, то ты должен знать все. Если ты нас учишь русскому языку, — значит, ты должен объяснять нам все и о мировой революции. Сказать «не знаю» как-то невозможно. Здесь этому просто никто не поверил бы. На вопросы, связанные с революцией, «советник» должны были уметь ответить или, по крайней

мере, объяснить, почему не знаешь. (Поди объясни!) А что в конце концов не связано с революцией?

Из нас вытрясали душу. Идя домой, мы еле передвигали ноги, с удовольствием молчали, вертели в руках веточки: уловив Миакино пристрастие, ребята тоже стали дарить нам цветы — на обратную дорогу.

**

Три человека в группе сначала занимали нас с Миакой: Рауль, Хулио и Серхио. С Раулем и Хулио Миака уже дружила, а Серхио до сих пор был как-то в стороне. Я запомнила его еще по уроку грамматики: очень наполненный, даже переполненный чем-то. Он, я думаю, был не рабок, а застенчив: стеснялся, что плохо говорит по-русски. Миака поучила его мне.

Он приехал в Гавану с заявлением: «Я хочу учить русский язык!» — когда свободных мест в школе имени Горького уже не было. «А я все равно хочу учить русский язык», — наставлял он с фанатизмом крестьянина, привыкшего, что счастье не дается само, что его надо гнуть в другу. Его зачинали. Но ему пришлось встать перед другой проблемой: он был не способен к языку. Вот тогда-то он и начал его учить.

Я ждала случая, чтобы поговорить с Серхио. Но сначала у меня состоялся разговор с другим учеником Миаки — Рафаэлем Большшим, который помог мне понять кое-что и в Серхио.

— Я хочу работать в офисные¹, — заявил Рафаэль, — я буду вести бумаги, у меня всегда все будет в порядке; я и стенографию знаю и математику... — И все это с горящими глазами, с восторгом...

Я оглянулась на остальных, ожидая смеха, может быть, даже насмешки. Нет, только Хулио дернулся воном, остальные серьезно закивали. Да...

...В министерстве сельского хозяйства, где я работала тогда, я знала старых кантонериков; как правило, это были мужчины. Интеллигентные люди, великолепные работники... Мне нравилось их уважение к своему труду, даже известная профессиональная гордость. Но всегда казалось, что сквозь эту гордость просвечивает что-то... Усталость?.. Или, может быть, горечь, заключенная в слове «выбились», которое невольно приходило на ум при виде их? Многие знакомые мне гаванские семьи среднего достатка считали работу кантонера пределом мечтаний — пять лет назад это был предел возможностей, программ максимум маленького человека без высшего образования в большом городе. Но они-то, эти-то парни! Не для того же революция, отказывая себе во всем, послала их учиться, чтобы они стали кантонерами! Революция не может позволить им быть маленькими людьми, черт возьми!

...Я думала, что я их убедила. Произошел даже конфуз: в группе было три Рафаэля, и мне пришлось объясняться еще с двумя: как я могла подумать, что они хотят в кантонер!

Да, а Серхио я тогда все-таки дождалась. Мы пошли с ним в сад. Там я увидела удивительную штуку. Утром он посадил несколько черенков бананов, а к вечеру из зеленой трубочки вылезло нечто похожее на внутренний стебель. Мне стало даже страшновато, точно я увидела чудо. Я почти услышала, как дышит земля, словно ее подогревал какой-то огонь.

¹ Кантонера. Это американский, от слова «офис».

Серхио — государственные стипендиаты.

Серхио обрадовался моему удивлению, повел показать еще какие-то чудеса в саду, то есть, собственно, в огороде, — все было его рук дело. «Он хочет быть администратором границы²», — сказали мне ребята с уважением к такой определенности цели.

Принесли карту Кубы, стали показывать, кто где живет. Серхио родился в деревне на границе двух провинций — Камагуэя и Орьенте. «Там была подпись на первая конституция Кубы», — сказал он.

Ну я же там была!

...В один из поездов по Камагуэю с моями специалистами сельского хозяйства мы случайно заехали в эту границу. Я помню кантонеру, стол-бюро времена колонии, за которым и была подписана первая конституция. Два старых испанских ружья и кубинский флаг висели над ним.

² Государственное сельскохозяйственное предприятие типа нашего союза.

Напротив конторы стоял дом, его вам тоже показали как историческую реликвию. До революции здесь жила хромая одноколка сеньора, хозяйка окрестных земель. Меня поразил аскетизм, неожиданный в кубинске, тем более богатой. Поднялись на башню, которой завершался дом; отсюда далеко были видны холмы, пальмы, поля... «Она здесь сваля», — сообщили нам. Ну, да, здесь проходиле, догадались мы. «Нет, не потому, здесь раньше висел колокол, ей нравилось самой звонить, собираять на работу батраков». (В том числе, между прочим, и отца Серхио.)

На стенах висели медали и премии, полученные за скот, выведенного здесь, испанские изразцы с осликами и матадорами... Отсюда хотелось поскорее уйти. Вот Серхио и раскрылся. Легко связывались в одно и это дом с колоколом и балаган в саду, где фикс читать политэкономию, желание стать администратором гранхи... Серхио не нужно было делать усилия, чтобы «связать» свои желания с требованиями революции. Что ж, ему было проще, чем Рафаэлю Большому.

Я зачастила в Марыяна: то к Милкиным ребятам в группу, то к Миаке в дом. Кроме нее, там жили еще семь девочек — учительниц русского языка той же школы имени Горького. С ними было хорошо, как дома. Иногда там даже варили щи.

Однажды вечером мы с девчатаами читали письма из Москвы. Дома не было двух из восемерки: Женька и Настя уже целый день пропадали в Гаване.

Наконец они вернулись, довольные, в сопровождении высокого парня в зеленом.

Оказывается, ходили вместе по набережной. Постояли, посмотрели, как продают рыбу — прямо с лодок. Потом кто-то пригласил их выпить кофе — «просто так, за красоту, понимаете!». Выпили. Потом где-то рядом услышали выстрелы; пошли посмотреть, кто в кого стреляет. Ничего не узнали, зато вокруг них тут же начали кружить две полицейские машины и провожали их, пока девушки не удалились от опасного места. Тут-то и появился Филипп, оченя серьезный, и отвел их домой.

— Переведите им, пожалуйста, — сказал он мне. — А то я им всю дорогу объясняю, но они не понимают по-испански... Переведите: не надо гулять под обстрелом, они могут убить.

Я перевела. Всем стало смешно. Только что мы прочитали в одном из писем: «Так и вижу: идет моя кроха по Кубе, а кругом рвутся снаряды!»

Девочки приехали на Кубу совсем недавно, привезли, ожидая увидеть суровое и страшное, готовые принять и вынести все. И первое, что они увидели суровыми глазами (так же, как и я когда-то), были пуллеметы, траншеи, плакаты, мянанско. Это было первое очеломление. Океан, который лежал рядом, в первые дни казался неглавным, как будто у них была открыт только одна глаза.

Потом вдруг они почувствовали, что живут в тропиках, что воздух пахнет пряником, что мощное дерево, гордо прикрывающее второй этаж их дома, — это ини смешно, — фикус. Открыли для себя старую Гавану, где в узких прохладных улицах, в резных балконах и фонарях жила старая, каменная Испания.

Никто из ста приехавших на Кубу учителей не знал испанского языка. Они говорили, что это даже

помогает им заниматься с учениками: те были вынуждены с первого же урока объясняться по-русски — хочешь не хочешь, хоть как-нибудь!

Потом все учителя поступили в Академию имени Джона Рида, где обучают языкам.

Но на первых порах, отойдя на шаг от дома, им ничего не стоило потеряться, запутавшись в непривычной планировке города: улицы, идущие перпендикулярно к океану, носят вместо имен порядковый номер: улицы, параллельные океану, называются по алфавиту: А, Б, В и так далее... Домой девушек то и дело провожали кубинцы. По дороге провожатые выясняли принципиальные вопросы: «Что вы скажете о Фиделем?», «Вам нравится Куба?», «Такой революции еще никогда на свете не было, правда?» У порога они признавались в любви, обменивались, когда их поднимали на смех, говорили комплименты и в конце концов сами начинали смеяться.

...А на обед вы едите жареные бананы, и подает их Каандидо, мулатка, темно-коричневая, в голубой юбке, с сергами до плеч...

Открылся второй глаз, зато почти совсем закрылся первый. Тот момент, когда две эти Кубы — сурово-революционная и сказочно-экзотическая — совмещаются и дают более близкий к истине образ, то есть тот момент, когда девчата научнут просто жить на Кубе и вместе с Кубой, был для них тогда еще впереди. А пока они жили в нескорушимой беспечности: здесь, под этим небом, рядом с таким морем, ничего не может случиться.

В рождественские дни у въезда в какой-нибудь городок я видела посеребренные фикусы, альменды, сосны в цветных лампочках. Это было здорово. Но не было главного — зимы!

Мы — я и девочки из Милкиного дома — то и дело бегали через улицу «Пло Аиндоз», тянула лимонад, или мороженое, потом пили кофе, чтобы окончательно «заткнуть жажду», как здесь говорят. В лице нам глядел плакат «С социалистическим рождеством!». И все нас поздравляли.

— Мы знаем, что вы не верите в бога, но это же социалистическое рождество!

Нам было неволово. Мы спотыкались на этих словах. Два рядом они у нас как-то не выговаривались. Но мы понимали: подчеркивают больше слово «социалистическое», чем «рождество».

Беда была с Женькой.

— А почему оно социалистическое? — спрашивала она, взбирайсь на высокий табурет и стреляя глазами в продавца.

Потом мы ее пилили, а она, вахалка, отвечала:

— Я человек нелогичный, но и у меня есть своя логика. Если оно «социалистическое», то при чем здесь «рождество»? А если «рождество», то почему оно «социалистическое»?

В одно жаркое декабрьское утро на рождественской неделе приехал знакомый фургон из прачечной «Императрица». Два весельчака, владельцы прачечной, привезли свежее белье.

— С социалистическим рождеством!

— И вас также, спасибо! — ответили мы и показали кулач Женьке.

Мы пригласили гостей выпить вина. Женька хлебнула из бокала, засмеялась и сказала:

— А все-таки, почему оно социалистическое?

Один из них вскочил, как будто только и дождался ее вопроса.

— У вас есть радиола? Умеете танцевать пачангу? Я вас приглашаю!

Еще бы мы не знали пачангу! Мы ее тут же все спланировали.

— Вот! — сказал он, как будто дал нам исчерпывающий ответ.— В несоциалистическое рождество девушки, живущие в Марьинао, никогда бы не посадили меня за стол, а уж пригласить их танцевать я и сам бы не решился!

Наконец-то Женя, кажется, проявила.

Как-то я не была у девочек довольно долго; за это время Филипп привел в дом еще двух своих друзей: Антонио и Симона. Теперь их стало трое — «три мушкетера»!

Они, эти «три мушкетера», всегда были удивительно собранные. Точно пистолет со взведенным курком. Они раньше бывали в Марьинао часто, но наездом, ненадолго, так же, как и я.

На улице стоял «джип», ждал их. Звонил телефон. Кто-нибудь из них, опередив хозяинов, уже говорил что-то по трубке. Просто удивительно, что кубинцы могли разговаривать так тихо и не размахивать руками. Потом они уезжали.

Жизнь их закрутилась, как тугая пружина, там, за дверью нашего дома. Когда на миг она отпускала, они появлялись у нас, смотрели наездничими глазами, как бы стараясь поверить в то, что есть на свете спирты, споры о воспитании, дни рождения, письма из Москвы...

Мы догадывались кое о чём, но паверняка знали о них только сколько всем лет. Филиппу — двадцать пять. Антонио — двадцать два. Симону — семнадцать.

Филипп умел молчать в ответ даже на прямые вопросы. Антонио начинал нести такую околосцену за сотни верст от сути дела, такое очевидное вранье, что все хохотали и засыпали, о чём спрашивали. Симон все внимательно выслушивал и ни с того ни с сего мягко начинал светский разговор: «Вам правится Куба?»

На посту.

и не могу без вас, потому что вы мой университет. Мне будет очень тяжело, когда вы уедете.

И тот же Рауль со спокойной совестью, когда мы засиживались в альберге, что называется, выправливали нас:

— Мила, сколько времени? Нам пора учить уроки! Ребята не возражали, хотя смотрели жадно. С его мнением считались. Это был характер. «Единственная личность в классе» — так считала Милка.

Худо лежит животом на каменном полу — так прохладнее — с «Геометрией» в руках. Милка делает мне знаки, как будто боится спугнуть бабочку.

— Он сдает экзамен по математике!

Этот — тоже личность. Неуравновешенная, правда [четырнадцать лет!]. Они без конца ссорятся с Милкой — больше всего из-за того, что он не хочет учить математику.

— Я запретила ему на время экзаменов учить русский, разве только по часу в день. «Нет», — говорит, — только русский! Ох, горе мое!

Это было направление дело — заставить Худо не учить русский. По математике у него была твердая двойка, он просто органически не выносил геометрию и алгебру. Милка решала с ним задачи, сама забывала обо всем, погружаясь в чертежи и цифры, а у него с лица не сходило противоречивое выражение — преданности Милке и отвращения к тому, чем она старалась его заинтересовать.

Однажды он мне дал прочесть зарисовку «Дождь Гадаме». Хорошо, по-моему, написано. Но как хотите, сомнения на русском у него получались лучше. Это было такое поглощение чем-то одним, что мы всегда думали: уж не талант ли это?

Однажды он написал письмо Милкыным родителям (нет сейчас я предам всех сразу...). Письмо это мы с Милкой не отправили. Худо, извини, пожалуйста. Не отправили, потому что Милка скрывала

В школе Рауль недавно показывал карточку то-нельской-протонечской девочки. Это Дульсе, она учиться в педагогическом институте имени Макаренко. Почему-то всегда получается, что, когда в школе имени Горького дают усльянительную, у Макаренко нет, и наоборот. У обоих по горло работают в «Молодых коммунистах», оба люди долга... Ребята посмеиваются над Раулем по постоянству, но у него при этом даже выражение лица не меняется. Как-то он сказал Милке:

— Я не могу без Дульсе, потому что я ее люблю,

от матери, что курит. (Вот теперь прости, Милка!) Когда в Москве мать Милы допрашивала меня о нашем кубинском житье-бытье, я не моргнув глазом обманула ее. Мария Дмитриевна, казните меня! Зато посмотрите, как написано:

«Дорогие незнакомые друзья!
Здравствуйте!

Привет от учеников вашей дочери!

Мы хотим вам сообщить, что у вас в семье есть умная девушка, но хитрая она.

Она обманывает вас, мы думаем, потому, что здесь каждый день она курит без нашего разрешения; мы думаем, что это для молодого человека плохо.

Мы очень не хотим, чтобы она заболела и плохо себя чувствовала.

Мы думаем, что наше правительство тоже не хочет, чтобы на Кубе сильно заболела советская женщина.

Нам не нравится это, и поэтому решили писать вам о том, что делает на Кубе ваша любимая и умная дочь Милочка Бузылева.

До свидания!

С большим приветом. Наш класс русского языка.

Как-то в домике в Марьино во время очередного визита «мушкетеров» девочки затаскали меня на кухню и зашептали на ухо: «Хочешь знать, кто они такие? Посмотри вон на того, нового парня, они его сегодня привели; на кого он похож, по-твоему, ну, на кого?»

Я посмотрела: узкое лицо, бородка клинышком. Под Фидеал?.. Нет, под Дзержинского! Женя учил его танцевать вальс, а получилась пачанка.

Я так и знала! Теперь многое стало ясным. Например, разговор между Филиппом и Антонио, услышанный случайно мною в рождественскую ночь:

— Пора ехать!

— Подожди, у них так давно не было праздника... Рождественский тост Антонио:

— Кто-то сейчас пьет за нашу гибель; выпьем за то, чтобы погибли они!

Мы перестали приставать к ним с расспросами об их делах. Теперь они были нашими солдатами, которые каждый день уходили на фронт, а наше дело было верить и ждать.

Милка задала сочинение «Четыре года революции в твоей жизни». Рауль написал, как всегда, логично и конкретно. Худю тоже, как всегда,— глубоко и очень по-своему. А Серхио написал о своих поражениях. Оно заканчивалось так:

...Я знаю, что я не буду преподавателем русского языка. Я не виноват, но я не могу быть учителем, если я ничего не знаю о литературе. А я не хочу быть полониной учителя. Но поэтому я не перестану учиться. Для родины нужны тоже химик, физик, экономист, а учителем русского языка я не буду... Когда я уеду из школы Горького, я уеду разгромленным, но никогда униженным и никогда не забуду того, что выучил здесь.

Если сейчас я не могу, потому что моя культура меньше, чем у других товарищей, то когда я кончу учить политэкономию, я буду споза учить русский язык.

Родина или смерть?

Мы победим!

Личность? По-моему, личность. Правда, у него нет ни уверенности Рауля, ни дара выражать себя, как у Худю. Но это шестнадцатилетний человек, который не только ищет себя, но и яростно пробирается к самому себе. Его можно «разгромить» один раз, другой, и все-таки он будет тем, кем захочет.

Серхио стал моей слабостью; Милкиной слабостью был Худю. Ее привлекала романтика, сложность Худю, а меня — мужественность Серхио. А Рауль... Рауль не нужен было быть ничьей слабостью. Наш постоянный оппонент и единомышленник — этот был нашей силой. С ним мы были на равных.

Интересные были в них отношения с Милой. Два характера взаимно воспитывали друг друга, взаимно влияли друг на друга, если понимать влияние не как уподобление самому себе, а как желание помочь другому стать самим собой.

Дела шли на лад, отсталая группа выходила в люди. Ребята ходили за Милкой, как привязанные. Единственный человеком, не принимавшим участия в этом самозабвенном детском культе, был Рауль. На него меньше всего действовало обаяние, его можно было только убедить.

Однажды Хуанито чем-то обрадовал Милку. Рауль тоже заметил его успех.

— Знаете, Хуан стал лучше учиться. Когда он пришел в группу, он слова по-русски не мог сказать. Это ваша педагогическая удача. Но вы тоже не во всем бываете правы.

Он напомкал у одного мальчика из группы, с которым Милка вначале возилась больше, чем с другими: с ним было интереснее, он знал больше всех.

— Почему же ты не сказал мне об этом тогда?

— Потому, что тогда я еще не был вашим другом, а только вашим учеником.

Милке от него доставалось. Только успела отругать двух ребят в классе за неприготовленные уроки, на перемене — Рауля:

— Вы их поставили на одну доску, это беспредметно. Это же разные люди: один — и член «Молодых коммунистов» и учится хорошо, а этот думает только о себе.

Он свирепо желал довести Милку до своего идеала учителя.

— Вы умываетесь, шутите на уроке, этого не должно быть!

Она его проучила — четыре дня без улыбки. Группа ходила как в воду опущенная, не зная, чему приписать неожиданную сухость своего идола. На пятый день Милка подарила им улыбку. Все почувствовали себя на седьмом небе. Рауль тоже расплылся: «Мила веселая!» То-то!

С легкой руки Рауля вся группа стала бороться с Милкиной слабостью. На экзаменах кто-то из ребят совершиенно справедливо получил «три», а потом выплясал у Милы передэкзаменовку. По этому поводу у Рауля с Милой состоялось объяснение.

— Зачем вы это сделали? Интересно, во имя чего и почему, мы не понимаем, объясниште!

В этих вопросах весь Рауль. Остальные ребята сразу стали Милку обожать. А он стал ее высмеивать обо всем, что она могла знать. Ему казалось: школьный учитель в маленьком местечке, каким он себя представлял в будущем, должен быть еще и по-

лнработником, комиссаром, как он говорил. Для этого надо много знать. А добиваться знаний — это он в свои восемнадцать лет умел.

Я думала: чем она их всех брет? Ведь Мишка, если говорить строго, тогда не была уж таким блестящим педагогом, не говори о том, что она только начинала. (Она приехала на Кубу сразу после окончания Московского педагогического института.)

Я думала: она была для них открытием. Как и они для нее. Присходило взаимное уважение, которое все больше сближало их, а то, что различало, только доказывало, подчеркивало, укрепляло общее. Как в любви...

Однажды Мишка приехала ко мне в отель ночью.

— Выслушай меня, пожалуйста. Ох, я такая дура, какой мне сегодня дали урок! Ко мне только что приехал Симон, весь забинтованный, говорит: «Ловили контрреволюционную банду, перестрелка, убил двоих...» Сначала был возбужден, потом весь как-то снялся. И вот, ты знаешь, я очень некстати ляпнула: «Тебе плохо, потому что ты убил людей?»

Он так и побелел: «Это неправда, никогда не убивал людей, запомни это! Это не люди! Посмотри завтра в газетах: пришли трое ночью в дом, где жил председатель Комитета защиты революции, его не было, только жена и трое детей. Она открыла... И—из автомата всех! Это у них такая подья манера — убивать не самого революционера, а именно семью. Надеются нас запугать, идиоты! У них отобрали американские автоматы, рядом, в горах, были зарыты парашюты... Это тоже война, Миша! Напих тоже убивают каждый день. Потом этого уже не чувствуешь, что убиваешь человека... Только одни раз на Плайя-Хирон, когда я убил американца-парашютиста, я плакал. Мне было четырнадцать лет, я тогда мало что понимал. Я просто убил в первый раз человека — и все. А теперь я убиваю врагов. Вот тряпочка из его парашюта, сделай из нее платок».

Для практики в языке ребятам через день показывали советские картины.

Мы смотрели их здесь совсем иначе, чем дома. Смотрели... Нет, неверно было бы сказать, что, например, «Ленин в Октябре» мы смотрели. Мы вновь переживали вместе с ребятами, видели их глазами нашу революцию. Каждая картина открывала что-то новое в нем: им — в нас, нам — в них и, в конечном итоге, нас — в нас самих.

Тут не имело значения качество картин. Художественные достоинства, естественно, давали свои плоды, но чаще всего зрители не отдавали себе в этом отчета. Просто было не до того: так оглушало совсем другое.

Вечером на улице.

«Неоконченная повесть», например, поразила их любовью к профессии, к труду вообще. После данного разговора о картине Хуавинто сказал: «Хорошо, если врач будет любить своих больных, строитель — свои дома, учитель — своих учеников. Это и будет социализм, правда?»

Совсем потрясли любовные отношения между георгиями. «У вас очень чистая любовь», — сказали мне мальчики.

«Иван» вызвал кучу вопросов: «Как дочь доверяет отцу! А он — ей! Позволяет гулять с плохим человеком, а он же знал, что тот — вор!», «Как случилось, что потом его приняли в комсомол?»

Все это было то, что всего труднее укладывается в их головах, очень туго понимается даже взрослыми. К экономической силе СССР они быстро привыкли, и, как привыкают, скажем, к достатку в доме: перестаешь замечать, принимаешь как должное, естественное. К тому, что мы называем моральными вопросами, видимо, привыкнуть труднее.

Мишка завела обычай: путь в кино и из кино отдавать кому-нибудь одному из его личных дела. Когда дошла очередь до Раулы, он потребовал:

— Вы должны поехать в Мансанилья, мой город. Гусанос распространяют всякий вздор про советских, а ведь есть люди, которые никогда в глаза не видели советского человека. Я им объясняю, что вот, мол, у вас учительница, молодая, умная, хорошо одетая, красивая, добряя... Это, говорят, пропаганда. Даже мама не верит... Они там не знают русского характера. Вы должны там появиться хотя бы на один день. Ничего, что вы не говорите по-испански, нужно только, чтобы видели, как вы ходите, как говорите...

Хулио, как всегда, посмотрел в корень.

— Когда мы с вами идем вместе, вы как моя подруга. Мужчины вам скажут, чтобы вы обернулись, это потому, что вы молодая и красивая, и они хотят посмотреть на вас — здесь такой обычай... Они дураки, не обижайтесь! Ведь никто из них не может себе представить, что вы такая молодая и уже столько знаете!

Удалось ли Милке съездить в Мансиань, не знаю, но мне бы этого очень хотелось.

*

— Когда же будут три свадьбы? — спрашивала меня Кандида.— Ах, Люсия, что ты говоришь, зачем же тогда люди целый год ездят в дом? Разговаривать о политике? Ты не знаешь кубанос!

Она намекала на Настю и Антонию, Женевьи и Филиппа, Милю и Симона.

Кандида была права. Но она ошибалась.

Однажды вместе с ребятами из «Молодых коммунистов» мы копали бонято¹ в одном кооперативе. Я работала вместе с Настей. Вдруг она ни с того ни с сего сказала:

— А знаешь, у нас на севере есть деревня с извилиной Русь. Правда! Там все березы, березы...

Мы разогнулись, и я поспомнила на поле, на коричневые клубни, на пластики наших девочек... И у меня защемило сердце от любви к ним.

Я восхищалась кубинскими женщиными. Тем, как умеют они носить зеленые брюки или самую застриженную трикошку — свободно и уверенно, — точно зная: как бы они ни выглядели, все равно они красавицы. Только потому, что они женщины. Девочки из нашего дома быстро ухватили этот секрет. Но вот они начали работать, и теперь уже невозможно было их спутать ни с кем. Это была Россия.

Настя, она из песни Новеллы Матвеевой: «Есть узор на коре, есть узор на ковре, есть он у дальних гор, и у меня — узор...» Настя — это узор на коре, на северной коре. Я видела ее карточку в коконике. Когда ей скажешь, что она красавица, она почему-то делается грустной. Никогда не имеет значения, во что она одета, всегда видны глаза.

А еще есть Любка. Я никогда не была на Дону, но она всегда казалась мне зажающей. Потом она сама сказала, что домашка. У Любки есть повадка (или выходка?). Она и на каблуках идет так, как входят в круг. И в песнях тоже. И в том, как у нее повязан сейчас платок. Другие девочки просто позяблены, а она «покрыта». Никакие кубинские юбочки и каблучки не могут ее изменить. Она веселая, то есть заводная. Ее зовут везде и всюду, но у нее, единственной в доме, никогда не было поликлиники-кубинки.

А вообще в доме в Марьяново можно было найти почти все оттенки русского женского характера. Душевность. Милки, способность всю себя перелить в другого человека. Твердая рука и энергия Жени, иногда утешающие других, а чаще всего ее самое. Злая на язык и добрая на дело Галка...

Мне кажется, ни в чём так не живёт эта русская черта — все принимать близко к сердцу, — как в русской женщине. Это уверенность в своей внутренней силе, которая может все взять на себя, вынести и чужие горести, как свои, и все же не отступиться от своего. По этому внутреннему узору, которого нет ни у одной другой женщины на свете, всегда угадаешь русскую.

1 Сладкий картофель.

Вот тогда-то, когда Настя сказала про Русь, я поняла, что о свадьбах не может быть и речи, что у этой любви впереди разлука. Ребята и сами это понимали. Они тоже были из тех, которые не отступятся.

*

Задав сочинение на тему «Что ты думаешь о русском характере?», Милка сама выпустила джинна из бутылки. Следом за рассказом Алексея Толстого они прочли «Снег» Паустовского. Рассказ, один из лучших по паустовской чистоте и ясности языка, оказался для них нетрудным. Не поняли только слова «роща». Тогда Милка принесла им репродукцию левитановской «Рощи». В результате этого сочинения мы стали предметом очень внимательного психологического анализа, иногда довольно тонкого.

«Сделать сравнение любви со снегом мог только Константин Паустовский, русский писатель...» — писал Хулио в одном из четырех вариантов своего изложения. Трудно сказать, согласился ли бы с ним Константин Паустовский, но Хулио именно так это понял. «Когда я читал книгу Остроносского «Как захвачлась стать», я чувствовал глубокое удивление, потому что никогда-никогда не видел такого подвига» (Реве). «Характер русского человека никогда не безразличен перед проблемами. Русский человек — это оптимист, быть пессимистом — самое плохое качество» (Хулио). «Русский характер очень трудно описать, потому что русским очень мало говорит о себе, потому трудно, очень трудно написать» (Серхио).

Как-то перед отъездом я пришла в альберге грустная. Эладио заметил: «Русские — странные люди, грустные и веселые одновременно». И пошли гадать: «Она грустная оттого, что уезжает, и веселая оттого, что скоро увидит своих...», «Нет, она веселая для того, чтобы не быть грустной...» Вдруг стали следить за тем, как мы поем. «Когда вы поете, вы... поете, а не разлазитесь...»

Не знаю, понятно это?

*

Смотрели «Балладу о солдате». Почти все ребята восприняли только сюжет. Философский подтекст, ради которого существует этот фильм, оказался им просто не под силу. Того чудесного взаимного открытия, которое было в «Ленине в Октябре», не произошло. Как только кончилась картина, Мила опрометью бросилась от ребят к «своим».

Ребята почувствовали, что ей обидно это невольное отчуждение, и захотели поправить дело.

— Мила, война — это плохо?

— Война — это не плохо и не хорошо. Есть жизнь, и есть смерть. И еще есть война. Это не жизнь и не смерть — это хуже.

Потом Милка с ними долго говорила.

Кто-то из них сказал:

— Двадцать миллионов погибших — это три Кубы...

*

В день рождения Антонию мы позвали всех «трех мушкетеров» в гости. А когда они переступали порог, звали его любимую пластилину «В жизни раз бывает восемнадцать лет». Антонию сразу сел у радио, а мы смеялись: «Брось, это неправда, честное слово, не раз бывает восемнадцать лет...» Ему исполнилось тогда двадцать три.

Милисаное.

Потом, когда все уселись в саду, девочки заговорили о своем. Первая сессия в школе была плохо продумана: экзамены сошлись по срокам, ребята измучились, получали плохие отметки. Кроме того, выяснилось, что некоторые из них просто не способны к языкам... Удобно ли нам самим поговорить об этом в министерстве?

И тут Антонио всех удивил.

— Подумаешь, устают, не могут есть и спать! А наши ребята могут не есть и не спать? Революция приказывает, и мы делаем то, что нужно. Революции нужны преподаватели русского языка, значит, они будут преподавателями русского языка!

— Ой, Антонио, ты не понимаешь, это же разные вещи,— пустыни мы ему объясняли.

— Пусты, так и надо! Им не разрешают ходить домой? Неважно, не имеет значения. Плохие отметки? Пусть учатся днем и ночью, чтобы были пятерки! Революция все отдает армии и вкладом. Армия выполняет свой долг, почему же они не хотят выполнить свой? Вы знаете, каких ребят мы только что похоронили! Из убитых никого в спину...

Он кричал, бегал, размахивал руками, я видела, что ему больно... Мне тоже было больно.

Три наших «мушкетера» были почти ровесниками учеников школы имени Горького, только чуть-чуть постарше. И это «чуть-чуть» отводило им совсем другую роль в революции. Они должны были умирать, чтобы эти могли учиться. Так было нужно Кубе.

Они их ждали — своих, революционных «спецов», людей, на которых можно было бы положиться во всех отношениях, без них немыслимо было начинать строить социализм. Во имя этого им отдали под студенческий городок лучший курортный пригород Гаваны, их поставили в условия, несравненно более

привилегированные, чем вся остальная Куба, уже год жившая на карточках.

Так было нужно... Не каждый и не сразу это поймет. Но ответить Антонию должны были не мы. Ему ответил Симон:

— Замолчи сейчас же! Ты повторяешь то, о чем болтает на улице всякая сволочь. Ты все смешала в одну кучу... При чем здесь наша кровь?

— Симон, отойди в сторонку! — Куда-то Женевки пошел гулять перед носом у Антонио. — Мне плевать на их пятерки! Я хочу, чтобы мои ребята делали то, что они могут делать лучше всего, то, к чему у них лежит душа. Только тогда из них можно будет воспитать настоящих революционеров, понимаешь?

Антонио:

— Вашей революции сколько лет? Сорок шесть? А нашей пять! Вы можете рассуждать о способностях и неспособностях, а нам некогда заниматься воспитанием!

Настал момент вступить Филиппу, старшему. Он заговорил тихо и так горько, что все сразу сели по местам:

— Вспомни, кому ты это говоришь! Выходит, они напрасно приехали на Кубу? Выходит, они здесь никому не нужны? Я прошу тебя извиниться перед ними.

— Извините, — сказал Антонио и ушел.

Получилось очень скверно. В день его рождения! Мы хотели пойти за ним, но Филипп остановил нас.

— Не надо, туда пошла Настя. Простите его, он у нас немного вояж...

Теперь, когда приезжал Симон, он сам просил Милу:

— Расскажи мне о своих ребятах, пожалуйста, ну, я тебя прошу; это то, что мы не знаем и что должны знать; пожалуйста, говори...

*

Милка радуется.

— У меня такие ребята! Я через них начинаю понимать Кубу! И теперь совсем иначе буду преподавать историю...

Накануне двадцат первого января она им объяснила, почему раньше мы отмечали день смерти Ленина, а теперь — день его рождения, о том две в Горках о пяти минутах молчания, о гудке. Они ей сказали: «Давайте мы завтра сделаем так же. Вы нам скажете, когда по московскому времени будет как раз та минута». Она им сказала, и они подкараулили ту минуту. Встали. И молчали пять минут.

— Алюся, если бы ты знала, какие у них были лица!

*

Раньше, бывало, придет Милка в альберге — из всех щелей вылезают обожающие морды и несут ей кулички: «Кушайте, Мила!» И Мила делит одну-две галеты на восемнадцать частей и дает каждому. Теперь человек, если у него есть что-нибудь вкусное, кладет пакетик на стол — для всех.

Вот! А то Милка все волновалась: «Есть у нас коллектива? Нет у нас коллектива?..»

*

Кто бы мог подумать, что Милкиной группе скоро придется конец! В школе имени Горького началась реорганизация: отбирали более сильных учеников, которые должны были стать учительями русского языка; в специальных группах они должны были слушать лекции по русской истории, литературе, географии. Других прочили в переводчики, кого-то должны были направить в школы с иным профилем или определить на подготовительные курсы в университет. Все это было здорово, но это означало, что нам нужно расставаться.

В день реорганизации в альберге моим глазам предстала картина всеобщей и полной деморализации. Все сидели и вспоминали самое страшное событие сегодняшнего утра, когда в дирекции им сообщили о расформировании и в завершении удара подвесили спорыш: «...и Мила у вас не остается. Как вы к этому отнесетесь?»

— Будем учиться, — сказала Рауль.

В другое время Милка пришла бы в восторг от такой логичности и трезвости, но в тот момент это ее обидело.

Распределение было хорошее, счастливое, правильное. Но никто из них не понял этого сразу. То есть Милка-то понимала, но ее состояние настолько противоречило ее словам, что выходило: надо было жалеть ее самое.

Жалко было одного: им приходилось расставаться именно тогда, когда они только что поняли, что необходимо друг другу. А вообще чувствовать себя несчастными при таком положении дел было свинством. Ну, что это: у Хуанито выражение лица совсем как у маленькой книжки из «Войны и мира»: «Ах, ну что вы со мной сделали!»

— В чем дело, Хуан, перестань, у вас будет другой хороший учитель!

— Нет, Алюся, все нужно будет начинать сначала!

— Как сначала, что?

— Все!

Мне кажется, теперь я поняла, что «все». Мила была их первой учительницей, а они были ее первыми учениками. Еще они оплакивали свою первую любовь.

*

Весь день накануне двадцати шестого июля Милка пишет пожелания на книжках, которые она будет дарить ребятам во прощание. Это не так-то просто. Как выяснилось на распределении, личностей оказалось полна группы.

Она пишет, а Рауль просит у меня совета, идти ему завтра на площадь Революции или учить грамматику: третьего числа у него переизменовка. Тут же стоит Хесус, который вызвался помочь ему. Хесус уже сказал свое: «Если Рауло нужно, я тоже останусь завтра дома». Справивается: в чём же дело?

Милка посмотрывает на нас. Ага, вот в чём дело. Она недовольна Раулем. Хесус готовил Рауля по физике, и тот получил «стот», а этот — всего «восемьдесят пять» (в кубинских школах в отличие от школы имени Горького стобалльная система), хотя всегда был отличником по этому предмету, — устал. Милке кажется, что Рауль этого не оценил. Я караулю, когда она подписывает ему книгу... Вот!

«Мне трудно писать тебе, какими ты должен быть. Ты уже есть, со своим, Раулемским отношением к жизни, к людям, к революции. Ты очень много мне дал. Наши разговоры и споры не забуду никогда. Помог утвердиться во многих вещах. Но одно я хочу тебе сказать. Ты любишь говорить: «Революция требует жертв». Это правильно, если требовать жертв от себя. Но революционер должен заботиться и оберегать от ненужных жертв других революционеров. Ведь революции нужны все бойцы, и она строит социализм во имя человека. Будь человеческим. Думать обо всех, быть со всеми — в этом смысле революции».

*

Москва. Вчера пришли два первых письма с Кубы. Одно от Симона, он спрашивал, как я доложила; на отдельном листочке были стихи. Другое письмо от девчак, о том, что немного спустя после моего отъезда Симон погиб.

На кладбище Колумба, в Гаване, среди тысячелавной беспядежности белых мраморных монументов стоит строгий бетонный пантеон. Сюда приносят павших солдат. Боечная труба высока, до неба тянет: «Прощай!.. Мы помним!..» Потом поют «Интернационал», и закрывается еще одна безымянная плита. Имя у всех одно: над барельефом с приспущенными знаменем написано: «Революционные вооруженные силы».

Антонио, Филипп и девочки постоили там за меня. Я попыталась перевести стихи Симона, которые он мне прислал. Вот что получилось:

Женщина мечтает о свете луны.
О маленьких детях, беспокойных, как вода.
А вода спит и видит бомбы и смерть.

Женщина надевает военную форму.
Все равно босоногично прекрасна.
Берет черное ружье
И идет по улице вверх, по улице вниз,
Кружит здесь, кружит там —
Ницет сердце врага.

Н. РУДИН

МУЗЕЙ Н. А. ЯРОШЕНКО

Н. А. Ярошенко. Автопортрет.

В последние дни перед Великой Октябрьской социалистической революцией В. И. Ленин, скрываясь от ищущих временного правительства, жил в квартире М. В. Фофановой. Имение, отходя вечером 24 октября 1917 года он отправился в Смольный, чтобы встать во главе вооруженного восстания петербургского пролетариата. Вспоминая эти бурные, тревожные дни, М. В. Фофanova рассказывала об одном интересном случае.

У нее на письменном столе лежала открытка-репродукция с картины художника Н. А. Ярошенко «Всюду жизнь». Она решила послать ее своим родителям, Владимир Ильич увидел открытку и сказал: «Вот замечательный художник, а какой тонкий психолог. Вам ведь знаете, он кадровый офицер (отец его тоже военный) служился до генеральского чина».

Она вынула из своего письменного стола еще открытки с репродукциями картин Ярошенко. Владимир Ильич сказал: «Прекрасно! Прекрасно! Когда будем хоронить, надо не забывать. Тому человеку надо отдать дань».

Этот завет Ильи выполнен.

На одной из тихих улиц Кисловодска среди ветвистых наклонившихся серебристых тополей и вечнозеленых елей за неизысканным глянцевитым забором укрылся опрятный, светлый домик. Некогда жил здесь замечательный русский живописец-демократ Николай Александрович Ярошенко. Теперь здесь мемориальный дом-музей художника. В доме все восстановлено так, как было прежде, при жизни хозяина.

Уютный дом Ярошенко в Кисловодске долгие годы служил одним из центров художественной культуры начальника края. Сам Николай Александрович был исключительно гостеприимным и радушным хозяином. Ярошенко посещали лучшие представители русской художественной мысли, передовые деятели науки, литературы, искусства. Частыми гостями у него бывали художники В. Максимов, А. Куниндин, М. Нестеров, Н. Касаткин, А. Васнецов, Н. Дубовской, артистка М. Савина, К. Станиславский, писатель В. Короленко, академик Д. Менделеев. Вместе с Мен-

делеевым Ярошенко путешествовал по Военно-Грузинской дороге. За роялем в гостиной часто можно было увидеть С. Рахманинова, А. Аренского, М. Ипполитова-Иванова, дирижера В. Сафонова. В этой же гостиной пели Ф. Шаляпин, Л. Собинов.

Художник М. Нестеров, часто находивший семью Ярошенко, вспоминает: «Каких жгучих вопросов не было затронуто и разрешено теоретически! И не только несмотря на строгий стиль хозяев, дышалось им легко, даже такой народ, как артисты, певцы, музыканты, раньше чем появляться перед большой аудиторией в «казенном гостинице» (пермитонских временах), спешили на балкон и Ярошенко, показать у них свое искусство».

...Небольшая лестница с белой балюстрадой ведет нас в дом, где открыта веранду. Ее стены расписаны Ярошенко в его промышленном стиле помпезной античной живописи. В трех комнатах дома экспонируются подлинные произведения художника. В двух— работы его друзей-современников.

Всего художником создано более четырехсот картин и свыше тысячи рисунков, многие из которых вошли в золотой фонд русского изобразительного искусства. Портрет «Всюду жизнь», «Занюченный», «Кочегар», экспонируемое в Третьяковской галерее, картины и литографии народов. В Кисловодском музее собраны свыше пятидесяти произведений художника, ранее находившихся в других хранилищах СССР и в частных коллекциях. Перед зрителями впервые предстают многие неизвестные творения, которые ранее хранились в частных коллекциях. Среди них — жанровые картины, пейзажи, портреты. Много графических рисунков. Значительная часть этих произведений является даром частных лиц — советских граждан.

Посетители музея подолгу остаются у картин «Вагоне», Молодую женщину с ребенком везут в санки. Задумчиво склонились маты над спящим младенцем. Сопровождающая экипажем нет на картине. Виды только торчащие из полки его сапоги. Но как выразительна эта деталь!

С подлинным живописным мастерством исполнен портрет талантливой русской драматической актрисы М. Г. Савиной. Художник писал портрет в своем саду, у бересклета дерева, которое сохранилось и поныне. Актриса изображена в голубом платье на фоне зеленой листвы.

Среди портретов хочется отметить также малоизвестную работу «Девочка с куклой». На полуоткрытой — приемная дочь художника Ярошенко. Трагично передано выражение детского личика, прекрасно выполнены нежные, еще не окрепшие ручонки.

Особый интерес вызывают графические работы художника, выполненные техникой сухой кисти по кафелю с предварительной грунтовкой. Это ряд великолепно, яконо исполненных портретов его друзей, и в том числе академика Д. Менделеева.

В музее хранится серия неуполномоченных рисунков Ярошенко, выполненных в технике сухой краски по кафелю с предварительной грунтовкой. Это ряд великолепно, яконо исполненных портретов его друзей, и в том числе академика Д. Менделеева.

В двух последних залах, где собраны работы современников и друзей Ярошенко, интересы женский портрет, работы И. Репина, автопортрет Н. А. Касаткина — одного из самых близких друзей Ярошенко, портрет В. С. Гаршина, работы Г. Мясоедова, эскизы М. Нестерова, портреты Н. Павлова, автопортрет Ф. Давыдова, пейзажи Л. Турицкого, А. Васнецова, А. Куниндина, небольшие чудесные картины Н. Дубовского.

Недалеко от дома-музея в сквере находится могила скончавшегося художника и его жены. На могиле памятник — скульптурный бюст, выполненный художником Позеном по эскизу М. Нестерова.

За полтора года существования музея в нем побывали десятки тысяч людей. Посетители оставляют трагательные записи. Все их трудно запомнить, но одну из них хочется привести: «Великий гражданин, человеческий человек. Большой художник. Выходя из музея, хочет поклониться его практу».

Академик, лауреат Ленинской премии

СТАТЬЯ НАПИСАНА

ПО ПРОСЬБЕ

ЮНОСТИ"

Не теряйте золотого времени!

Разрешите мне рассказать историю этой статьи. Некоторое время назад редакция «Юности» просяла меня написать статью «Не теряйте золотого времени!». Естественно, я отказался, так как по профессии я не писатель и, кроме того, мой возраст не очень подходит для журнала «Юность». Несмотря на этот, как мне кажется, вежливый отказ, месяц спустя в Дубне, где я работал, появился очень симпатичный, но чрезвычайно настойчивый молодой сотрудник журнала «Юность», который все-таки от имени редакции хотел знать мое мнение (в письменном виде) о том, как «не потерять времени». Я сказал ему, что никак не сумею написать для литературно-художественного журнала статью вообще и на указанную тему в частности, хотя определенные мысли о том, как блестящие можно потерять время, у меня имеются. После моего категорического ответа я решил, что инцидент исчерпан.

Вечером я спокойно пошел обедать в ресторан нашей роскошной гостиницы «Дубна». Там в компании нескольких моих друзей-физиков сидел все тот же корреспондент «Юности», который, очевидно, уже ознакомил их со своими намерениями. Меня

друзья, однако, вскоре согласились, что мне не следует писать эту статью, и особо отметили, что автор такой статьи действительно должен знать все тонкости важного раздела человеческой деятельности: как не терять времени.

Мы шутили, рассказывали анекдоты.

Но постепенно наш разговор стал более серьезным. Я вспомнил случай, произошедший с великим итальянским физиком Энрико Ферми, у которого мне почастствовалось учиться и работать. Когда он был еще мальчиком, ему очень помог в занятиях добрый пожилой человек — инженер Амдей. Об этом рассказывается в письме, которое недавно инженер Амдей направил профессору Э. Серге — главному редактору издания сочинений покойного Ферми. И тут один из сидевших в ресторане физиков заметил, что вот об этом и следовало бы написать в «Юности». Удивительно то, что предложенное название статьи «Не теряйте золотого времени!» вполне подошло к данному случаю.

Прежде чем привести письмо инженера Амдея, хотелось бы тем читателям, которые недостаточно представляют себе, кто такой Ферми, рассказать о

его значения в современной физике. К сожалению, рамки этой статьи не позволяют мне широко охарактеризовать этого замечательного ученого и человека, десятилетие со дня смерти которого отмечается в этом году. Достаточно сказать, что ученик класса Ферми насчитывается единицами на столетие. Энрико Ферми сделал решающий вклад в разные области науки: в теоретическую физику — от квантовой механики до статистики, в экспериментальную — от спектроскопии до физики нейтронов в мезонов и даже в астрофизику и атомную технику.

В настоящее время, когда узкая специализация является правилом, появление столы универсального ученого, как Ферми, — событие скорей единственное, нежели редкое.

Здесь мне хочется подчеркнуть, что Ферми связан не только с важными отраслями физики, с которыми можно ознакомиться в учебниках. Действительно, своими исследованиями о так называемых медленных нейтронах и созданием первого атомного реактора Ферми сделал такой вклад в науку, что его появление на научной арене нашего столетия оказало влияние на жизнь каждого из вас, читателей «Юности».

ПИСЬМО ИНЖЕНЕРА АМИДЕЯ ПРОФЕССОРУ Э. СЕГРЕ

(25 ноября 1958 года. Ливорно).

... В 1914 году я занимал должность директора инспекторов в министерстве железных дорог. Моим коллегам был главный инспектор Альберто Ферми. После работы мы обычно возвращались домой вместе. Почти всегда нас сопровождал Энрико Ферми — сын моего коллеги. Мальчик постоянно встречал отца после работы. Узнав, что я серьезно занималась математикой и физикой, Энрико стал задавать мне вопросы. В то время ему было 13 лет, мне 37.

Отчтально помню его первый вопрос:

— Правда ли, что существует раздел геометрии, в котором важные геометрические свойства выявляются без использования представлений о мере?

Я ответил, что это совершенно справедливо и что раздел этот называется проективной геометрией.

— Но каким образом эти свойства используются на практике инженерами? — спросил он.

Этот вопрос показался мне совершенно резонным. Рассказав мальчику о некоторых свойствах, находящихших успешное применение, я пообещал ему привести на следующий день — что и сделал — книгу по проективной геометрии Теодора Рэя.

Через несколько дней Энрико сказал мне, что он уже проштудировал первых три урока и обещал вернуть мне книгу, как только прочтет ее. Примерно через два месяца книга была возвращена. На мой вопрос, встретились ли ему какие-либо трудности, мальчик ответил: «Никаких» — и добавил, что он доказал все теоремы и легко решил все задачи (в книге их было более 200).

Я был изумлен: ведь я знал, что среди этих задач были такие, от решения которых я вынужден был отказатьсь, потому что на это ушло бы слишком много времени. Но я убедился, что Энрико справился с этими задачами. Было совершенно очевидно, что в свободные часы, оставшиеся от приготовления школьных заданий, мальчик в совершенстве изучил про-

ективную геометрию и с легкостью решал сложнейшие задачи.

Я убедился в том, что Энрико исключительно одарен, во всяком случае в области геометрии.

Когда я сказал об этом его отцу, тот ответил, что в школе Энрико считается хорошим учеником, но не больше.

Впоследствии я узнал, что Энрико изучал математику и физику по различным случайным книгам, которые он покупал в букинистических магазинах на рынке Кампо дел Фьори. Он надеялся, в частности, найти в этих книгах теорию, научно объясняющую движение волчков и гироколов. Объяснения он так и не нашел. Но, возвращаясь к этой проблеме снова и снова, мальчик самостоятельно приблизился к разъяснению природы загадочного движения волчка. Все же я сказал ему, что к точному научному объяснению можно подойти, лишь овладев теоретической механикой. Но для ее изучения потребуется знание тригонометрии, алгебры, геометрии и дифференциального исчисления. Энрико согласился со мной, и я стал доставать для него книги, которые могли бы дать ему ясные идеи и прочную математическую основу.

Приведу перечень книг, которые он брал у меня в тот период.

В 1914 году — по тригонометрии «Курс прямоилинейной и сферической геометрии» Сэрре.

В 1915 году — по алгебре «Курс алгебраического анализа» Энрико Сезаро. По аналитической геометрии — «Лекции А. Бианки. Пизанский университет».

В 1916 году — по математическому анализу «Лекции Ульисса Дени»; прочитанные в Пизе.

В 1917 году — по теоретической механике «Трактат механики» С. Д. Пуассона.

Кроме того, я считал, что ему будет полезно проштудировать книгу Х. Грасманна по математической логике с предисловием Джузеппе Пеано о применении дедуктивной логики.

Эти книги он получил от меня в 1918 году.

Знакомство с математической логикой я считал полезным потому, что она (подобно векторному анализу) является наиболее подходящим инструментом для овладения различными областями геометрии и теоретической механики.

Энрико нашел векторный анализ интересным, полезным и веселым. С сентября 1917 года до июля 1918 года он изучал также некоторые стороны инженерного дела по книгам, которые я доставал для него.

В июле 1918 года, пройдя трехгодичный курс за два года, Энрико получил диплом лаица. Встал вопрос, имеет ли смысл ему поступать в Римский университет. Мы с Энрико вели на эту тему длинные разговоры.

Я спросил у него, почему он хочет посвятить себя: математике или физике? Приложу дословно его ответ:

— Я изучал математику с таким рвением потому, что считал это необходимой подготовкой для последующего изучения физики, которой я намерен посвятить себя целиком и полностью.

Тогда я спросил у него, считает ли он свое знание физики столь же обширным и глубоким, как математики.

— Я знаю физику шире и глубже, потому что прочел все наиболее известные труды по этому предмету, — ответил он. И профессор Персио утверждает, что одним из таких трудов был полный курс Хволь-

1 Эмилiano Сегре — один из учеников Энрико Ферми, лауреат Нобелевской премии, научный редактор трудов Ферми.

сона. На протяжении лета 1918 года Ферми почти ежедневно посещал библиотеку Института общей метеорологии и геодинамики, чтобы изучить этот труд во французском переводе с русского.)

Я уже убедился в том, что Энрико достаточно было прочесть книгу один раз, чтобы знать ее в совершенстве. Помнишь, например, как однажды он возвратил мне прочитанную им книгу по дифференциальному исчислению. Я предложил ему оставить ее у себя еще на один год с тем, чтобы в дальнейшем к ней не возвращаться. Ответ Ферми был поразительным.

— Благодарю вас, — сказал он. — В этом нет необходимости, поскольку я уверен, что запомни все необходимое. Несколько лет спустя идеи предстают передо мной с еще большей отчетливостью, и если мне понадобится формула, я смогу легко вывести ее.

Кроме поразительной способности к наукам, Ферми обладал еще исключительной памятью.

Пришло время, когда я решил, что наступил подходящий момент, чтобы предложить ему свой план... План этот заключался в следующем: Энрико должен поступать не в Римский университет, а в университет в Пизе. До этого ему надо будет выдержать конкурс в первоклассную Нормальную школу Пизе¹ и впоследствии совместные занятия в школе с посещением лекций в университете. Энрико признал разумность моего плана и решил следовать ему, хотя и понимал, что родители будут возражать.

Я немедленно отправился в Пизу, чтобы получить там необходимую информацию и программу для конкурса в Нормальную школу. Потом я вернулся в Рим, чтобы проподтвердить программу с Энрико. Я не сомневался в том, что он в совершенстве знает предметы, связанные с математикой и физикой. Так оно и оказалось. Энрико не только выдержал конкурс, но оказался первым среди соискателей.

Родители Энрико не одобрили мой план по вполне понятным человеческим соображениям.

— Мы потеряли Джузеппе (старший брат Энрико, умерший в 1915 году после непродолжительной болезни), — сказали они, — а теперь мы должны рас-

Энрико Ферми (справа) и Бруно Понтекорво на Международной конференции по физике элементарных частиц в Комо, Италия (1949 год).
По просьбе «Юности» снимок предоставлен редакцией газеты «Унита».

статься с Энрико на четыре года, в то время как в Рим существует великолепный университет. Правильно ли это?

Потребовалось известное терпение и такт, чтобы постепенно убедить их в том, что принесенная ими жертва откроет блестящую карьеру их сыну. В конце концов было получено их согласие...»

Это письмо интересно физикам, поскольку оно позволяет лучше понять формирование типично-ской личности Ферми. Мне кажется, что письмо это должно заинтересовать и гораздо более широкий круг читателей, особенно школьников, которые начинают увлекаться наукой, а также педагогов.

Из письма видно, какое большое, а может быть, решающее влияниеоказал на 13-летнего школьника добрый и умный, но «обыкновенный» человек. Быть может, благодаря ему одаренный мальчик и стал гением. Конечно, Ферми был прирожденным физиком, но кто может сказать, какова была бы судьба Энрико, если бы инженер Амидея отнесся к нему иначе, если бы на вопросы мальчика он отвечал, например, так: «Это слишком трудно пока для тебя. Подрастешь — поймеш...» Возможно, Ферми и не увлекся бы так серьезно математикой и физикой в 13-летнем возрасте и в результате стал бы лишь хорошим инженером или хорошим физиком.

Я глубоко убежден в том, что Ферми стал великим Ферми именно потому, что его интересы определились и уже удовлетворились, когда он был еще мальчиком. Мне вспоминается, как Ферми говорил, уже будучи знаменитым физиком:

— Когда я поступил в университет, классическую физику я уже знал, как сейчас.

Мне кажется, что число «потенциальных» Ферми, скажем, среди читателей «Юности», куда более велико, чем это представляется. Урок письма инженера Амидея хорош. Учите, молодые читатели, что культурная революция после Октября сделала возможным для любого из вас получить высшее образование, а это не мелочи.

Желаю читателям «Юности» успехов, а тем, кто увлекается наукой, советую не терять времени зря. Занимайтесь серьезно, даже если у вас нет пока знакомого Амидея.

Не теряйте золотого времени!

¹ Единственный в Италии бесплатная высшая школа.

Рисунок В. Никитина.

Kогда-то, колеся по военным дорогам, встречаясь с небывалой народной бедой, встречаясь с самым народом, молодой, а по теперешним литературно-воздрастным представлениям, почти начинаяющей поэт Константин Симонов сделал для себя еще, пожалуй, робкое, еще удивленное открытие:

Ты знаешь, наверное, все-таки родина
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами из русских могил...

Из войны вышли многие талантливые поэты и прозаики. Для них она стала не только великим и трагическим событием в жизни государства, не только проверкой собственной личности, но и настоящей встречей с народом, чья душа невиданно раскрылась в те годы. Я говорю сейчас не о Твардовском, не о Казакевиче, не о Гроссмане, не о Викторе Некрасове, не о Платонове — ни о ком из тех, кто пришел на войну сложившимся художником или хотя бы сложившимся человеком. Я говорю о совсем юных тогда литераторах [а иных из них именно война привела в литературу], для которых она совпала с началом сознательной жизни, с началом возможного.

И центре их произведений не только (и даже не столько) сами по себе батальные картины, сколько первое столкновение молодого героя с жизнью, поставленной на дыбы, с ее законами и противоречиями, с солдатом — «простым советским человеком». Эти книги писались в разное время: иные — тогда же, в войну, или сразу после нее, большинство — в пятидесятых годах, но в лучших из них всегда преобладало пристрастное исследование времени и народного характера, стремление и умение приобщиться к жизни и желаниям народа, к его нравственной мере. Особенностью литературы «военного поколения», которое в те годы называли молодым, а теперь называют средним, было то, что его приобщение к народу стало в буквальном смысле кровным.

Все это ярко проявилось в военных повестях Болдарева и Бакланова, в стихах Гудзенко, Луконина, Наровчатова, Львова, Межирова, Самойлова, Слуцкого, Винокурова и других ныне известных поэтов. Они славили победу, непавидели и проклинали фашизм, но и открывали для себя самое важное и самое сложное — душу человека, который вынес на плечах тяжесть великой войны. Они открывали пахаря Семена Андреевича Косова, естественно-будничного даже в своем высоком герониме (Д. Самойлов); они узнавали труд танкистов и формулировали законы их боевого быта: «И прежде, чем пожертвовать собою, ты должен потрудиться по пути» (М. Львов); они наивек родились со старыми солдатами, которые за спиной у своего юного «отца-командира» называли его сыном (Е. Винокуров). И их молодость, трудно, преждевременно возмужавшая в этом единении, определила всю их судьбу, определила то общее и лучшее, что свойственно литературе «военного поколения»:

Как это было! Как совпало:
Война, беда, мечта и юность.
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось...

(Д. Самойлов)

Интересно сравнить рапшине предвоенные стихи тех поэтов, что успели начать до войны с их же стихами военной поры. Дело тут не в совершенствовании поэтики. Сравните хотя бы изысканную и написанную книжность «афганийской» лирики Семена Гудзенка с жестокостью и определенностью его солдатских стихов. Здесь произошло не совершенствование, а рождение поэта. И глубокоично звучали его полемические строчки:

Быть под началом у старших
Хотя бы треть пути.
Потом могу я с тех вершин
В поэзию сойти...

Я начал эту статью с разговора о «своенном поколении» не затем, чтобы грубо ткнуть сегодняшним молодым (о которых в ней и пойдет речь) пример старших собратьев. Это было бы бесполезно и неумно. Дело в другом: литературная судьба «своеного поколения», раз滋味ясь и продолжаясь, в то же время относится уже и к общизвестной истории (пусть недавней). Она завершеннее и нагляднее судьбы молодых литераторов шестидесятых годов, и на ее примере особенно ясно видно, как много значит для писателя найти свое место не среди нескольких сотен любителей, но среди народа. Место, определенное, как почтовый адрес.

С. Я. Маршак писал: «У поэтов, пределавших на своем веку какую-то работу, а не живших в литературе «на всем готовом», всегда есть точный адрес и точная дата их жизни и работы.

Наличие такого точного адреса может служить критерием, позволяющим отличить лодыжину позицию от производной. Точный адрес был и у Шекспира, и у Пушкина, у Чехова, Горького, Блока и Маяковского.

А вот, скажем, Габриэль д'Аннуцио давал читателю координаты: «Вселенная, мое».

По этому адресу еще труднее найти человека, чем по адресу, указанному Ванькой Жуковым: «На деревне дедушки».

Так что же, такой точный адрес завоевывается писателем? Или дается ему с рождения?

Как можно догадаться, вопрос этот риторический. Но каждому писателю приходится на него отвечать.

Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга рассказов с очень определенным названием: «Сельские жители». Автор ее — молодой прозаик Василий Шукшин.

Рассказ, открывавший книгу, начинается так: «Февраль 1942 года.

Под Москвой идут тяжелые бои.

А на далекой окраине сибирской деревеньки крикливы ребятишки с раннего утра режеются в бабки. Сумки с книжками валяются в стороне.

Наверное, эти строки случайно оказались в самом начале книги. И не надо проявлять здесь обычную критическую назойливость, которой всегда чудится прогрессивность. Но они характерны для всей книги.

Характерны своей, условно говоря, документальностью, почти автобиографичностью — Шукшин словно бы предупреждает: «Пиши о том, что видел и помни; вспоминаи даты и подробности; ничего не выдумывай».

Характерны и этим переходом «за на окраине...», пристальным вниманием к невидимому и неброскому, наконец, тем, что в этом невидимом и неброском, как в капле воды, отражаются большие события и примиеты эпохи — не зря упомянуты здесь бои за Москву.

Этот первый в книге рассказ называется «Далекие зимние вечера». И повествует он о далеком вечере тяжелого сорока второго года, об обычном вечере обычной крестьянской семьи, хозяин которой сражается где-то на западе, мать допоздна работает в колхозе, а двое ребятишек — Ванька и совсем ма-

ленькая Наташка — сидят и дождаются ее в исполненной избе.

Рассказчик обстоятельно и неторопливо, он припомнивает множество подробностей из своего деревенского детства (ведь и сам Шукшин родом из такой же сибирской деревушки, и те годы как раз пришли и на его детство). И эти подробности, по видимости, случайные, складываются все же в единую картину.

Говорят: воспоминания — это природный способ избирательных. Это неверно, во всяком случае, как общее правило. В нашей памяти, особенно в памяти детства, заселено множество осколков прошлого, засело глубоко, навечно — а почему именно, объясняешь далеко не всегда. Нет, наши воспоминания скорее собирательны, и все эти случайные осколки и обрывки обычно лепятся к бокам какого-то Главного Воспоминания, очень значительного для нас.

Читатель «Далеких зимних вечеров» чувствует, что ему важно было присоснуться к кусочку прошлых лет, застать маленького Ваньку именно

в тот момент, когда начинал складываться будущий его характер, когда ничто еще не было им осознано, но зато восприятие мира было по-ребяческим — настолько остро, что писатель понадобилось вернуть себе это ребячье зрение, чтобы разче сказать о том времени правду.

Этот мальчишеский взгляд не трагичен — детскому мировосприятию трагизм и не свойствен. Он, напротив, светел, и дружелюбен к миру, тем более что в описываемый Шукшиным вечер не происходило ничего страшного, а, напротив, был «маленький праздник»: мать достала немного муки и масла и стряпала пельмени. Да и о войне героя рассказывает поминают не столь часто. Она лишь отмыкается в таких деталях, как нетопленная печь, как то, что и пельмени стали праздником, как материнский вздох: «Отцу нашему тоже трудно там... Хоть бы уж зимой-то не воевали».

Но сама эта долготерпеливость крестьянского мальчика, само обстоятельство, что он не удивляется ни голоду, ни холоду, поражает нас, хотя автор будто и не настаивает на этом. И когда тот Ванька, что прогуливает уроки из-за игры в бабки, а если мать пробирает его, «сосредоточенно смотрит в стол и шмыграет носом» — когда тот же Ванька вдруг выглядит бывалым, много пережившим человеком, уже не улыбаешься, как обычно, этой детской солидности.

Мать рассказывает, что видела нынче не испутавшуюся людей лицу, и Ванька спокойно замечает:

«— Это потому, что война идет. Они в войну всегда смелые. Некому их стрелять, вот они и валяются на дорогах. Рыжуха, наверно?»

Частность, конечно, но как мгновенно и сильно проглядывает в нее то время, когда дети сибиряков рано получали жизненный опыт, рано знакомились с нуждой! Невольно соображаешь: это — всего начали сорок второго, а сколько войны впереди! Сколько лет, за которые Ваньке суждено окончательно расстаться детством!..

Словом, и впрызва начиная воспринимать героя как живого человека, — потому что у Шукшина почти всегда за героем ощущается (даже если не показана) судьба, реальный опыт, среда.

Вообще если Шукшин и есть в чем упрекнуть (об этом, как водится, ниже), то уж не в сторонней созерцательности, не в подделке «под народность», не в стилизации. И дело здесь не только в знании народного быта.

Стилизация как раз нередко щеголяет немалыми познаниями в этой области. Но ее всегда выдаст одна особенность: она именно щеголяет. Опираясь на внешние приметы народной жизни, не умея понять главного, она выдает себя тем, что стремится доказать свою неотличимость от правды. Она любуется своим правдоподобием и потому в конечном счете самоцельна. А настоящая правда никогда не доказывает свою истинность, свою неподдельность. Она правда, и у нее есть более серьезные дела, чем самоутверждение.

Шукшин знает своих героев. Более того, с первых своих шагов в литературе он, видимо, уже понимает, что писатель, избирая любую тему, любой материал, не должен ни на секунду терять ощущения своей зависимости от народа и нравственную меру свою должек поверять народной мерой. По любому выражению С. Я. Маршака, он, следя за минутной стрелкой, обязан не забывать о часовой.

В этом смысле такие суровые слова, как «ответственность» и даже «зависимость», звучат вовсе не сурово. Напротив, в них настоящая освобожденность для художника, в них близость его к правде и гармоничности, к художественности. Описывая жизнь хотя бы городских мальчишек или сверхджеффоновских мухин¹, надо постоянно ощущать, что есть на свете «часовая стрелка» — труд и трудовые люди. Потерять это ощущение — потерять все, в том числе и полноту собственного бытия и гармоничность собственной личности.

Замечательный литераторовед Н. Я. Берковский писал о книге, отдаленной по времени от предмета нашего разговора, — о «Повестях Белкина»:

«Прозаические фрагменты Пушкина этой поры да и законченные его художественные произведения... — все они тяготят к одному центру, и центр этот — народ, с его прямым отшюсом элементарными силами и заботами жизни, с его активностью к ее повседневным требованиям... Был «светских повестей» тем дурач, что из него изъяты элементарные человеческие мотивы, элементарное изъятие из самих людей. Пушкин был убежден... человеку, как бы он ни был высок умственно и духовно, необходимо сохранять свою собственную связь с простейшими мотивами жизни, развиваться, не отрываясь от них, витиевато питаясь ими. К самому глубокому содержанию жизни путь для Пушкина лежит через повседневность, через участие в ней».

В таких сопоставлениях всегда есть недовольство, всегда приходится объяснять, что ты, боже упаси, не собираешь сравнивать молодого писателя с Пушкиным. Но такие примеры и особенно убедительны: ком же и поверить русскую литературу, как не Пушкин? К тому же мы знаем, какому «глубокому содержанию» привел пушкинский путь, идея «через повседневность», и все это поучительно для любого писателя, будь он маститый или начинающий.

Но вернемся к предмету нашего разговора, минуя даже соблазнительную возможность поговорить о современных «светских повестях».

¹ Конечно, стоило бы поговорить о таких книгах особо, но намеренно, для ясности, я ограничиваю себя книгами, близкими по материалу.

В одном из характернейших рассказов книги (характерном и достоинствами и недостатками), в рассказе «Игната приехал», Шукшин рассказывает, как в гости к старику Байкалову в деревню приезжает старший сын Игнатий, который «вышел в люди» — стал борцом городским цирка.

Встреча эта долгожданная и радостна. Да и как не радоваться приезду удачливого перепенца, большого, красивого, в черном костюме из «польского края», приезду красивой, под стать ему, городской спози и городским подаркам! Все в порядке, все как задано, но чего-то недостает.

«Вечерело. Горели разовым пожарным огнем стекла дома. По улице, поднимая пыль, с ревом прошло стадо. Корова Байкаловых подошла к воротам, пробовала поддеть их рогом — не получилось. Она стояла и мычала. Старик смотрел на нее и не двигался. Праздник почему-то не получился. А он давно некогда поджидал этого дня — думал, будет большой праздник. А сейчас сидел и не понимал: почему же не вышло праздника? Сын приехал какой-то не такой. В чем не такой? Сын как сын, подарки привез. И все-таки что-то не то».

Старик и в самом деле не понимает, в чем тут дело. Он будет уговаривать своего младшего, Васику, побороться с Игнахой, надеясь, что Васику его одолеет, а зачем это ему, так и не поймет.

Автор понимает. И нам дает понять. Отец несознательно, но твердо не может простить Игнатию того налета, который навесил на сына легкую жизнь — во всяком случае, куда легче его, отцовской, крестьянской. Сын это чувствует и, пытаясь переубедить старика, лишь увеличивает разрыв.

Вот он самодовольно и тупо распространяется «о преступном нежелании русского народа заниматься физкультурой...», щеголяет «научными» словечками и заключает: «Поэтому, тити, как ты хочешь думай, но дело у меня важное. Может, поважнее Васькиного».

Рассказ этот достоверен, как и все лучшие вещи Шукшина. И все-таки в его уверенном и ровном письме вдруг появляется авторский нажим, спидетельствующий, как это обычно бывает, о возникшей у писателя неуверенности. Нажим этот выражается в том, что Шукшин начинает поспешно делать Игната все несимпатичнее и глупее, словно вдруг заменился в правоте отца.

А на самом деле, конечно, не засомневался, а просто не сумел (или не захотел — это было бы хуже) шагнуть от повседневности к «глубокому содержанию жизни», к обобщению, к анализу — отказался от единственной верной возможности доказать правоту и неправоту героя. Он верно почувствовал ситуацию, точно ощущая, как должны вести себя в этой ситуации отец и сын, но и остался на уровне ощущения, не стал исследовать причин этого поведения; потому и поводилось рассказу наисильнейшее завершение (точнее, видимость завершения).

Иным путем пошел в одном своем рассказе другой молодой писатель — Анатолий Кузнецов. (Оговариваюсь, что сравнение это не претендует на то, чтобы указывать Шукшину чай-лайо путь, для него, может быть, вовсе и не органичный.)

В рассказе Кузнецова («Старый инструмент», «Юность» № 5 за 1961 год) происходит следующее. Пожилой композитор, заприметивший на районном смотре художественной самодеятельности талантливую девочку, решил поговорить с ее матерью, женщиной, судя по всему, прожившей тяжелую вдовью жизнь. Поворот этого разговора был неожиданным для композитора.

— В легкую жизнь я ее не пуши, в артистки не отдала, — жестко сказала мать. — Не для того воспитана, искормлена, не для того я над ней убивалась. Теперь она мне помощница, Не отдашь!

Весьма смущенный таким поворотом дела, композитор попытался объяснить, как труда, благородна профессия музыканта, какое это счастье — творчество. Но в этой обстановке, перед лицом рассерженной, измодденной, непримиримой женщины, все эти серьезные слова звучали побледневшие, потеряли значимость и вес. Возможно, здесь был нужен другой язык, которому композитор не учился, и он вдруг замолчал.

И не случайно то смущенное ощущение, которое композитор вынес из разговора с женщиной, выливается в конце концов в чувство собственной неудовлетворенности, такой естественной для художника, и выход из которой — доказывать снова и снова значительность своего дела, его причастность к общему делу. «Да, в этом все... — думал он, — доказывать, доказывать. Без устали».

Все это, повторяю, не случайно, как и то, что многим прозаикам и поэтам порою просто необходимо пристрастно проверять себя, сравнивать свой труд со своим самоотдаче с трудом рабочего или крестьянина. Так Маяковский мечтал о том, чтобы его работу приравняли к труду рабочего. Так Ярослав Смеляков напоминал однажды о своей первой получке, которую он заработал еще фабризучником, и спросил себя: — даже не без горечи:

Так почему же нету слова
в день гонорара моего
не только счастья заводского,
но и достоинства того?

Как будто занят пустяками
средь дел суровых и больших,
и вроде стыдно жить стихами,
и жить уже нельзя без них.

Один доброжелательный критик попрекнул Смелякова как раз этим стихотворением: «Что это? Кокетство?.. Странно, что сейчас, когда поэзия вошла в жизнь и был миллионов советских людей, признанный и любимый читателями поэт Ярослав Смеляков как бы усомнился в ее необходимости, и в день получения им заслуженной платы за нелегкий труд на щеках его пылает стыдливый румянец... Не ошибся ли поэт в своих читателях?»

Не ошибся. И дело тут не только в том, что вся кому художнику необходимо быть недовольным собой; не только в неудовлетворенности, которая может принимать такие размеры, что признанный Блок воскликнет в отчаянии: «Молчите, проклятые книги! Я вас не писал никогда!» — а признанный Артур Рембо вовсе отказывается от поэзии за то, что она не может так радикально перетряхнуть мир, как ему хотелось бы.

Когда-то Лев Николаевич Толстой, переживая период сомнений в нужности искусства, нашел для нелюбимой им тогда поэзии такое убедительное сравнение. «Писать стихи, — сказал он, — это все равно, что пахать и с сохой танцевать». Оставим в стороне несправедливость этой мысли, но как естественно выразилась в этом сравнении та мера вещей, что может быть несправедливой в частном случае, но в общем глубоко выстрадана народом! И как же важно, чтобы у каждого из нас была потребность время

от времени соотносить свой труд — и по затрате энергии и по его полезности — с тем, главнейшим трудом, трудом пахаря и шахтера.

В рассказе Кузнецова композитор, конечно, прав. Женщина исправа — но как эта исправа обусловлена ее трудной и трудовой жизнью, какая жизненная сложность за нее, и сколько в этой частной неправде (подумать только, даже в исправе!) собственного достоинства, презрения к легкому труду, неверия в легкие дороги? И при всем отвосительности приговоров «прав — исправа» здесь есть не только факт, но и обобщение. Попросту говоря, рассказ Кузнецова не кончается на последней точке, он вызывает размышления, предмет которых — жизнь.

У Шукшина все проще. В его рассказе вопрос о правоте отца и Игнахи решен куда мельче и прямоизнейше. Шукшин поторопился возвести в абсолют свою симпатию к старику и антипатию к Игнахе. Но, как ни справедливы эти симпатии и антипатии, их абсолютность не проверена жизненной сложностью (как у Кузнецова), и эта заданность поведена как раз к относительности в глазном, а значит, и во всем. Поскольку рассказ не вырос до художественного обобщения, поскольку он остался на уровне «зарисовки», частного случая, частной правоты и исправоты, мы невольно начинаем сомневаться: а так ли уж прав старик? Чем плоха профессия циркового борца?..

В чем же тут дело?

По-видимому, вот в чем: художнику мало одного только пассивного «приобщения» к народной мере; мало одного воспроизведения (пусть самого реального) народного быта и склада. Он должен догоовариваться, развивать наем, подсказанный ему жизнью, художественно формулировать и законы жизни и законы народного характера.

Не случайно на характере русского народа мир многое узнал именно из книг — из книг Толстого, Достоевского, Чехова, Горького.

И Шукшин и те поэты, о которых речь еще впереди, родились и провели детство в деревне, «во глубине России». Разумеется, не было бы ничего наивнее, чем думать, что это дает им какое-то реальное преимущество перед другими писателями в понимании народной жизни. Мы знаем множество примеров, когда сугубые горожане создавали книги, в которых народ удавал себе, а писатели, выросшие и даже работающие на селе, оказывались маломощными и беспомощными перед сложностью жизни. Затем, что бывало и наоборот: здесь нет ни прямой, ни обратной зависимости.

Писательский адрес, о котором говорят Маршак, нельзя заменить географическим адресом, художественное знание народной жизни нельзя унаследовать, а можно лишь завоевать, ибо настоящий путь писателя не просто путь «из народа», но и путь к народу. Писатель берет материал у народа, у жизни, но он и возвращает им этот материал — обработанным, осмысленным, преображененным.

Самое же главное, близость к народу, завоеванная художником, лишь увеличивает его ответственность перед людьми. И, уж во всяком случае, не облегчает его работы.

Между тем в литературе встречаются попытки same свое «народное происхождение» приравнять к этой завоеванной близости. И даже видеть в нем своего рода привилегию.

Молодой поэт Владимир Фирсов родился в прожил

несколько лет на Смоленщине. Чтобы узнати об этом, не нужно заглядывать в энциклопедические словари: он сам пишет об этом с постоянством, которое само по себе могло бы заслуживать уважение. Но когда Фирсов славит свое деревенское детство, он недвусмысленно дает понять, что оно на всю жизнь обеспечило его познанье силу и содержательность. Это не мон кратические домыслы и даже не косвенный «художественный вывод» из фирсовских стихов; нет, сам поэт так прямо и пишет:

Я мог надежно лошадь засупонить,
Метать стога, косить, пахать,
Плясать...
И вот сегодня
Есть о чем мне вспомнить,
И есть Чем жить,
И есть о чем писать

Конечно, эти детские впечатления тоже могут дать материал для творчества, но если понятия «чем жить» и «о чем писать» сам поэт приравнивает всего только к этим впечатлениям, к описаниям быта, остается только покаять поэта, намеренно обделившего свою поэзию. Если же он понимает высокую ответственность этих слов, понимает обязанность всякого художника проникать в духовную жизнь современника, — тогда откуда же это легкомысленное самоутверждение?

Так или иначе, заявление это настолько самоуверенно и горделиво, что прямо-таки хочется призвать его курьезом, некхартерным для всей поэзии Фирсова, чём-то вроде случайной оговорки. Но это, увы, не так. Фирсов стал же определенем да и откровением во многих своих стихах.

Как это передко бывает, его позиция очень ясно проявляется в polemических стихотворениях, где он спорит со своими литературными противниками. Например, в стихах, в которых высмеян некий поэт. Стихи начинаются так:

Идет, не оборачиваясь,
Прислушиваясь к молве,
Поэт без биографии,
Родившийся в Москве.

Далее следует неодобрительное описание внешности поэта, точнее — его спины; потом идут сплетни о его жене, которые Фирсов передергнул девочкам, поклонницам поэта. И все? Наверное, нет. Наверное, Фирсов решил сообщить о причинах своего недоброжелательства под завесой... Что ж, читаем финальное обвинение:

Идет, не оборачиваясь,
Прислушиваясь к молве,
Поэт без биографии,
Родившийся в Москве.

Оказывается, эти строки есть единственное обвинение, брошенное безымянному поэту, единственным поводом для враждебного к нему отношения. И это обвинение кажется Фирсову настолько серьезным, что он повторил его дважды: им начал, им закончил. Вот и вновь получалось, что случайность рождения еще раз выступила в роли критерия: оказывается, достаточно родиться в деревне, чтобы кивнуло взирать на тех, кто появился на свет в столице.

Есть очеркисты, которые, когда им случается писать статьи, все время ссылаются на своих знакомых

«из народа»: «Говорил мне знакомый кубанец, Павел Трофимович...», «Сижу это я на завалинке с дядкой Фроловым...» и т. д.

Можно, конечно, поверить очеркисту, что все его знакомые дядки и председатели колхозов осведомлены в проблемах «современного стиля» и «литературы молодых». Даже хочет-ся поверить. Но смешно, когда человек вместо того, чтобы самому доказывать собственные оценки и выводы, ссылается на знакомых. И уже не смешно, когда он тем самым намекает на то, что его мнение — мнение народа.

Как уже говорилось, собственную причастность к народу надо завоевывать и доказывать.

И вот что еще. Когда русская литература говорила и говорит о лучших чертах народа, обусловленных постоянным и тяжелым трудом, о психологии трудового человека, она, что естественно иineизбежно, нередко обращается именно к крестьянству, в котором эти черты выразились впервые в течение многих веков. Но разве в наше время понятия «трудовой человек» и «крестьянин» однозначны? (Полагаю, что особо останавливаться на этом не стоит.) И тем более разве не противоположны друг другу психология настоящих трудовых людей и кичливость — та, что сродни стародавней дворянской кичливости?

Мы помним 20-е годы; помним попытки иных proletарских поэтов объявить себя единственными выразителями дум народа — только из-за своего происхождения; помним, как высмеяли их Маяковский: «Мы, мол, единственные, мы proletарские... А, я, пожалуйста, что — вальточек?»

Вернемся, впрочем, к современной поэзии.

Сверстник Фирсова Владимир Цыбина тоже немало пишет о родном Семиречье, о деревне Опочки, об односельчанах, о своем деревенском детстве:

Мы родились от будущих вздох —
Дети грозных тридцатых годов...

Или:

Были мы удачей небогаты,
оттого в сорок втором к зиме
три бугра на кладбище покатом
засуха насыпала семье.

Мимо этих строк уже не пройдешь равнодушно, ибо они помечены не только талантом, но и той достоверностью пережитого, что делает стихи поэзии. И они вовсе не декларативны, в них горечь остается горечью, а радость — радостью, и ни одно из этих чувств не расходуется на самоутверждение.

После первой книги Цыбина критик А. Анискин предсторегал поэта от ограничения его поэтического, подчеркнуто «крестьянского» мира, от неподвижности и самоуверенности. И это было справедливо, хотя, как мне кажется, и в первой цыбинской книге было нечто предвещавшее новое качество его стихов. Теперь — после третьей и четвертой книг Цыбина, после «Бессонницы века» и «Пульса», — можно облегченно вздохнуть: поэт состоялся.

В его стихах вошла жизнь, не скатая никакими тематическими рамками; видно, что автор их живет непростой и напряженной духовной жизнью. Тепе-

решение стихи Цыбина несложно разделять на «крестьянские» и «некрестьянские»: когда он пишет о своем тяжелом военном детстве, он пишет это как человек шестидесятых годов, человек нового знания; а в стихах о современности живут отзывы памяти крестьянского детства и шахтерской юности.

Цыбин не напирает на свою «крестьянскую исключительность». Но чем зрелее и современнее становится его поэзия, тем крепче его связь с народом, тем доступнее для него изображение народного характера. Это не парадокс, а алфавит искусства.

На смену прежней его красочной описательности пришло понимание. И когда теперь Цыбин пишет грустное стихотворение «Смерть старины», то за тем, как достойно и несущественно уходят из жизни старый крестьянин, встает вся его жизнь, прожитая в честном труде, в заботах не о себе, так что и последние его мысли — о тех, кому еще жить:

Вот годы прожил без остатка,
ни дня у жизни не молил!
Хоть жил с семьей не в достатке,
а все же нас ей без меня?..
...И смертью почувствовал грусть.
он смирился и потянулся
и в стенико руко отвернулся
с последней мыслью:
«Отосплюсь...»
А утром дым ее пыла и пыла,
и мужчины молчали чинно.
Дым белым
покрывал морщины
того, кто столько лет мужчиной
единственным в деревне был...

Такое ощущение человека труда не заработаешь географическим происхождением; не заработаешь даже несколькими годами, проведенными с этими людьми. И уж тем более ни у кого не позаимствуешь.

Впрочем, недавно я прочитал стихотворение, написанное Геннадием Хомутовым, о том, как в войну, если кончались спички, ходили за огнемоком к соседям.

Мне в жизни видеть
приходилось всякое.
Но мысль одну
всех пор ищу, храни:
Когда в душе моей
Огонь иссчитнет,
Пойду к народу
и займу огня.

Вряд ли автор особенно добивался этого, но стихи эти индивидуальные. Это стихи беспечного человека, даже не собирающегося беречь свой азуховый огонь.

Настоящий художник просто не может так думать. Его общение с народом, с читателем — это не встреча двух прохожих, дающих друг другу прикурить.

А Н. Толстой в одной из своих статей представлял себе такую фантастическую ситуацию:

«Вас, писатели, выбросило на необитаемый остров. Вы, предположим, уверены, что до конца дней не увидите человеческого существа и то, что вы оставите миру, никогда не увидит света.

Стали бы вы писать романы, драмы, стихи?
Конечно, нет.

Художник, — продолжает Толстой, — заряжен лишь однополой силой. Для потока творчества нужен второй пол, — внимательный, сопереживающий; круг читателей, класс, народ, человечество.

Из своего писательского опыта я знаю, что напряжение и качество той вещи, которую я пишу, зависят от моего первоначального заданного представления о читателе.

Именно поэтому и необходимо художнику знать своего читателя, знать его жизнь, характер; а если он рассчитывает на то, что его читателем будет не «круг читателей», а народ, он должен знать жизнь народа (повторяю: о чем бы он при этом ни писал). От того, насколько он близок к народной жизни, зависит его прописка в сердцах и умах читателей. От того, насколько глубоко и серьезно решает он общенародные проблемы, зависит постоянство в этих прописках.

Тогда уж не придется — ни самодовольно, ни отчаянно — радиовать в пустоту свои координаты:

- Вселенная, мне!
- На деревню, дедушке...

Борис Дубровин

ИЗ ЦИКЛА «ОКЕАНСКАЯ ЗЕМЛЯ»

Колодец на заставе

Дневальный усталый
По воду к речке не ходит:
Стенами скрыт,
За занавеской лынной
Под крышей заставы
Вымыт в столовой колодец —
Тело болит
Свежестью ледяной.

Даже неволкий
С этой премудростью ладит:
Ворот вращается,
Поскрипывает с утра.
Два метра веревки,
И бледно мерцающей глади
Донце касается
Побрякивающего ведра.

Наш друг терпеливый —
Колодец в темном закутке,
Как он сквозь туму
Чувствует близость росы?..
В нем дважды отливы,
Дважды приливы за сутки,
Мы по нему
Даже сверяли часы.

Надежные стены
От мира его откололи,
Звезды и зори
Ему никогда не видны.
Но, странное дело,
Скрытый от взглядов колодец —
Малое море —
Отдано власти луны.

Землетрясение

Домишко будто что-то сдернуло
В немом предчувствии грозы.
И на глазах
Куда-то в сторону
Ползут настенные часы.

Покуда взрослых веки сомкнуты
И смутен материнский взгляд,
Детишки вскаивают сонные,
Испуганные, голосят...

Предчувствие колючей лыдиною
Наваливается сквозь мрак.
Тревожно ржанье лошадинное,
Истошно тявканье собак.

Пусть дом и бухта наклоняются,
Пусть содрогаются мосты.
Две ночи.
Ровно в два меняются
Все пограничные посты.

Земляника

По тропе, от растений узорной,
У пологой волны на виду
В первый раз
С пограничным дозором
Я по острову утром иду.

Но в пути замираю невольно
И упасть на колени готов:
Вижу перистый лист треугольный,
Пять резных,
Пять родных лепестков.

Удивляют растения чужие
Эталоном иной красоты
И путают:
Я вижу впервые
Эти травы,
Деревья,
Кусты.

Среди буйства экзотики дикой
Неужели они сберегли
Дорогую мою землянику
На краю
Океанской земли!

Курильские острова.

Стоял. Писатель довел нас до последней черты изысканности. Но исматрю, изыщту подъезд, возникает и ширится сила, способная победить неизбывно-тиное в жизни. И восток против тупого и жесткого панкя — местного поседевшего царя — Захария, сам шестой в семье («Захария»). И стоит на ноги Степана любовь немудрой. Надежды, мызыканской и в городских изыньях и уборщицы в коридоре («Руки жены»). Астрафин крепко вирит в спектакль предназначенный человеческим языком, просачивающимся в русский язык, и рассказывает о нем тем

так чисто... Я все обьяснило. Я
засмеялся... Надо привык-
нуть к отстановке... Потом
одиннадцать отстановок... Потом
лецда у Калиновского умерла
моя зояни, благополучна, их
неудачно разгадал, но трудно
позвать. И смеется, пифор, на-
жал расслышан в то, что мож-
ет раз, раздиг на глаза, неизвестен узел
подчиняя его бесподобной
и нравственной притворю. Ог-
нисодой ощущения инспирирован
человеческой чистотой, кото-
рое просвещает... У Калинов-
ского в голове звонко звонко

J. ANHÜCKE

Это книжка о Левине. Написал ее Виктор Телегутин, а выпустило издательство Детской литературы. На обложке — Илья с первым в мире памятником канюко-и намеркого ражакомаляхиненем. Это наимодрачайший рассказчик, да и сама книжка — «Ладонь на каньеве». Кроме него со смажим чурбасом написаны «Лягушка-Журналист» и «Бесконечные короткие рассказы», а также «Человек, который не знал, какая был Левин».

сти и благородных классических традиций. Астафьев существует и жесток в своих расставах — во имя жизни. Вончестеру это очень добрый писатель.

© МИХАЙЛОВ

Mémoires de physicien

A. САВЧЕНКО («Конь с розовой гривой», «Захарис») А что говорить? О

СРЕДИ КНИГ

построенное не на острых сюжетах, «запоротых», но сам автор в «последовательной» пишет: «Дело тут не в спокойствии, а в различиях тонкостях в отношении языка».

Приятельство

что особенно

20, если истинность для при-

чили неизменна —

однако она да-

ет бой ритмик и перспек-

тивистикам. Да в другом, вынуж-

дить одновременно и того же инструмен-

та. Одни оба могут быть сплоче-

нью и ту же струйническо-

письмо...

У них вообще много общего...

на первом взгляде. Но в ответ-

ственности подают один из дуэтов!

— У меня целый ансамбль песен для фур-

тузажа дорожного автомобилиста. Это

не из желательного.

Сказала и склоняется. Ниже осо-

бенною!

Всё он добродушный, хороший и

умелый в общении...

Но второй рассказа в духу по-

литературе это отве-

тил.

К. ИКРАМОВ

Былый свет... Кандий предстал перед его собеседником — «Бес-Майя». По-своему видят его и читатели. Так и называли — «Бес-Майя» в «Борисоглебске» относительно Майи Борисовны. Слушаю ее, слышу и говорю и тихо шепчу ей слова и действия Майи Борисовны. Нет, она с большими вниманиями прислушивается и приглядывается к тому, к любому слову, к белому свету. И она думает, думает много о многоном. Она размышляет о своем

БЫЛЫЙ СВЕТ... И вместе с ним о человеке, который, приватизировавший твердогрунтовые машины, купил частную твердогрунтовую машину, на которой, как гончар, на «сырьевой» деревне, утомительной поиски. Наконец, ненкоторый замечательный губайдо соображает, что это от горного до сонца... Оно вместе, в этом

своечном мире, плавает с ним, о человеке, который, приватизировавший твердогрунтовые машины, купил частную твердогрунтовую машину, на которой, как гончар, на «сырьевой» деревне, утомительной поиски. Наконец, ненкоторый замечательный губайдо соображает, что это от горного до сонца... Оно вместе, в этом

Алла КИРЬЕЕВА

напишет, что все эти качества есть достоинства этого драмы в количестве уменьшаются, а они добродушной, добровольной, увлекающей... Рассказ этот называется «Судьба сестры». Однако не в

губификсе «Одиссея» Обилюн Кратиги, ни холмист Зверева за Томской каторгой. Юмор присущ индийскому книжному. Но в этой он не только томский — он Томский. Найдочек, что читатель это отвечает...

Прочитав книгу П. Балашова, яснее понимаешь, как он формировалась творческая обличия Одридана, как углублялась его мировоззрение и находчивость его мастерства. Мы видим Одридана — активного участника военных и послевоенных борьбы за мир — постоянно в туче экипажей, среди своих героев, будь то кинематографических, или арабских Зеин...

В. ЧЕРНЯВСКИЙ

В этой книжке Ильи Зверева («Наше») особняком, среди капитанов, ильинцев, Майи Борисовны, стоит «Молодой изобретатель», М., 1963). Всего впереди бы и не прискакало...

СРЕДИ КНИГ

БЫЛЫЙ СВЕТ... И вместе с ним о человеке, который, приватизировавший твердогрунтовые машины, купил частную твердогрунтовую машину, на которой, как гончар, на «сырьевой» деревне, утомительной поиски. Наконец, ненкоторый замечательный губайдо соображает, что это от горного до сонца... Оно вместе, в этом

своечном мире, плавает с ним, о человеке, который, приватизировавший твердогрунтовые машины, купил частную твердогрунтовую машину, на которой, как гончар, на «сырьевой» деревне, утомительной поиски. Наконец, ненкоторый замечательный губайдо соображает, что это от горного до сонца... Оно вместе, в этом

Во имя поэзии

Это отважный человек. Когда вас, Таня или Володя, еще не было на свете, он добровольцем ушел на фронт. Он воевал на Волховском, Ленинградском, Северо-Кавказском и 4-м Украинском. В мае 1944 года он дрался за освобождение Севастополя.

В гуле боев, десять весен назад,
Шел я и видел деревни и речи.
Видел друзей. Но ударил снаряд —
И темнота обступила навеки...
— Доктор, да сделайте же вы что-нибудь!
Слышиште, доктор! Я крепок, я молод! —
Доктор бесследен. Слова его — холод:
— Рад бы, товарищ, да глаз не вернуть...

Он отдал глаза, чтобы вы, Таня или Володя, видели сегодня зорко и точно, чтобы вы умели отличать подлинное от поддельного. Он воевал во имя большой любви, во имя большой поэзии. А впрочем, настоящая поэзия, настоящая любовь в количественных эпитетах не нуждаются: они и без того велики. Они стоят жизни.

На войну ушел поэт. Поэтому он оставался в самых жестоких для великой битвы. В перерыве между схватками он писал:

Сейчас передышка. Сойдясь у опушки,
Застыли орудья, как стадо слонов.
И где-то по-мирному гуще лесов,
Как в детстве, мне слышится голос

кукушки.

В стихах бывшего солдата — любовь и нежность. Наверно, пережитое горе обострило трепетное ощущение жизни. Он видит лес, весну, солнце — он видит их!

Вот привлекли лесные питомцы.
Синист и возноси на деревень подняв.
Старые пни, шапки белые сняв?
Желтые лысники греют на солнце.

Сонный барсук из норы вылезает.
Солнце так солнце, мы рады — изволы
Шубу трахнул: не побила ли моль?
Кучки грибов просушить вынимает.

Близится время любви и разлуки.
Все подгоняется: перья и волос.
Зяблик, лирически гляди вокруг.
Мягко, отчаявшись, пробует голос.

С поэта, который умеет говорить ненагримо, который умеет быть искренним, умеет находить единственно точные слова, можно требовать многоного. Ему, как, впрочем, и вся кому, кто хочет быть поэтом,

нельзя прощать фальшив, пошлость, безвкусницу и banality. Тем более, что его слушают сегодня многие.

Новосибирск. Поэтический вечер. Записка: «Как вы относитесь к творчеству Эдуарда Асадова?»

Кострома. Обсуждение новых книг библиотеке. Вопрос с места: «Почему такими маленькими тиражами издаются книги Асадова?»

Одесса. Читательская конференция. Взволнованная девушка: «Молодежи нужны такие стихи, какие пишет Асадов.»

Москва. Улица Горького. Воскресенье. Я подхожу к стойке девчач: «Девушки, а девушки!..» Легкое смущение с обеих сторон. «Да нет, у меня вам важное дело... Вы ведь читаете стихи? Скажите: кто ваш любимый поэт?» Дружное: «Асадов, Асадов, Асадов!» «Ну, а Евтушенко?» «О, это из старшего поколения...»

Орехово-Зуево.

Для вас,
юноши и девушки!
Читательская конференция
по книге поэта Э. Асадова
«ВО ИМЯ БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ»

Библиотекарь предупреждает меня: «Вы своего мнения, пожалуйста, сразу не высказывайте, а то они побоятся спорить...»

Спорили. И еще как!

— Мне Асадов не нравится! Все его мысли лежат на поверхности. Поэтических образов нет — одни только штампы.

— А я плачу над его стихами. И мне все равно, есть там образы или нет.

— По-моему, штампы полезны. Нужно людям по сто раз повторять одно и то же, чтобы они научились жить.

— Асадов рассчитан на сентиментальных и слабоверных людей. Второй раз его читать невозможно.

— Да, Асадов прост и немного наивен, но он пишет о том, что всех волнует.

— Девушки прочитают стихи Асадова и задумают-

ся, будут звать себя строже, беречь девичью гордость.

— Асадов любит жизнь, славит любовь, красоту, верность. Это мой любимый поэт.

— Значит, у тебя плохой вкус. Такие стихи могут только испортить вкус. О любви и красоте почитай, например, Есенина: у него гораздо лучше.

— Асадов научил меня любить стихи. Теперь я интересуюсь поэзией. Может быть, со временем я буду понимать более сложные стихи.

Cейчас — время стихов. Для любителей поэтических книг не хватает никаких тиражей, и мы тщетно порой разыскиваем в магазинах только что вышедший сборник. Общеизвестно и уже привычно, что концертные залы переполнены, если выступают поэты.

Нет, кажется, юноши или девушки, которые бы не читали стихов современных поэтов. Интерес к поэзии стал признаком культурыности молодого человека.

И даже в тех случаях, когда это увлечение еще не очень глубокое, не очень серьезное, оно радостно, потому что говорит о возрастающем интересе молодежи к ОДНОМУ ИЗ СЛОЖНЕЙШИХ видов искусства — поэзии.

Радужу успехам советской поэзии, восхищаясь интеллектуальным ростом нашей молодежи, важно в каждом конкретном случае размышлять: чем захватили читателей именно эти стихи, что они им дают, какой общественной потребностью обусловлена их популярность.

...Влюбленные самозабвенно декламируют:

Да, все винят ежечасно:
Люди, травы, земли, воды.
Но любовь... Над ней не властна
Диалектика природы.

Полюбил — и будто в руки
Принял фанел Прометея!
О любовь! Ничто пред нею
Годы, версты и разлуки!

(Про себя я думаю о Тане или Володе, которым правятся эти стихи. Неужели их согревает эта декламация? Она же холодная, беспрепятственная. «Все вя-
нет ежечасно...» Как могут винуть воды?)

...Мужчины убеждают любящих:

Он обещал вам жизнь в райо:
Меха, ковры, машины, дачу!
А я люблю вас отдаю,
Любовь и жизнь свою в придачу.

Н хот заманчив жар камней
Для сердца женского, но все же
Судите сами, ито бедней?
Решайте сами, что дороже???

(Ну, уж если любимому надо УБЕЖДАТЬ, что моя любовь дороже дачи и машин, да убеждать еще так «в люб», то что же это за любимая?)

...Доверчивая девушка учится жить и понимать жизнь:

И, может, все вышло не так бы,
Случись ЭТА ночь после снадобья.

(Слово «ЭТА» выделено автором стихов.)

...Доверчивый супруг извлекает уроки. Чем, напри-
мер, не полезный совет:

А ему бы взять да усомниться,
Надо льично гладить по головке?
А ему хоть раз бы возвратиться
Раньше срока из командировки!

(Неужели это языки поэзии?)

...Обманутая женщина смышила нелицеприятную

истину о своем случайном избраникне и о себе. Поэт прямо говорит: «Вы общались, дорогая, с Дрянько...»

Вы общались, дорогая, с дрянько.
Что ж нам толочьтесь о нем сейчас?
Дрянько не стоит долгого внимания,
Тут важнее говорить о вас.

...Что вы знали, ведали о нем?
То, что у него есть губы, руки,
Комплимент, букет цветов да брошки —
Вот и все, поиздуй, в основном?

(Видимо, опорное, главное слово здесь — «брюки». Губы, руки, цветы, даже комплименты — попробуйте осудить их! А «брюки» — вот что ужасно! Эта деталь, вероятно, призвана окончательно разоблачить «Дрянько».)

...Неопытный юноша постигает своеянравную диалектику женской души. В самом деле:

Хочешь, смело в космос полечу?

— Не хочу.

Хочешь, на Кавказ тебя умчу?

— Не хочу.

Хочешь стать моей навсегда?

— Да...

Чего добиваются поклонники подобного рода стихов? Чтобы поэт перестал чувствовать, где его сила, а где — слабость? «Глупое сердце недальновидно», — сказано в одном из стихотворений Асадова. Но сердце поэта не должно обольщаться хвалой и фимнами. Он сам сказал:

От засыпки начальской душа не согрета.

За проклятия душа не взметнется;

Едва лишь наснует мурлыканье это,

Встанут и сбросят ее с колен.

...По совету библиотекара я не сразу высказал читателям Орехова-Зуева свое мнение об этой, наибольшее шумно воспринимаемой части стихов Эдуарда Асадова. Я лишь зачитала некоторые его стихи, строфы и строки; я лишь спросила мою молодую аудиторию: вам этого хватает? Это исчерпывает ваши погружения? Для вас этого не мало?

Разгорелся спор, краткую, схематическую запись которого я привел выше.

...Безусловно, популярность сама по себе не может быть аргументом ни за, ни против того, кто пользуется популярностью.

«Эстрадность» сама по себе не может быть ни положительным, ни отрицательным качеством поэзии. Все, что есть жизнь, входит отзвук в поэзии. А поэзия любит и удивление и митинг, и записную книжку и газетную полосу, и скромный томик и эстраду, и круг друзей и ораторскую трибуну. Она любит «шепот, рабочее дыхание» и «медь проповеди», она не чуждается ни гармони, ни гитары, ни оркестра, ни мрамора, ни бумаги, ни человеческой памяти, которая объединяет в себе все виды бытия стихов.

Дело, как известно, прежде всего в человеческой ценности произносимых слов.

Популярность и даже «эстрадная» популярность еще ничего не доказывает. Она лишь определенный общественный симптом, свидетельство определенной общественной потребности, которую — худо или хорошо — удовлетворяет поэт.

Любовь! О соловьи! О женщины! — все знают, что это прекрасно.

Но обычно люди смущаются говорить именно так. И читатели и поэты. Они либо молчат, либо вдруг находят какие-то очень неподдельные слова о любви, о весне, о женщине.

Чувство меры, наверно, органически входит в талант. Жажда иллюзорных слов и иллюзорных жестов, боязнь фальши, почти страх перед малейшей исправностью. Одни в силу этого сдержаны и строги, другие, тоже в силу этого, громогласны (а на самом деле застенчивы), разны, например Маяковский).

И если нет слов, то мы молчим. Ходим, вздыхаем, страдаем. Но пот вляется человек и с абсолютной, кажется, искренностью, без страха быть башальным, с обезоруживающей наивностью возглашает:

Известно всем: любовь не шутка.
Любовь — весенний стук сердец.
А жить, как ты, одним рассудком
Нелено, глупо наконец!

Иначе для чего мечты?
Зачем тропинки под луною?
Кем лоточницы весенюю
Влюбленным предают цветы?!

Подождите, что случилось? Мы же звали другую песню — «без конца и без края». И еще много иных весел, поэтических, настоящих. А тут весна, как выносная декорация, да и «тропинки под луною», мечты, цветы, влюбленные с букетами — легкий эстрадный концерт.

«Уж не пародия ли он!» Но нет, у девушки — «весенний стук сердец», в зале — аплодисменты, стихи приятны всевремя, они правятся.

Почему же, думаю я, поклонники поэта удивляются именно этим, далеко не лучшим строфами Асадова, а не знают зачастую, как мне уже приходилось убеждаться, других его строф, более достойных читательского внимания?

Надо выбирать — выбирать и для себя и для позиции; я говорю — для поэта, потому что он прислушивается к нашему выбору, ему важно, что мы считаем лучшим в его творчестве. Не сентиментальную мелодраматическую, не ложный пафос, не простейшие уроки морали.

Вы хотите, чтобы любимый поэт был достоин и важной любви и своего дарования? Тогда не аплодируйте ЭТОМУ:

Но нет, недаром есть луна
И звучный перебор гитары.
Не зря приходит к нам весна
И по садам гуляют пары.

И это поэзия? Ничего не понимаю. Наверно, я сноб, эстет, брюзга. И вообще состарился. То ли беспечная юность:

Я же молод, и ты от меня в двух шагах —
Сердечна, прости и красива.
Ресницы такие, что тень на щеках.
Коса — с золотистым отливом.

Но таковы мухоморы в рекламных композициях. Таковы все подделки, утрирующие красоту и превращающие ее в свою противоположность.

Не беда, если в городе нет соловьев —
Наверху у соседа звонят патефоны.
Ветер пахнет таким ароматом цветов.
Словно только что были в парикмахерской он.

Вы хотите, чтобы стихам Эдуарда Асадова была суждена долгая жизнь? Тогда не обманывайтесь поэта и не обманывайтесь сами: вышеизложенные строфы вряд ли можно назвать поэзией.

Конечно, если манекен красивее живой женщины, если аромат одеколона прекраснее аромата цветов и дыхания полей можно сравнивать с запахом парикмахерской, то можно сказать о девушке в таких, поистине избитых выражениях:

Ведь ей дано открыть миллион чудес.
В бассейн метнувшись бронзовыми ракетой,
Дало краснеть от первого бунта.
Читать стихи с любым до рассвета.
Смехом, бежать под ливнем через лес...

И тропинки под луной, и коса с золотистым отливом, и девочка, что бродит до рассвета с любимицы, — первые, самые привильянющие слова, смегла поддуманные трафареты, картонные леса, конфетные обложки.

И это не отреки, не обмолви, не просто слабые строчки, на которые стоит указать, — это, по-видимому, осознанный принцип работы поэта. Им берется самое знакомое, самое привычное, известное каждому. Но берется не в оригинале, а в стандартной, не весьма высокого вкуса копии. В одном из стихотворений Э. Асадова герония так описывала свой идеал:

Чего здесь только нет: талант и верность,
И гордый профиль, и пущинистый ус,
И мужество, и преданность, и нежность,
И тонким ум, и благородный вкус...

Поэт иронизирует над примитивностью своей геронии, но не замечает, что эти строфы точно воспроизводят стилистику многих его стихотворений.

...Почему это нравится?

Есть объяснение в привычном, вечном, старом, как мир.

Иди сквозь невзгоды и выигрыши,
Не встретя ни преданных глаз,
Случайные лягши подруги,
Я сам ошибался не раз.

Но думал я: вспыхнут зарницы.
Я знал: надо верить и ждать.
Не может так быть, чтоб жар-птицы
Я в мире не смог отыскать!

Это естественное, изведенное в данном случае до азбуки, извечное стремление людей — гармонии любви преодолеть двистарманию жизни. Об этом писал Пушкин: «Шли годы, бурь порывы мятежных расселял прежние мечты...» Об этом писали Блок, Маяковский.

И всегда выяснялось, что нужны живые соловьи, а не стальные, и что нет человека «без слез, без жизни, без любви».

Не раз в истории поэзии на какой-то период обретали популярность поэты, которые умели эти «соловьевые мотивы» выразить в наиболее упрощенной форме. Их строчки трогали сердца молодого, только еще приобщавшегося к поэзии поколения. А поэзия истинная шла своим тяжким путем, и не всегда ей с ходу доставались аплодисменты. Зато проходило время, в конце концов она побеждала.

В наши дни угрожающее выяснялось, что прогресс цивилизации, если им завладеют машины, может погубить именно самые простые, самые вечные ценности: чистое небо, воздух, воду, здоровье людей на многие поколения вперед, наконец, весь род людской — словом, все, что называется Жизнь.

Ныне же существует повышенный общественный спрос на лирику, воспевающую естественные, вечные, величие прекрасные проявления человечности: таинство любви, радость материнства, счастье бытия, прелест земли с ее водами, лесами, петрами, веснами, восходами и закатами. Сегодня с особой силой мы, строители и защитники жизни, хотим опутать в поэзии красоту и величие того, что мы — Люди и что нам ведомы Любовь, Нежность, Песня. И я представляю себе парня, с которым сейчас мысленно спорю. Он говорит:

...Я — Человек, я полюбил, я стал крылат, и это моими словами говорит поэт:

И вот наконец золотые
Я россыпи в сердце открыл.
Наверное, в жизни впервые
Я так горячо полюбил!

Моя долгожданная, здравствуй!
Ты чувств не найдешь горячей.
Иди и в душе моей царствуй!
Я весь тут — бери и владей!..

Мне восемнадцать лет, я, кажется, первый раз слышу стихи, которые не надо заучивать к экзамену, а стихи, которые сами так и запоминаются... — стихи о любви! Слова красивые-красивые: золотые россыпи... в душе моей царствуй... А книга называется — «Во имя большой любви»! И напрасно критик говорит, что это баварско. Мне с этими стихами живется радостнее и красивее. Завтра я приду к Ней и скажу:

Иди и в душе моей царствуй!
Я весь тут — бери и владей!..

... Но и этому парню и Эдуарду Асадову, фронтовику, защищавшему нас, я не могу лгать. Мы, к сожалению, уже не в закрытом редакционном обсуждении, и если сотни тысяч УЖЕ читают примитивное поздравление:

И, может, все вышло не так бы,
Случись ЭТА ночь после свадьбы... —

то я не могу не сказать открыто: ЭТО пошлость. И это воспитывает пошлость, только сладеньскую, сентиментальную.

Человеку, чье мужество испытано огнем, не сломившем его воли, поэту, чьи строки рвутся сквозь тьму к свету, я не могу не сказать, что советы мужу:

А ему хоть раз бы возвратиться
Раньше срока из командировок! —

ЭТО пошлость на уровне тривиальных «курортных» анекдотов. И это, конечно, воспитывает вкусы, только вкусы пошлые, низкобровые.

Зачем же идти на поводу у иных, не весьма требовательных читателей, рассуждающих по схеме, уже вымыселной Пушкинной? Помните: «...давать нам смелые уроки, а мы послушаем тебя».

Поэту, который пишет во имя любви, который хочет быть в строю бойцов, не побежденных войной, побеждающихвойну, я должен сказать, что исключено прочерченный в поэме «Галина» пунктир измены:

Как страны невольные объяты!
Все яснее у груди своей
Грудь девичью под намонским плащем
Чувствует вздохновенный Андрей.

Татьяна Бойко, статно-горделивая,
Краса и гордость институтских стен,
Твоя теплая покорная, счастливая
И ничего не ждущая взамен, —

ЭТО такой примитив, прочитав который в книге массового распространения, остается только руками развести...

Уважаемые Таня или Володя, которым нравятся эти стихи! Пошлость не в откровенности, не в том, что рассказывает «про это». Пошлость в другом. Неужели поэт думает, что читателю нужно так мало, если предполагает, что одно лишь напоминание «будоражящих» подробностей уже заставит вас, Таня и Володя, с уважением читать эти, прямо скажем, не очень поэтические строфы! «Краса и гордость институтских стен...» Что это за «гордость стены»? А что означают слова — «ничего не ждущая взамен»? Любовь в ответ на любовь — что требуется еще «замени»? Как попала сюда эта коммерческая терминология?

«Поззия где же?» Она есть в той же книге.

Когда поэт рассказывает о том, как «прислали к нам девушку в пол мэдестрайт», некрасивую девушку, в которой для истосковавшихся солдат волшебствовала вся поэзия японского обаяния, то это целая повесть, простая, драматическая, краткая, длинной свойней...

По-человечески трогает «Баллада о буланом Пенсионере» — боевом коне, что состарился, но в последний раз, пусть ненадолго, помолодел, встретив конный эскадрон. Ушел эскадрон:

С холма, следя за бешеным аллюром,
На фоне догорящего дня
Темнела одинокая фигура
Вдруг снова постаревшего коня...

«Стихи о рыжей дворянке», «Медвежонок», «Бычка», «Весна в лесу», «Мон сны», «Письмо с фронта» также принадлежат к лучшим в книге Эдуарда Асадова.

Все же приходится сейчас говорить не о них, а о слабых произведениях, получивших широкую популярность в компрометирующих тему любви. Можно согласиться с А. Михаиловым, писавшим в «Литературной газете», что редакции зачастую оказывают поэту плохую услугу, дезориентируя его своей нетребовательностью. Так, много мелодраматических длиноног поэмах «Галина» и «Снова в строй», в ряде стихов, которые стали бы удачнее, если бы поэт написал их более скжато, экономно.

Хочется верить, что Эдуард Асадов выпустит еще не одну книгу стихов, в которых «словам будет тесно, а мыслям просторно», в которых развернутся лучшие потенции его дарования.

Читатель же будет расти и расти, и временные увлечения тех, кто нашел позицию там, где ее нет, не помешают времени пронести свое веское слово.

О РЕДАКЦИИ

Помещая статью о серьезных недостатках творчества Э. Асадова, редакция исходит из того, что многие поэтически слабые, упрощенно решавшие тему любви произведения Э. Асадова получили — главным образом вследствие невысокой требовательности некоторых наших печатных органов и издательств — довольно широкое распространение и тем самым наносят значительный ущерб делу эстетического воспитания молодежи. Молчак об этом было бы неправильно. Вместе с тем редакция надеется, что это выступление поможет Э. Асадову, поднявшему на ноги свою литературу, работать вправду более творчески и с широким творческим возможностями. Редакция полагает, что и наши издательства должны учестить справедливую критику в адрес поэта и помочь ему выпустить новые книги, которые соответствовали бы высоким идеально-художественным задачам советской поэзии.

Р. МУСТАФИН

Рассказы
о настоящих людях

ШАГИ

Валентина Зеленина

Чаще всего он падал. Мучительно долго лежел в пропасть, где внизу торчали острые пики скал. Удар — и он просыпался от страшной боли. Ять была не менее кощмарной, чем сон.

Операции, уколы, перевязки, снова операции и боль, не утихающая ни на минуту. Такая боль, когда по белому потолку больничной палаты плывут, навалившись на череп и вытесняя все вокруг, красные, черные, зеленые круги...

В госпитале у его постели неустанно дежурили, сменяя друг друга, медицинские сестры.

Сильных болей Валентин через некоторое время уже не чувствовал. Была только тупая, ноющая ломота в пояснице. И еще было какое-то однодневие, сонная апатия. Не хотелось ни пить, ни есть. Не хотелось жить. Однажды Валентин сквозь забытье (теперь он часто находился в таком состоянии) впервые услышал слово «паралич». Но и это слово не напугало его. Просто ему абсолютно все было безразлично. Хотелось только одного — скорее бы все кончилось.

Как-то Валентин очнулся от ощущения, что на его лицо капает что-то горячее. С трудом приподняв веки, он увидел над собой лицо матери.

— Сынок, сынок, — тормозила она его, глотая слезы. — Хотя бы ради меня. Я не перенесу этого... Сыноч...

Смерть отступала медленно. Каждый час жизни врачам приходилось отвоевывать в отчаянной схватке с нею. Но решающую роль сыграло все-таки железное здоровье Валентина Зеленина — бывшего тяжелоатлета, бывшего чемпиона подразделения по штанге, бывшего отличника боевой и физической подготовки. Бывшего...

А теперь Валентин, приходя в себя, часами пытались сдвинуть абсолютно здоровые внешне и совершенно бесчувственные ноги.

Тщетно!

Однажды, когда в палате больше никого не было, Валентин взял за руку лечившего его молодого хирурга.

— Скажите, — с трудом начал он, глядя куда-то в потолок. — Есть ли хоть малейшая надежда на то, что я когда-нибудь встану на ноги? Только честно, потому что от этого зависит, как мне дальше жить...

Хирург положила руку на плечо Зеленина.

— Ты, Валя, мужественный человек, и я скажу тебе всю правду. Жизнь тебе мы отвоевали. Попер мие, это немало. А ноги... — Он вздохнул и развел руками. — Перелом позвоночника с повреждением спинного мозга. Здесь медицина пока беспомощна. Клетки спинного мозга не восстанавливаются, сшить их невозможно. Так что лучше не обманывайтесь пустыми надеждами. Принимайте жить без ног.

«Привыкай жить без ног». Как будто можно привыкнуть к этому...

Валентин приглядывался к соседям по палате. Разные попадались среди них люди. Одни, надломленные страданиями, уже не могли обходиться без болеутоляющих наркотиков. Такие, как правило, не выздоравливали, годами кочевали из клиники в клинику, из санатория в санаторий. Другие смирились со своей судьбой, довольствовались тем, что могли сидеть в коляске, читать книги и доживать остаток жизни на получаемую от государства пенсию. Встречались и такие, что не сдавались, не бросали любз-

мого дела и продолжали на-
персков всему жить и рабо-
тать.

У Валентина не было профессии. До армии он едва успел окончить десятилетку. Служил в артиллерийских частях, увлекался техникой, готовился к приемным экзаменам на механико-математический факультет МГУ — с детства мечтал стать физиком. Неделю случайность — автомобильная катастрофа за несколько дней до демобилизации — перечеркнула все эти мечты. Надо было выбирать себе профессию, учиться. Но где?

Кто-то из товарищей по палате посоветовал поступить в юридический институт, потому что адвокат может заниматься практикой и на дому. Что ж, в юридический так в юридический. Едва немного утихли головные боли, Валентин достал с помощью все того же хирурга нужные книги, учебники. Комсомольская организация госпитала взяла над ним шефство. Незадолго подошло время приемных экзаменов, а Валентин все еще не мог приподняться в постели. Как быть? Терпеть еще год?

Вырвались комсомольцы. Они пошли к директору института, дошли до обкома партии, но добились своего. Прлеменная комиссия пришла в больничную палату, чтобы принять экзамены у одного человека. Экзамены прошли успешно, и Валентин Зеленин был зачислен студентом-заочником юридического института. А через несколько месяцев он досрочно выписался из госпиталя, и мать увезла его к себе на родину, в Бугульму.

Бугульминский горсовет предоставил Зеленинам квартиру в нижнем этаже нового дома. Валентин налег на учебники. Но выехать на сессию для сдачи экзаменов не мог: сказ еще едва-едва хватало на то, чтобы приподняться в постели, а пересаживаться в коляску приходилось с чужой помощью, да и стоило немалых физических страданий.

Так прошел год, другой, а Валентин все еще числился студентом 1-го курса. У Валентина снова опустелись руки, упало настроение. В школе, в армии, даже в больничной палате — повсюду вокруг него были люди, а тут он вдруг оказался совсем один. Если не считать, конечно, самоотверженной, готовой ради него на любые муки матери...

Они ворвались — буквально ворвались, звонка Валентин не слышал — совсем неожиданно. Разделись, прошли в Валентину комнату и еще с порога представились.

— Юрий Порман, — сказал один из них, высокий, аккуратно одетый, с резкими, крутыми чертами лица. — Юра Васильев, — просто сказал другой, низким руку Валентину. Он был худощав, среднего роста, в спортивном куртке с «молнией».

— Комсомольский бог, — сделав страшные глаза,

Валентин Зеленин (третий слева) в кругу своих друзей — сотрудников ТатНИИ — Б. Халамана, Ю. Пормана, Е. Зыряновой, Р. Максутова и В. Сучкова.

Фото С. Люперсольского.

кинула в его сторону первый. — Ученый с мировым именем.

Васильев тоже не остался в долгу, отшутился, и Валентин вдруг почувствовал себя с ними легко-легко, как будто знал их уже много лет. Это были комсомольцы, недавние выпускники вузов, сотрудники только что созданного в Бугульме Татарского нефтяного научно-исследовательского института — ТатНИИ. Случайно, через соседей, они узнали о судьбе Валентина — и вот пришли его навестить.

Нет, они не кидали сочувственно головами, вздыхая и поддакливая: «Да, да, конечно, что подделать». Они вели себя с ним так же, как друг с другом, — просто, непринужденно, с товарищеской, необычной наименшальностью.

Когда они узнали, что Валентин больше года нигде не состоит на комсомольском учете и не платит членских взносов, Юра Порман сказал Васильеву:

— Может, возьмем его к нам на учет? Ты, тезка, все воешь, что у тебя недобор членских взносов. Хоть и невестка от него корысть, а все-таки...

Шутки шутками, а с тех пор, как Валентин стал на комсомольский учет в ТатНИИ, в его жизни произошли большие перемены. Теперь у него вечерами постоянно бывал кто-нибудь из «станишиников». Кроме двух Юр, с Валентином особенно подружились спокойный, рассудительный и немногоговорящий Валентин Тронов, резковатый Рахмат Максутов, невысокий, подвижный Гена Завьялов. Часто бывали здесь также молодой инженер Катя Зырянова, Алексей Башкиров и другие.

«Станишиники» узнали, что Валентин с детства увлекался математикой, и как-то само собой получилось, что у него дома стали собираться на математические вечера. Вначале занимались просто так, для души, решали всевозможные головоломные задачи. Потом эти занятия приняли более серьезный, систематический характер.

Валентин оказался способным учеником, а его новые друзья — терпеливыми и настойчивыми учите-

лями. За одну зиму Валентин овладел основами высшей математики по программе специализированных вузов. Однажды Юра Порман, который всегда прописки отыскивался о юриспруденции (изнасилование будущего: при коммунизме все равно судить будет некого), так прямо и разбивал с плеча:

— Слушай, Валька, ну чего ты киснешь в своем юридическом? Тебя что, высокие адвокатские гонорары соблазняют? Давай к нам, в нефтяной!

И Валентин снова садет приемные экзамены, на этот раз в Московский нефтяной институт имени Губкина, вечернее отделение которого открылось здесь же, в Бутырке.

Наконец-то он почувствовал, что нашел свое настояще призвание. Удивляя преподавателей, он прошел программу первых двух курсов за один год, причем все экзамены сдавал только на «хорошо» и «отлично». Не меньше Валентина радовались его успехам друзья-«сталинишки», которые по-прежнему помогали ему в учебе, доставали ему нужные книги и учебники, часто собирались у него вечерами.

Комната Зеленина превратилась в своего рода штаб-квартиру молодежи ТатНИИ. Здесь рассказывали последние новости, обсуждали наболевшие проблемы нефтяного края, порою происходили научные дискуссии. И нередко, когда молодые научные сотрудники до хрипоты скрипали друг с другом, Валентин молча брал логарифмическую линейку, что-то подсчитывал, а затем спокойно примирял спорщиков, убеждал тех и других силой математической аргументации.

Равхват Максутов, который заведовал одной из лабораторий научно-исследовательского института, послушал как-то Зеленина и неожиданно предложил:

— А почему бы, Валентин, тебе не поступить к нам на работу? Нам такие сотрудники вот как нужны! — Равхват для убедительности провел ладонью по горлу.

— Да, но... — Валентин вдруг помрачнел и, отвернувшись, добавил: — Только, пожалуйста, без благотворительности.

— Аддио, — отрезал Равхват. — Возьмем тебя с испытательным сроком. Справишься — будешь работать. Не справишься — значит, рано еще.

При этом ни словом не обмолвился о том, что вместе с группой комсомольцев он был уже и в парткоме и у директора института, книпаясь, доказывал, что Валентин — нужный для института человек, что с вычислительными работами он справится лучше, чем кто-либо другой, и что для этого вовсе не обязательно торчать по семь часов в институте. Директор обещал подумать. Много споров вызвал вопрос о том, какое первое задание дать Зеленину. В конце концов решили дать тему, над которой в данное время работал отдел института. Без всяких склонов и поблажек.

Валентин справился с заданием блестящее. Директор подписал приказ о зачислении его старшим техником отдела добычи ТатНИИ.

Годоря по совести, направляясь на квартиру к Валентину Зеленину, я ожидал увидеть бледного, измученного страданиями человека. А передо мной в кресле-кальяне сидел юноша прямо-таки атлетического сложения, с богатырским разворотом плеч и мощными бицепсами. У него открытые русское лицо, русые волосы, зеленоватые, спокойные глаза. Перед ним стол, заваленный книгами, чертежами, расчетами. Вот в стопке книг с краю я угадываю пятитомник Есенина и сборник итальянских новел. Здесь же лежат учебник политэкономии, книги по нефти,

химии, физике, математике. На полу у самых ног, так, чтобы, вагнувшись, можно было сразу достать их, пристроились тантели. В одном углу комнаты на тумбочке рижская радиоприемник, в другом — чертежная доска. Под ней нудовая гиря с ручкой, да блеск отполированной ладони.

Уже через несколько минут я забывал, что разговариваю с большим человеком. Да к Валентину и не подходило это слово. Я не услышал от него ни одной жалобы на недуг. У него существует «железный» распорядок дня, в котором по минутам рассчитано все: и работа, и учение, и отдых.

Учится Валентин на пятом курсе. Рассчитывает за год завершить программу двух последних курсов. Подумывает об аспирантуре.

Валентин не смирился с приговором врачей, который, как казалось вначале, был окончательным и обжалование не подлежало. Пусть повреждение спинномозгового канала неизлечимо. Пусть ноги висят, как тряпки. Но у него сильные руки. Значит, надежда передвигаться самому еще не потеряна.

На Казанском протезном заводе по заказу Валентина изготовлены специальные жесткие протезы. Когда их впервые принесли в палату больницы, он, не теряя ни минуты, надел их и с помощью товарищей осторожно встал передвигаться самому.

— Что вы делаете? — суетилась яичечка. — Надо подождать врача. Вы же упадете!

Но Валентин стоял. Одной рукой он опирался на плечо товарища, другой держался за никелированную спинку крэзала. Стоял впервые за многие месяцы. Стоял счастливый, вздохнувший, не имея возможности смахнуть выступившие на глазах слезы.

Первое время стоило Валентину выпустить опору, как его тут же запрокидывало назавтра. Только милю позднее он догадался, что врачи неизменно сняли мерку для протезов. Валентин сам разобрал протезы, поднявши слишком высокие вяжи и снова собрав. Позднее он еще больше усовершенствовал протезы, почти идеально облегчив их.

В этот день за Валентином зашли трое — Борис Сучков, Борис Халанин и Гена Завьялов.

— Собирайтесь, Валька, многое доказать.

— Нет, спокойно ответил Валентин, доставая приложененные к стеле костыли. — Я сам.

Друзья переглянулись. Они еще не знали, что Валентин ежедневно, тайком от всех, осваивал такое сложное и такое неизмеримо важное искусство — ходить. Но возражать не стали. В этот день в институте созывалось партийное собрание, на котором комсомольца Валентина Зеленина должны были принять в партию.

Не пройдя и полдороги, Валентин понял, что смысликом рано решалась на такую прогулку. Чуткие ноги оставались где-то позади, болтались по земле. От усталости кружилась голова, и казалось, что он вот-вот рухнет на тротуар. Но Валентин упорно шел вперед, повторяя про себя: «Дойду — значит, достоин. Должен войти». Расстояние в полтора квартала, которое я прошел за пять минут, он шел около часа. Только у самых институтских дверей, поднимаясь по лестнице на третий этаж, Валентин позволил себе опереться на плечо Завьялова.

А через час председательствующий спрашивал взволнованно притихший зал:

— Кто за то, чтобы принять Валентина Зеленина кандидатом в члены партии? Против? Нет. Воздержавшихся? Нет. Принят единогласно.

Евгения ГИНЗБУРГ

Студенты

У подножия Карпат, в небольшом живописном, благоустроенном городе Дрогобыче, Львовской области, расположен один из крупнейших педагогических вузов Украины.

Интересная и многогранная жизнь будущих учителей. В этих коротких зарисовках показаны отдельные эпизоды студенческих будней.

Рисунки
О. Кандаурова.

«БАКАЛАВРЫ»

и был Математиком. С самого рождения. По крайней мере он не помнил такого времени, когда не грыз бы карапац, что-то решая, высчитывая, комбинируя. И когда подошел момент получения аттестата зрелости, он, сувени документы в портфель, решительно направился к университету.

Но после экзаменов оказалось, что иногда самые пустяковые вещи могут встать на пути к цели. Запинься, например! И добро бы их не хватило. А то оказалось четыре лишних в экзаменационном сочинении. При большом конкурсе этого было достаточно. Четыре лишние заявлены выросли из неприступные скалы, вставшие между Математиком и университетом, где обитала возлюбленная Наука Накук.

Тогда на помощь пришла Житейская Мудрость в лице соседки Марии Ивановны.

— А вы попробуйте в педагоги-

ческий. Там конкурса нет, особенно на физмате. Математика та же. А на методики и педагогики разные можете смотреть сквозь пальцы. На четвертый курс перейдете — и в университет. Перевестись-то легче, чем поступить.

Но перевестись не удалось. Как и все истинные математики, он был неуклюж в делах собственного «устройства».

И настал тот странный для Математика день, когда его в порядке педагогической практики оставили наедине с четырьмя десятками личностей из страшного племени пятнадцатилетних.

Конечно, за годы обучения в педагогическом институте Математик не раз ставил перед собой вопрос о своем отношении к этому племени, и, так как он был правдив и прямодушен, то даже открыто говорил своему другу:

— Приято считать, что не любят детей только плохие люди. Тогда я, должно быть, плохой человек. Не люблю. То есть не то, чтобы активно не любил, а просто

хочу быть от них подальше. Они мешают думать и отвлекают внимание на пустейшие занятия, кроме ковбойских фильмов или родительских собраний.

— Раздуло тебя на один бок, — отвечал его друг и однокурсник. — Правильно у Козьмы Пруткова: «Специалист подобен флюсу!». Радуйся лучше, что в городскую школу на практику назначали!

И вот они сидят перед ним. Глаза в глаза. Люби не люби, а урок по алгебре давать надо. Математик внимательно присмотрелся. Удивила разница между девочками — маленькими, аккуратными, причесанными — и здорово вымазавшими вверх длиннорукими, вихрастыми паренчиками.

«Бакалавры!» — подумал почему-то Математик.

Может быть, в этом необычном слове отразилось нежелание сказать самому себе такое странное и обзывающее: «мои ученички». Только с тех пор Математик всегда мысленно называл свой класс, особенно мальчишек, бакалаврами.

— К сожалению, ваш предшественник перед выходом на пенсию очень распустил класс, — сочувственно глядя на Математика, объявила завуч. — Он неважко себя чувствовал, не хотел вступать в конфликты, был слишком мягок... Не уступайте им ни в заданиях, ни в вопросах дисциплины. Там есть такой Игорь... Пользуется влиянием среди мальчиков... Ну, в общем, сами увидите.

Игоря в классе называли ласково — Игрушкой. Он и в действительности чем-то напоминал Батюшко. Может быть, тонкоголовым голосом, живостью, остроумием, умением сказать колкость, в которой по форме будто и не было ничего грубого, но которая заставляла класс грохотать в приступе хохота добрых пять минут.

— Ну вот все, — говорил, например, Математик, заканчивая объяснение нового материала.

— Все? — вежливо переспрашивал Игорь. И после короткой паузы добавлял: — Ну ничего, до ма сами поднимаем... Разберемся...

От урока к уроку все яснее определялись отношения между Ма-

тематиком и «бакалаврами». Вражда нарастала полным ходом, мальчики сразу включали в этом деле «третью скорость».

В одной из очередных перепалок, когда все задние парты прервались с учителем по поводу объема домашнего задания, Математик необдуманно произнес вслух:

— Эх вы, бакалавры!

В неожиданно возникшей тишине раздался тонкий голос Игоря:

— Как вы сказали?

И вслед затем целый школа голосов:

— Это уж слишком!

— Никто не дал права в советской школе... бранными словами...

— На комсомольском обсудить!

— Прежде директору!

Вставить в этой буре свое словечко Математику не удалось...

— Я, конечно, понимаю, они могут довести человека, — говорила завуч, — но все-таки вы извините погорячился. Знаете, бранные слова в устах учителя, пусть даже молодого и неопытного...

— Но что, что я сказал им?

— Точно не знаю. Но что-то

очень крепкое. Не то «бакланы», не то «жентльвары».

С тех пор все пошло в классе по принципу «на войне, как на войне». Длительные разъяснения зачастую насчет значения слова «бакалавр» успеха не имели.

— Во Франции бакалаврами называют молодых людей, окончивших среднюю школу и имеющих право поступления в вузы. Учитель хотел только сказать, что вы уже взрослые.

— То во Франции...

— Буржуазная страна...

— Никто не дал права ос-

корблять...

Теперь в основу Игоревой стратегии и тактики в отношении к Математику легли так называемые «казуистические случаи». По классу ходили слухи, что специально для борьбы с Математиком Игорь подписался на методический журнал «Математика в школе».

Впервые мыслами Математика овладели нематематические проблемы. Решать казуистические задачи на уроке? А программа? Решать их дома, а в класс приносить только ответы? Это вызывает недоверие и насмешки... Математик направлял мысль, стараясь вспомнить, что говорилось по этому поводу на лекциях по педагогике. Но вспомнить не удалось. Ведь он всегда считал свободным временем часы, занятые педагогикой и методикой. Устроившись на задней скамейке, он обычно использовал эти часы для решения задач. Как же все-таки быть сейчас?

Он стал решать эти «казуистические случаи» тут же, в классе, стараясь терпеть на это как можно меньше учебного времени. Это спровоцировало большого напряжения, но оно искупалось той короткой тишиной, которая воцарялась в классе после такого быстрого решения запутанного случая. Математик смысла пока в этой тишине только недоумение повергшего его врага, но даже и это давало передышку в непрерывной борьбе с «бакалаврами».

Но вот однажды... Это было почти невероятно. Во всяком случае, за все годы институтской жизни Математик не знал за собой такого случая. Может быть, причина была в начавшемся гриппе. Но только очередная «интересная задачка», принесенная Игорем, не получалась.

Шел шестой урок. «Бакалавры», очень усталые и проголодавшиеся, сначала просто занимались своими личными делами, не особенно обращая внимание на работу Математика у доски. Но чем дальше

бежали минуты, тем необычнее становилась эта картина: побледневший, со скоженными губами. Математик все снова и снова покрывал доску цифрами и буквами и все снова и снова стирал написанное.

— Не получается, да? — невинным голосом спросила Ирочка, у которой, как говорили в классе, не было математической шинши и которая мгновенно теряла всяющую способность соображать, как только стала вспоминать со столбцами цифры.

Это стало сигналом: по классу побежали ехидные смешки, шепот, реплики...

— А если попробовать вот так?

Игорь быстро отчеркнул себе кусок классной доски и, встав рядом с Математиком, застучал мелком. Теперь пришло время удивляться учителю. Из-под худенькой, вымазанной чернилами руки Игоря струилась великолепная, прозрачная логика, возникла вторая варианта решения сложной задачи, остроумный, самостоятельный, красавица.

— А тут, я думаю, можно применить тот прием, который вы нам в прошлый раз показывали, — серьезно сказал Игорь, уважительно глядя прямо в глаза Математику.

Учитель ответил, исправил ошибку, рассказал об аналогичном случае на институтском экзамене. Тогда они стояли оба у доски, счастливые тем, что уже получились оба варианта, и, забыв обо всем, говорили о Науке Наук — о Математике, которую оба страстью любили. Класс слушал их, затянувшись. С каждой минутой нарастали новые пяты, связывающие ребят с их Математиком. И мальчишки опять включались в этот драматический процесс.

На следующий день у входа в школу Математика встретил профессор в ожидании Игоря. Он решительно подошел к учителю и, впервые назвав его по имени-отчеству, сказал:

— Мы вчера окончательно решили: вы будите преподавать у нас математику!

— Спасибо за доверие, — серьезно ответила Математик и положила руку на плечо худенького мальчишку, своего ученика.

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Уже целую неделю директор школы, где Иван проходил свою годичную педагогическую практику, был в отъезде. А в отсутствие директора его всегда заменяла жена — невысокая власт-

ная женщина с большим циркулем в руке и с голосом, пересекущимся для такого тела.

— Что тут у вас творится? — воскликнула она каждый раз, входя в шестой «А», где Иван практиковалася не только как учитель русского языка, но и как классный руководитель.

Эта фраза была как бы позывным врио директора. Засыпав еще из коридора знакомые слова, ребята уже заранее втягивали головы в плечи, судорожно засовывали поглубже в парты неразрешенные вещички, и над классом нависала мгновенная тишина.

Потом врио усаживалася на заднюю парту, оттеснив на самый краешек побледневшую Маринку Гайдук, вытаскивала толстую общую тетрадь с надписью «Посещение уроков» и начинала быстро писать в ней.

Ребята угадкой бросали на Ивана сочувственные взгляды. Ведь им было совершенно ясно, что этот быстрый полет авторочки направлен против «нашего студента», у которого в классе всегда что-то «творится».

По вечерам следственные материалы из толстой тетради предъявлялись Ивану пункт за пунктом.

— Где у вас передовой опыт?

— Где связь изучения грамматики с выполнением планов нашим колхозом?

— Где воспитание на уроках в духе морального кодекса строителей коммунизма?

Сначала Иван терпеливо разъясняла, что передовой опыт осваивается в этой сельской прикарпатской школе, где только в его классе 26 неусыпавших по русскому языку, надо осторожно, постепенно; что вопросам морального кодекса надо уделять не десять минут на каждом уроке по грамматике, а надо умудриться так вести работу, чтобы этот кодекс чувствовался ребятой во всей жизни класса. Врио, не слушая Ивана, быстро перелистывала толстую тетрадку, произносила свою вторую любимую фразу.

— Чему вас только учат в вашем институте?

Тогда Иван стала высушивать все мочалы, стараясь думать о другом и рассеянно поглядывая в тусклое окно, сквозь которое были видны и старые кирпичные хаты и два еще не достроенных чудесных коттеджа с блестящими черепичными крышами.

К каким только способам не прибегал Иван, чтобы выработать в себе внутреннее безразличие к

руководящим указаниям врио! Он даже вспоминал о системе налога «Углубляюсь в себя... Ну и в свой класс, конечно... Веду себя так, точно ни ее, ни толстоногой тетради не существует... Вернется директор — тогда поговорим...»

— Вы все еще не представили плана работы над собой, — говорила врио Ивану, остановив его у школьных дверей, когда он возвращался со своим классом с лыжной прогулки. — Зайдите ко мне, взвольте форму плана.

В форме, переписанной быстрым почерком врио, были пункты и подпункты:

«Какая литература будет вами проработана в течение планируемого периода: а) общественно-политическая, б) научная, в) художественная?»

Какие музыкальные произведения и спектакли наметили вы прослушать и просмотреть в течение планируемого периода?»

Иван вздохнул, опять посмотрел в окно, от которого несло резким холodom, увидел запоздавшего грача, низко и звяко пропнесшегося над землей. Опять вспомнил ворогов: «Не замечай ее... Углубляюсь в себя и в свой класс». Он улыбался при мысли о трех тройках, которые смогли поставить сегодня трем закоренелым двоечникам. Да, не забыть еще починить репродуктор в красном уголке, созданном недавно в классе...

Оружие, которое врио обнажила против Ивана в один ясный зимний день, было хорошо отточено. Так сказать, политическая заострено.

— Что у вас тут творится? Пионеры не носят галстуки!

Действительно, на задних партах сидели ребята без пионерских галстуков. Двое ребят, Павло Зварницук, одетый в отцовский, остро пахнущий табаком пиджак, и Аня Грицюк, маленькая, огненно-рыжая, веснушчатая девочка, ходившая в школу из соседнего села, где не было своей восьмидесятки.

На следующий день, после того, как Иван, затворив пополтнее двери класса и даже (вроде невзначай) загородив их табуреткой, долго и горячо говорил с ребятами, Павло Зварницук пришел в галстуке. Но рыжеволосая Аня Грицюк только туго, крест-накрест перевязалася вязанным платком и куталась в него, делая вид, что простужена. Галстука под платком не было.

— Проходит ли у вас в институте курс «Пионерская работа»? — вспомнила Ивана врио на большой перемены. — А если да, то по-

чому вы не умеете добиться стопроцентного охвата своего класса красными галстуками?

Два новых дня не привнесли в вопросе об Анькином галстуке никаких изменений. Наоборот, обстановка еще больше осложнилась распространившимся по школе слухом о предстоящем близком приезде инспектора района, который уже побывал в двух соседних селах.

...Тетя Параска, Анькина мать, ворочавшая в момент прихода Ивана в хату тяжелую корыту с замесом для свинины, только мельком отглянулась на студента.

— Який галстук? А-а-а... Та вон же вин висить с краечку...

Линялы, превратившийся из красного в рыжий кусочек сатина действительно болтался на гвоздике рядом с вышитым, затертым рушничком. Анька, сидевшая тут же с маленьким братишкой на руках, упорно молчала. Иван подсчитал малолетних Грицюков. Вместе с Анькой их было восемь. Он вежливо попрощался и вышел, засказав запланированных слов о

необходимости совместных усилий семьи и школы.

Бечером прио собрала классных руководителей в целях организационной подготовки к встрече ожидаемого инспектора района. Особое внимание она уделяла вопросу о пионерских галстуках, заявив беспомощность студента-практиканта.

— Придется, видимо, мне самой взяться за это дело...

А Иван, осмелившийся дерзновенно уклониться от советования классных руководителей, жал в это время из всех сил на педали велосипеда, взятого взаймы у боянчика Ромки. Он очень торопился, чтобы успеть засветло добраться до большого села, расположенного у самого подножия Карпат. И главное, чтобы не опоздать, приехать до закрытия недавно отстроенного в том селе нового семьянского.

От великолепия внутреннего нового магазина просто захватило дух. Вдоль плотно забитых разноцветными тканями полок струился на красном шелку популярный лозунг

о взаимной вежливости продавца и покупателя. Однако пионерских галстуков в магазине не было, о чем очень взволнованной, так как продавщица предложила выхаживать.

— Что же делать?

Видимо, интонации Ивана была уж очень взволнованной, так как продавщица предложила выхаживать.

— Очень просто: отрежем кусок von того алого шелка и, если можете подождать пятнадцать минут, я вам его скрою галстуком и быстренько обмечу красными нитками. У сестренки день рождения, что ли?

На обратном пути Иван замедлил ход велосипеда. Он вспомнил теперь вполголоса «Маричку» и умылся при мысли, что, пожалуй, институтский методист по воспитательной работе признал бы все эти поступки правильными.

Тетя Параска, Анькина мать, так умаялась за день, что даже не проснулась, когда Иван, стараясь не скрипеть дверью, появился на пороге хаты. Спали и все восемь маленьких Грицюков. Вирочек, Анька сразу вскочила с постели и, удивленная, противясь глаза, оторванные ярко-рыжими ресницами, смотрела на «нашего студента», появившегося в хате в такое странное время.

— Смотри, Аня!

То, что произошло дальше, блестяще подтвердило педагогическую догадку студента. Двенадцатилетняя Анька оказалась маленькой женщиной. Очень кокетливой маленькой женщиной, не желавшей надевать старый пионерский галстук только потому, что он был порыжевший и прорытый на спинах.

Как зачарованная, застыла она с новым галстуком на шее перед туслаком зеркальце. Бумажные розы, заткнутые за это зеркальце, казались ей сейчас просто старым хламом по сравнению с горячей азотостью нового шелкового галстука.

— Це мий! — спросила Анька, не смев повернуть своим глазам.

— Конечно, Аня. Это твой кусочек того красного знамени, про которое я вам рассказывала.

Никогда еще Иван не видел Аньки Грицюк такой разговорчивой. В волнении она называла теперь «нашего студента» так, как звала его за глаза ее мать — «таки учитель».

Пан учитель должен понять. Разве Анька не хочет быть пионеркой?! Разве Анька хотела доставить неприятность пану учителю? Но ведь нельзя же вытер-

петь, когда Павло, Богдан, да и другие хлопцы раздразнились: «Сама руда, та руды и обязалась!» Ну пусть, пусть она рыхла, да ведь все-таки дивчина не хуже других. А волосы потом потемнеют, вон и мама так говорят... Ну, а этот новый галстук, настоящий пионерский, не рыхкий, а алый! И Аняка с ним никогда теперя не расставется.

...На другой день врио, носясь с большим циркулем в руках по коридору, успела все-таки, несмотря на хлопоты перед приездом инспектора, сказать Ивану:

— Ну вот! Видели? Грицюк в галстуке... Это я вчера за вас в вашем классе воспитательный час провела. Я им сказала: кто придет в школу без галстука, тот не будет допущен к экзаменам!

ОЧКИ ГЕОЛОГА

Студентам педагогического института предстояло выезжать в колхозы. Все уже было, можно сказать, из колесок. В женском общежитии по углам кучками стояли аккуратно уложенные рюкзаки. Студентки бросали последние бытые взгляды в большое зеркало, стоящее в вестибюле. Косянки и комбинезоны, оказывается, многим были к лицу. На предотъездные дни, как водится, скопилась масса дел. И Оля была очень радослава, когда, прибыв в книжный магазин, ваткнулась на запертую дверь.

— Черт возьми! Обеденный перерыв... Но все равно ждать придется...

Уйти было нельзя. Иначе могла упасть книжка стихов Рождественского, которую обещала привезти для Оли знакомая продавщица.

Нетерпеливо поглядывая на часы, Оля пристроилась около книжной витрины, под навесом, потому что начинался дождь. Через несколько минут он уже хлестал во всю, полируя аккуратные дрогобычские асфальты. Оля еще теснее прижалась к стене. Навес хорошо защищал, так что только отдельные дождники рикошетом попадали на Олины новенькие, синтетические для прогулки в колхозах комбинезоны.

Но вон тот чудак, что стоит наподалеку, напротив магазина «Оптика»... чей он встал тут, как вкопанный? Весь промок — хоть выжмай его...

Оля покрасневшей пригляделась к человеку. Это был парень лет двадцати пяти в мятых серых брю-

ках и в клетчатой «распашонке». На лице его выражалось недоумение и досада. Потребовалось добрых пять минут и щедрая порция дождя, чтобы он догадался, наконец, встать рядом с Олей под навес.

— Понимаете, у них сегодня выходной, — расстроенным голосом объяснил парень, показывая на вывеску «Оптика».

Помолчав немножко и внимательно приглядевшись к Оле, парень объяснил свое положение. Он геолог. С партией работает тут, в Карпатах. Очки у него разбились еще во пути туда, когда первый раз были в Дрогобыче. А глаза у него, надо сказать, замысловатые; опасался, что не будет нужных стекол. Но заказ приняли. Только сказали: получить через десять

дней. Мучился эти дни там, в горах, страшно. У кого с глазами все хорошо, тот представит себе не может, каково это — без очков.

— У вас как глаза? В порядке?

Оля вскинула на мокрого клетчатого геолога ресницы: он увидел синие, в цвет нового комбинезона, озера и не стал уточнять вопроса. Было и так ясно: с глазами у Оли все в полном порядке.

— Сегодня, даже, можно сказать, вот через полчаса, наша партия уходит дальше, в сторону, где не будет оптических магазинов, а я не могу выкупить очки. Здесь у меня ни души знакомой. Послушайте... Вы можете сделать одолжение незнакомому? Первому встречному! Человеку, которого никогда в жизни больше не увидите?

— Я студентка педагогического института, — укоризненно сказала Оля, — я буду учить детей... И людей из них воспитывать... Говорите, что нужно!

— Не так уж много, но, знаете, люди иногда очень заняты своими делами... В общем, вот квитанция... Получите завтра очки и выплатите мне их до востребования вот сюда...

Парень вытащил мокрый блокнот, нападрапал название пункта, в направлении которого двигалась дальняя геологическая партия, свою фамилию — Косицы и инициалы — В. Ф.

Оля не успела даже мысленно прикинуть: Володя он или Вася? Геолог благодарно кивнул и пустился по лужам по направлению к турбазе, где ждали его товарищи.

— Спасибо. Буду ждать очки... Бегу, опаздываю...

Через полчаса, когда Оля, заполнив томик Рождественского, снова вышла на улицу, уже освещенную солнцем и оправившуюся от дождя, она остановилась перед «Оптикой» и с досадой прочла: «...С 10 часов утра...»

Вот тебе и на! А ведь завтра в девять тридцать институт выезжает в колхозы Николаевской области.

Оля бросилась к Дине, секретарю институтского комсомола.

— Вопрос чист, понимаешь? И личной и профессиональной... Усомнился он, можем ли мы сделать одолжение незнакомым людям. Первым встречным... Тем, кого больше никогда не увидим...

В вопрос об очках геолога включились Динина точность и распорядительность.

— В девять тридцать сбор. Полчаса на укладывание вещей в машину. От этого освобождаешься.

Как раз примерно в десять с минутами поедем мимо «Оптики». Войдешь в магазин первая, получишь очки и догоняй... Мы остановимся на минутку. Если начнут ругать, — скажешь, было поручение комсомола... А оттравим уже с дороги. Из первого почтового отделения.

— Без двух минут десять. Ну и что же, что без двух! Неужели нельзя открыть на две минуты раньше? Ведь через двоечное стекло отлично видно, как Оля торопится, как ей важны эти две минуты.

Оля следит за разрыванными движениями работника «Оптики», раскладывающего вдоль прилавка какие-то коробочки. Точно замедленная киносъемка. Крайний флегматичный астенический телосложение. Забыла, на какой раздражитель такие типы быстрее всего реагируют. Психологию давно учили... Еще на первом курсе. Потом, отказавшись от теоретического подхода к вопросу, Оля тихонько барабанит пальцами в стекло. Работник «Оптики» поднимает от своих коробочек внимательные глаза и выразительно показывает рукой на стенные часы. Без одной минуты десять...

— Поскорее, пожалуйста, мы уезжаем в колхоз! Я могу отстать от машины...

— Зачем же было откладывать до последнего момента? — поучительно отвечает оптик, нечуть не ускоряя движений. — Как фамилия?

— Косицыны...

— Да... Да... Косицыны В. Ф. Сколько двойников?

— Да кто ж его знает! Ведь это первый встречный... Я зайду к вам после приезда из колхоза и все расскажу, а пока...

Оля вырывается футляр из рук совсем шокированного оптика и мчится. Дальше все шло удачно: и машина со студентами оказалась поблизости, и вскочила в нее Оля почти на ходу, и никто не сердился на нее за опоздание. Все удачно, кроме какого-то странного, мелодичного звука, который сопровождал Олину посадку в переволненную машину.

Лопнули! Очки лопнули, когда Оля перемахивала через борт. И

как лопнули! От большой трещины шла причудливая паутина мадейских трещин. Роговой ободок был сломан в нескольких местах.

— Какие там оптики могут быть в селе Тимофеевка, Ново-Бузского района? И в помине их нет и не было! Днем Оля, конечно, вовлекалась в общий ритм работы и веселой жизни. Неуже других улетала после трудового дня истекающие сладким соком арбузы и даже читала вслух стихи, когда сортировали на току кукурузу. Но надо поместить за чем-нибудь в рюкзак, как футляр с искалеченными очками геолога немым укором сверкал Оле прямо в глаза. А по ночам она часто видела повторяющийся сон. Клетчатый геолог, не то Володя, не то Вася, страшно шуршился, не в силах разглядеть, какая перед ним порода, и настойчиво повторял: «Знаете, люди иногда очень заняты своими делами... Где им думать о первых встречах...»

Когда выяснилось, что молодой преподаватель Иван Федорович, работавший в колхозе вместе со студентами, должен поехать в Николаев, Оля преследовала его с футляром в руках до тех пор, пока он не проникся важностью случая.

— Чтобы человек не подумал, что будущие учителя — бездушие эгоисты, безответственные лодыри... А знаете, каково в геологической партии без очков! Те, у кого с глазами все в порядке, даже вообразить не могут... У вас хорошее зрение, Иван Федорович?

И хотя у молодого преподавателя был зоркий глаз стрелка, Оля сумела настолько взвести его в принципиальную важность вопроса, что он, приехав по делам в Николаев, отправился по городу в поисках оптического магазина. Магазин был, но стекол, нужных геологу В. Ф. Косицыну, не оказалось.

Хорошо еще, что встретился свой выпускник, который как раз направлялся во двор в Дрогобыч. Ему-то и доверил Иван Федорович футляр с разбитыми очками, рецепт и адрес, по которому надо было отправить очки до востребования.

— Смотри только, не отклады-

вой, Исидор... Мучается человек, понимаешь, в геологической экспедиции. Представляешь, каково можно сказать, без глаз?

Но Исидору, который сам носил минус четыре, не надо было ничего доказывать.

Работник дрогобычской «Оптики» сразу узнал очки.

— Так и думал: что-нибудь с ними стряслось. Такая торопливая девица! И даже не знала, сколько двойников...

Исидор расплакалась за новый закал, солидно разъяснив оптику всю историю вопроса и попросив повториться. Через несколько дней заботливо упакованная цепь с бандеролем была направлена по адресу.

...Работа в колхозе уже давно была позади, аудитория института снова наполнилась веселыми голосами, а косыночки на головах девушек сменились модными мохнатыми шапочками, когда на имя Оля вдруг пришла ценная бандероль со странным, незнакомым обратным адресом. Оля с любопытством вскрыла ее и увидела... очки геолога. Целые, красивые, аккуратно упакованные очки, а под ними сухая справка почтового отделения: «Бандероль направляется обратно, как невостребованная в течение...»

Конечно, нельзя сказать, что жизнь Оли омрачена этим эпизодом. Это было бы слишком сильно сказано. Но, несомненно, на Ольны глаза набегает какая-то тень, когда заходит об этом речь.

— Главное, человек поверил, понимаешь! Поверили, что все люди могут по-товарищески помогать друг другу, даже если это и первые встречные. А теперь — что он думает о будущих учителях из Дрогобыча? Подумать только! И где его искать, главное? Ведь даже неизвестно, Володя или Вася. А может, Витя или Вадим?

Где ты, товарище Косицыны В. Ф.? Откладывайтесь! Возьмите свои очки! Вы можете запросить их по адресу: «Дрогобыч, пединститут, студентке Ольге Ивановне». А то каждый раз, когда Оля открывает свой чемодничек, она видит блестящий футляр, и этот блеск неизменно режет ее синие глаза.

РИСУНКИ ПУШКИНА

Гений Пушкина выражался и в его рисунках. Самое удивительное в них — это, конечно, портреты и прежде всего автопортреты. Последних насчитывается более пятидесяти. Иные из них так проникновенны, что глубоко приоткрывают внутренний мир поэта, нежели прославленные портреты Пушкина, исполненные знаменитыми художниками Кипренским, Тропининым.

Сотни портретов оставлены Пушкиным в его графики. Постепенно удается узнать, кого же изображает тот или иной рисунок. (Поэт не подписывал, когда рисовал в задумчивости его перо.) Определено уже около ста человек. Среди них — писатели, поэты и политические деятели прошлого: Данте, Вольтер, Гете, Байрон, Мирабо, Наполеон, Марат, Павел I. Однако значительнее всего в графическом наследии Пушкина — созданная им галерея современников. Такого огромного количества людей этой эпохи не изобразили ни один художник — ни любитель, ни профессионал. Среди рисунков поэта есть писатели: Каразин, Баратаевский, Дельвиг, Грибоедов, Гоголь, Мицкевич; драматурги: Рылеев, Пестель, Сергей Муравьев-Аpostол, Михаил Орлов, Е. Ф. Раевский, Пущин, Кюхельбекер, Якубович, Трубецкой; актёры: Семёнова, Колосова; друзья поэта: Раевские — генерал, его сыновья и дочери, Иноз, Вяземские, Е. М. Хитрово, Нащокин; его враги: Воронцов, Дондуков-Корсанов, Родные. Знакомые. Женщины, которым Пушкин увлекался: Мария Раевская, Екатерина Орлова, гречанка Калипсо Полихронина, Воронцова, Оленина, невеста поэта — Гончарова.

Пушкин не был живописцем — ни маслом, ни акварелью он не писал, больших композиций не создавал. Он рисовал. Рисовал в своих рабочих тетрадях, на полях черновиков стихов, рисовал во время бесед с друзьями.

Рисовал тем же, чем писал стихи,— карандашом, гусиным пером. Гусиным пером писали в его время все: других первых не было. Когда в 1830-х годах появились стальные перья, Пушкин стал писать стальными. Но его руки, вероятно, раздробило это сухое, неподатливое орудие. Оно не послевало за мыслию. И поэт вернулся к гусиным перьям. Два пера Пушкина, именно гусиных, сохранились до наших дней,— они были взяты после смерти поэта с его письменного стола одним из почитателей. Эти личные перья Пушкина, которыми были написаны его последние письма — Геннерену, Иштимовой,— его последние стихи, может быть, «Памятник», являются бесценными реликвиами Музея Пушкина в Москве и последней квартиры Пушкина — в Ленинграде. Коротенькие, с

обгрязненным концом, ониисколько не похожи на те декоративные, пышные перья, которыми нынешние художники, изображающие Пушкина, заменяют лиру — атрибута поэта в живописи прошлого столетия. «Обкусанные, обожженные кусочки перьев» Пушкина вспоминал Пущин, «глодки, которые едва можно было держать в пальцах».

Гусиное перо было инструментом малгим. В нем были заложены богатые, с детства привычные возможности, вырабатывавшие свободный почерк, выразительные штрихи, красные, легкие юношески. Оно было послушно, без усилия передавало оно волю писавшего и рисовавшего. И Пушкин рисует. Пишет стихи. Задумается — и рука его, порой бессознательно, рисует на полях лодочки, кустики, женские ножки, иногда раз — профиль голову человека.

С натуры Пушкин не рисовал никогда, — только по памяти. Но у него было меткий взгляд и острые память. Лицо человека, которого его почему-либо занимировалось, врезалось ему в сознание, и спустя годы он передавал это лицо в рисунке. Расстояние во времени помогало остроте характеристики, — отсвечивалось все второстепенное, оставалась главное. Портрет получался лаконичный и выразительный.

Пушкина-графика интересовали в человеке не столько, может быть, черты лица (хотя он передавал их безшибочно), сколько характер. Поэт проникал смысл внешности человека, постигал его внутренний мир. Глядя на рисунок Пушкина, мы можем почувствовать, что видел в изображенном сам художник, был ли он ему другом, или врагом, или, быть может, просто интересным человеком, который притягивал своей особенной, неповторимой личностью.

А женские портреты! Как разнообразны они! Как лиричны некоторые из них и как беспощадно ироничны другие!

Нас покоряет достоверность портретов, нарисованных Пушкиным (профессиональные портреты тех же лиц меркнут рядом с рисунками поэта). Да, именно таким был этот человек. Так увидел его одинственный взор Пушкина. Так понял гениальный ум его.

Острота характеристики, выразительность рисунка при суровом лаконизме его, необыкновенная артистичность и являются основными свойствами графики Пушкина. Это те же черты, которыми исполнены поэзия и проза Пушкина. Пушкин-художник, как и писатель, на столетие опередил свою эпоху.

Мы предлагаем здесь несколько портретных рисунков Пушкина. Кто изображен поэтом, определено не так давно, а один рисунок воспроизводится впервые.

ГНЕДИЧ

Это было знаменитой болдинской осенью 1830 года. Отрезанный от мира холерой, окруженный цепью карантинов, разлученный с невестой, изнемогая от тоски и неудающихся попыток прорваться в Москву, Пушкин творил так обильно, так щедро, так высоко, как не творил никогда. Стихи, повести, драмы, статьи — все лилось неиссякаемым потоком.

Здесь завершил Пушкин «Евгению Онегина». Закончив роман, над которым трудился 7 лет, 4 месяца, 17 дней, как записал сам поэт, он почувствовал пустоту и грусть, с такой проникновенностью волнившуюся в его стихотворении «Труд»:

Миг юношеский настал: окончен
мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть
такою тревогой меня?
Или, свой пыльный деревенский, в столи-
ческую пыль неизвестный,
Ллату привыкший свою, чуждый
работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого
спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга
пенатов святых?

Может быть, тема завершеннего многолетнего труда вызывала по ассоциации в памяти Пушкина воспоминание о переводе «Иллады», исполненном Гнедичем, и обещание рецензии, сделанное Пушкиным в «Литературной газете» в самом начале 1830 года.

Пушкина тревожило чувство долга: невыполненное обещание читателям и переводчику. Заниматься, однако, изучением перевода Гнедича, когда в голове созревали «Маленькие трагедии», вершинны психологической драматургии, было невозможно. Критическую статью могла бы заменить спасительная поэзия.

Форма подсказывалась сама собой. Аянтичный размер, элегический дистих, впервые прозвучавший в поэзии Пушкина несколько дней назад (в стихотворении «Труд») и увлекший его в эти осенние месяцы одиночества и творчества, как нельзя лучше подходила к стихам о переводе греческого эпоса.

Но тут случилось неожиданное... Представил себе лицо кривого Гнедича с «красной слезящейся ямкой» во месте вытекшего от страшной ости глаза, Гнедича, который переводил слепого Гомера, Пушкин не удержался от соблазна и написал «К переводу Иллады»:

«К переводу Иллады»
Гнедич

Крин был Гнедич-поэт,
предложитель слепого Гомера,
Боном одним с образцом склон
и его перевод.

Поэтическое приветствие обернулось эпиграммой.

Испугавшись собственного озорства, Пушкин тут же зачеркнул эти испрошенные строки; зачеркнув старательно, спиралью, чтобы невозможно было прочесть. Восьмидесят лет спустя пушкинским удалось все же разобрать эти тщательно скрытые стихи.

Прошло около месяца. Пушкин работает над произведением, пронизанным глубоко личными чувствами. Он пишет «Каменного гостя». Неожиданно драма перебирается на листе бумаги лирическими стихами. Стихи обрашаются на полуслово, чтобы слова уступить место диалогу «Каменного гостя».

И рядом рисунок: дузль на плащах. (Два испанских грауда в плащах, в широкополых шляпах. Мгновенный, летучий, лаконичный рисунок. Но это чудо какое-то! Налегая всем корпусом на правую ногу и заслонясь левой рукой, Дон Гуан делает выпад против Дон Алвара.

Наткнулся мне на шпагу он
и замер
Как на булавке стрекоза.

Плащ скрывает движения Дон Гуана, но контур этого плаща пострадает, — так он выразителен. Трудно поверить, что этот быстрый обобщенный рисунок сделан почти полтораста лет назад, а не в наши дни.)

Ниже нарисована голова Гнедича — тяжелая, кроткая.

«Гнедич, испаханный, изрытый осною, — вспоминал Вяземский, — ее слепой, как поэт, которого избрал он подиличником себе, а крикой, был усердным даиником морды: он всегда одевался по последней картинке. Болосы были завиты, шея повязана платком, которого стало бы на три шеи. Несмотря на непригожество свое — прости мне тень его мою нескромность — он придавал себе все притязания и прихоти красавца: иначе не стал бы выказывать свое безобразие, вставляя его в изысканную румму.»

Небрежный рисунок Пушкина метко скватил жутко-острый взгляд единственного глаза Гнедича, какое-то искверненное, изуродованное черты его лица и эту жалкую кательность одежды.

Появление образа Гнедича в рукописи «Каменного гостя» говорит о том, что мысль о нем не оставляет Пушкина.

Но не может поэт оторваться от «Каменного гостя». 4 ноября он захватывает трагедию. А 8-го создает один из своих маленьких шедевров: «На перевод Иллады»:

АРИНА РОДИОНОВНА

Сылку в Михайловское скрасила Пушкину няня его, Арина Родионовна. Ее доброта, ее неуставное попечение о горячо любимом питомце согрели его одиночеством.

«Вечером слушаю сказки моей няни, оригинал я няни Татьяны; вы, кажется, ее видели, — писал Пушкин в это время товарищу в Одессу, — она единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно. Сказки, слышанные от няни, Пушкин записал с ее слов, — семя сказок. Четыре из них вошли в русскую литературу, преображеные Пушкиным в его бессмертных творениях — в прологе к «Руслану и Людмиле» («У лукоморья дуб зеленый...») и в сказках о попе и работнике его Бадде, о царе Салтане, о мертвый царевне.

Поэт читал ей только что написанные стихи.

Но я плоды своих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой ини.
Подруге юности моей.

Двадцать пять лет было Пушкину, когда он писал эти стихи. Двадцать пять лет не юность. Поэт вспоминал тут, вероятно, нежную любовь ини к нему во время тяжелой болезни его в последней склонности, когда врачи за его жизнь не отвечали, горячие сочувствие ини в военные тревоги месяцы, когда над ним висела угроза ссылки в Соловецкий монастырь или в Сибирь.

К ней обращено одно из самых трагических стихотворений михайловского сидения — «Зимний вечер».

Когда внезапно Пушкин был увезен из Михайловского присяжавшим за него офицером — новый царь потребовал поэта в Москву, — Арина Родионовна побежала к седам в Тригорское.

«Вдруг рано, на рассвете, ввалилась и ини Арина Родионовна, ини Пушкина. Это была старушка, чрезвычайно почетная — лицом полная, вся седая, страшно любившая своего питомца, но с одним грешком — любила выпить... Бывала она у нас в Тригорском часто и последствии у нас же составляла письма, которые она писала для своего питомца. Но этот раз она прибежала, вся запыхавшись; седые волосы спадали на лицо и плечи; бедная ини плахала наизорь. Из-за спроса ее оказалось, что пчера вечером, незадолго до прихода Александра Сергеевича в Михайловское присяжавший какой-то не то офицер, не то солдат (впоследствии оказалось — фельдшергер). Он обличил Пушкину в злении и немедленно ехать вместе с ним в Москву. Пушкин успел только взять деньги, назначить шинель, и через полчаса его тоже не было.

— Что ж, ини этот офицер какие-нибудь бумаги с собой? — спрашивали мы ини.

Но родные никаких бумаг не взяли и ничего в доме не воршили; после только я сама кой-что починоткимала.

— Что такое?

— Да сыр этот проклятый, что Александр Сергеевич кушать любил, а я так терпеть его не могу, и дух-то от него, от сырого этого немецкого — такой спиртный... (Там вспоминала одна из дочерей П. А. Осиповой — друга Пушкина.)

Хорошо знавший Арину Родионовну, побывавший у Пушкина в ссылке в Михайловском друг его Дельви, поздравляя Пушкина «с переменой судьбы» (ссылка его была прекращена), писал ему в Москву: «Душа моя, меня путает положение твоей ини. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою».

Пушкин задержался в Москве около двух месяцев. К этому времени относятся исполненные необыкновенной нежности стихи его ини:

Подруга дней моих суровых,
Дружная моя...

А о чувстве ини к поэту прекрасно говорит то, что сообщает Пушкин в письме к Вяземскому в день возвращения в Михайловское:

«Есть какое-то поэтическое наслаждение, познаваться польским и покинутым торумом. Ты знаешь, и не корчу чувствительности, но встреча моей дворни, хамов¹ и моей ини — ей Богу приятнее щекотит сердце, чем слава, искаженная самолюбия, рассеянности и пр. Ини моя уморительна. Возрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву о умилении сердца владыки и уроженца его сыриности, молитву, вероятно, сочиненную при царе Иване. Теперь у нее пошли дерут молебен и мешают мне заниматься делом».

Еще лучше, пожалуй, выражает свое чувство к Пушкину сама ини в письме к поэту, когда

он второй раз покинул Михайловское и много месяцев там не появлялся:

«Любезный мой друг Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забывает. Ваше обещание и

¹ Слово «хам» — в то время синоним крепостного человека.

нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставляй... Прощайтесь, мой батюшка Александр Сергеевич. За ваши здороны просирую искренне, дружночно, хорошочко, сажому слюбитея. Я слава Богу здорова, целую ваши ручки и остаюсь многолюбивая ини виша Арина Родионовна».

С полгода пожил освобожденный от ссылки Пушкин в Москве, месяца два в Петербурге и почтупствовал необходимость вернуться в Михайловское.

«Я убежал в деревню, почуя рифмы», — писал он уже оттуда в Москву. В Михайловском провел Пушкин летом 1827 года не «несколько дней», а два с половиной месяца. Это были последние дни жизни поэта под одной кровлей с ини.

Арина Родионовна выросла в Судье, под Петербургом, в потчи-не Ганибалов. Она была их кре-постной, сверх — родоначальника русских Ганибалов, Абраама Петровича, потом сына его, Осипа Абрамовича, деда Пушкина. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, пред-ставя фальшивое свидетельство о смерти первой, — писал Пушкин. Многими сведениями о своих пред-ках был он обязан Арине Родионовне. Она хорошо помнила ста-рого арапа. Когда умер Абрам Петрович, она только что вышла замуж за «крестьянского сына, от-рока Федора Матвеева» (отрок — мальчик одиннадцати — семнад-ти лет. Вот откуда и детали!)

Мой Ваня
Моложе был mein, мой свет,
А было мне тридцать лет).

Арина Родионовна вспоминала рассказы стариков о полной неожиданных поворотов молодости «арана Петра Великого». Это ее рассказы, ее напевы сказывали к жизни пушкинское стихо-творение о прадеде, отмеченное такой чистой, лирической народ-ной интонацией:

Как жениться задумал царский арап.
Меня боярынь арап похаживает.
На боярышень арап погождывает.
Что выбрал арап себе
сударушину.
Черный ворон белую лебедушину.
А как он арап чериешенек.
А она-то душа белешенка.

В 1828 году, когда сестра Пушкина вышла замуж, Арина Родионовна переехала к ней в Петербург. А через полгода умерла.

После смерти Арины Родионовны Пушкина в Михайловское не тянуло. Приехал он туда уже только в 1835 году.

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я прошел
Изгнаником два года незаметных.

Был одинаковый домик.
Где жил я с бедной изгнанкой моей.
Уже старушка нет — уж за стеной
Не слышу и шагов ее тяжелых.
Ни кропотливого ее дозора.

А в черновиках этого, такого
всем известного стихотворения о
изи сказано и больше и теплее:

Не буду вечером под шумом
бури
Внимать ее рассказам,
затверженным
С издательством моим и во все
прятанных сердцу,
Как песни давние из страныцы
Любимой старой книги,
в коих знаем —
Какое слово где стоит.

Выпало,
Ее простые речи, и советы,
И полные любви укоризны
Усталых мне сердце ободрили
Отрадой тихой...

Ни отцу, ни матери Пушкин стихов не писал, а вот наше посвящал трогательнейшие стихотворения и после ее смерти поминал ее в стихах.

Эта любящая и преданная Пушкину душа навсегда остается в русской поэзии — и в этих стихах и в образе имени Татьяны.

В рукописях Пушкина михайловского периода находим мы портрет простой старой женщины «с полным лицом», в повойнике. Нарисованна она на полях третьей главы «Евгения Онегина» — той самой, в которой в образе «Филипповны седой» так любовно отражена Арина Родионовна.

Не ее ли изобразил Пушкин?

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Частник восьми войн, гусар, зачинатель и глава партизанской войны в 1812 году, один из самых поэтических лиц русской армии (по собственному признанию), горячий, талантливейший человек, Денис Давыдов был удивительным поэтом.

Пушкин еще учился в лицее, когда легендарный партизан стал известен как поэт. Его глубоко своеобразная поэзия поразила чуткого юношу (он отозвалась в своих стихах и на лихие солдатские ритмы —

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников ссыпай
С закрученными усами...

— и на проникновенные, напряженные по чувству и выражению элегии с энергично-патетическими вздохами:

Возьмите меч — я недостоин
Браны!
Сорвите лавр с чела —
он страстью помрачен...

Уже в 1829 году на вопрос собеседника, «как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и даже в самых первых своих опытах не сделался подражателем того и другого?», Пушкин отвечал, что «этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в лице возможность быть оригинальным». Развил эту мысль Пушкин вскоре и в беседе с другими друзьями. «Он, хвала стихи мои, — пересказывает Давыдов этот разговор, — сказал, что в молодости своей от стихов моих стал писать свои кружевые и приправливаться к оборотам моим, что потом вошло в меня в прынчку».

Стихи, написанные год спустя после этих разговоров, как будто подчеркивают эти признания Пушкина:

Порой я стих повертыши круто.
Все ж видно: не впервой я ими
верчу.
А как давно? того и не скажу то.
На критиков я еду, не свинцу.
Как древний богатырь — а как
наведу...
Что ж? поклонюсь и приглашу
и обеду.

В другой октаве «Домика в Коломне» Пушкин уже демонстративно пишет в стиле литературной манеры Дениса Давыдова. Вслед за стихом, в котором поэт заявляет: «Отныне в рифмы буду братъ глаголы», — следует:

Не стану их надменно бранить,
Как рекрутов, добывшихся ученья.
Иль как коней за их плохую

стять... —

А подбирать союзы да наречья:
Из мелкой сволочи вербую рать.
Мне рифмы нужны; все готов
сбречь и я.
Хоть весь словарь; что слог,
то и сойдат —
Все годы в строй: у нас ведь
не парад.

Все это, конечно, игра, шутка: Пушкин предполагал напечатать «Домик в Коломне» анонимно.

Позаместы, можете принять меня
За старого обстрелянного волка
Или за молодого воробья,

! Слово это в пушкинскую эпоху означало: сброд, скопище людей низкого состояния и различных зеваний. Употреблялось пренебрежительно.

За поинчика, в котором мало голы...
Когда б никто меня под ложкой...
маской...

(По крайней мере долго) не узнал?
Когда бы за меня своей узакой
Другого строгий критик поцелал?
Уж я то не неожиданной развязкой
И все журналы после изволиловал?
Но полно, будет ли такой мне
праздник?
Нас мало. Не укроется проказник.

Все вступление к поэме написано в духе Дениса Давыдова, — поэт хотел было навести критиков на ложный след. Но, отказавшись от своего намерения и решив опубликовать поэму со своей подпись, Пушкин опустил октавы, имевшие смысл только под произведением анонимным. Однако иные из «давыдовских» строф, в том числе мастерская октава «Не стану их надменно бранить...», он напечатал: уж очень они были хороши! Строфа теряла остроту стилизации и равнopravno становилась в ряд с другими строфами Пушкина. Расписавшись в своем авторстве, Пушкин — в зените славы — откровенно показал «воз действие» на него стихотворного стиля Дениса Давыдова.

В 1836 году, послыав Давыдову «Историю Пугачевского бунта», пользуясь словами Давыдова, называвшего Пушкина своим «парнасским отцом и командиром», поэт относит это лестное обращение к нему:

Наездник смиренного Петегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды пыльценный мундир:
Но и по этой службе трудной.
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.

«Это для меня диплом на бессмертие», — сказал Давыдов об этих стихах Пушкина.

«Я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник», — говорил Пушкин. Он любил его, как любил его все, кто его знал. «Дениса Васильевича обнимай и души от моего имени», — писал Грибоедов приятелю из Петербурга. «Нет, здесь нет здакой буйной и умной головы, я это всем твержу; все они, согянные меланхоликами, не стоят выкури из его трубки».

Неожиданная встреча с Давыдовым в Киеве, во время ссылки Пушкина, обрадовала его чрезвычайно:

Я слушаю тебя и сердцем
молодцю,
Мне сладок жар твоих речей.
Нечальный, сноя пламеню
Вспоминаясь презирен дней, —
отозвался Пушкин на эту встречу.

Дружеские отношения они про-
несли через всю жизнь. Накануне
свадьбы Пушкина, на мальчишни-
ке его, среди самых близких дру-
зей поэта был и Денис Давыдов.

В последний год жизни Пушкин
напечатал в своем журнале «Со-
временник» шесть стихотворений
Дениса Давыдова и две прозаиче-
ские статьи его — «О партизан-
ской войне» и «Занятие Адриана-
1813 года 10 марта. [Из дневника
партизана Дениса Давыдова].

Вот этого-то чудесного поэта и
рассказчика-веселчака, темпера-
ментного, шумного, коротенького
человека, с тонким голосом, «с жиз-
ней и огненной речью», и изобра-
зил Пушкин в центре приведенно-
го выше рисунка — «чернокудря-
вая» голова с надутыми щеками,
густыми баками и усами.

Нарисованный в Михайловском
в начале 1825 года на полях опе-
тических строф об Одессе блестя-
щими портрет Дениса Давыдова яв-
ляется воспоминанием о встречах
с ним на юге.

ФЕДОР ТОЛСТОЙ

Граф Федор Иванович Толстой, прозванный «американцем», был известен своей ори-
гинальностью, умом, безудержными страстью и полнейшим пре-

небрежением к моральным нормам, принятым в обществе. Человек дикого самолюбия, вызывающе дерзкий в отношениях с людьми, отчаянный братер, он постоянно стрелялся на дуэлях и без промаха убивал своих противников. Дважды был разжалован за дуэли в солдаты. Беззаветной храбростью во время Отечественной войны он вернул себе офицерский чин и заслужил Георгиевский крест.

Участник первого кругосветного плавания русских кораблей (в 1803—1806 годах), Толстой был высажен за недостойное поведение на берег русской колонии в Северной Америке. Два года провел он среди дикарей, на Алеутских островах. Среди множества рассказов о его необыкновенных похождениях ходила и такая: будто бы он жил со своей ручной обезьянкой, как с женой, а потом убил ее и съел...

Колоритная фигура Толстого не оставляла равнодушным никого, с кем сводила его судьба. Достаточно откровенный портрет его дал Грибоедов в «Горе от ума»:

Но голова у нас, какой
России нету,
Не надо называть, узнаешь
по портрету:
Ночного разбойника, дуэлиста,
В Камчатку сослан был,
вернулся алеутом,
И крепко на руму не чист.

Все знали об игре Толстого в карты изверника. «Я исправляю ошибки фортуны», — говорил он сам.

Иного мнения о Толстом был добреиний Жуковский. «В нем было много хороших качеств», — писал он после смерти Федора Ивановича. — Мне лично были известны только хорошие качества. Все оставшееся было ведомо только по преданию, и у меня всегда к нему лежало сердце, и он был добрым приятелем своих приятелей.

Герцен объяснял «буйные пре-
ступления Толстого-Американца» «душильной пустотой и немотой русской жизни, странным образом соединившей с живостью и даже бурностью характера».

Одна из лучших характеристик Федора Толстого — умная и поэтическая — принадлежит Вяземскому:

Американец и цыган
На свете пристрастным загадка,
Которого ная: лихорадка
Мятежных склонностей дурман
Или страстей иноплеменных схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из яда в рай,

Которого душа есть пламень,
Лад ум — холодный эгоизм,
Под бурей рока — твердый
Камень,
В волненых страсти — легкий
Лист.

Сложная история отношений была с Федором Толстым у Пушкина. Были они приятелями в Петербурге в 1819—1820 годах. Пушкин «с жаром защищал» Толстого «всякий раз, когда представлялся тому случай» (об этом писал сам Пушкин). Круто изменилось все, когда, попав в ссылку, поэт узнал, что распространявшуюся в Петербурге клевету о том, что он был высечен в Тайной канцелярии, пустил Толстой.

Человек кристальной чистоты и высочайшего благородства, Пушкин считал измену, предательство, клевету, доносительство самыми презренными пороками. С отечеством и до последнего вздоха его не оставляло чувство омерзения к этим проявлениям человеческой подлости.

С гуптцами сорвал одежду,
Я весело kleimil
Зонза и неизяди
Питном твоих чернил...
Но их не разводил
Ни тайной злости пеной,
Ни ядом kleemet.
И сердца простоты
Ни лестью, ни изменой
Не замарала ты.
«К моей чернильнице»

Сам же Пушкин много раз был жертвой клеветы, совершенно выбывавшей его из жизненной колеи. Доверяя своим друзьям безгранично, он отказывался верить их предательству.

«Я уверен, что те, которые при-
писывают новую сатирик Аркадию Родзянке, ошибаются», — писал Пушкин из ссылки о ходивших по рукам стихах Родзянки, в которых демонстрировались пренебрежительные слоги Пушкина и его стихи. Он человек благородных пранци и не может воспринять времена спола и дела. Донес на человека сосланного есть последняя степень бес-
шамства и подлости, да и стихи, сами по себе, недостойны певца сократической любви».

Произнительные по исполненным страданием сомнения стихи «Коварность», обращенные к бывшему другу поэта, Александру Раевскому, добавившемуся ссылки Пушкина из Одессы в Михайловское. Поэт боится верить в его предательство.

Ужель ты прап? Ужель ты
споен?
Ах, если так, он в прак готов
упасть.

Чтоб вымолить у друга
примиренье.
Но если ты святую дружбы
блести
Употребил на любное гоненье,
Но если цель ему нанинул ты
И сонного врагу предал
со смехом,
И он прочел в немой душе
твоей
Все тайное своим печальным
взором.—
Тогда ступай, не трать
пустых речей —
Ты осужден последним
приговором.

Много позднее с горечью вспоминал поэт о «клевете насмешливой», «извратительной», «о мнимой Арубже, сердце уязвившей...»

Тому же, что клевету пустил по Петербургу Федор Толстой, Пушкин поверил сразу. Он ответил на клевету эпиграммой (1820 г.), которая дошла до Толстого в рукописи:

В жизни мрачной и презримой
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осириерия разбраторен он.
Но, исправляя понемногу,
Он изгладил свой попор
И теперь он слана Богу
Только что нартежный вор.

Толстой ответил Пушкину грубейшей эпиграммой, в которой клевету отрицал. Единственным выходом, который видел Пушкин в этих обстоятельствах, была дузль. Но Пушкин был Киншинцев, Толстой — в Москве. Пока же Пушкин перенес свою характеристику Толстого из своей рукописной эпиграммы в послание «Чададеву», которое он отправил в печать (1821 г.). Там поэт назвал своего врага философом,

который в прежни лета
Разбратором изумил четыре
части света.
Но, просветив себя, загладил
свой позор:
Отныне от вина и стал
нартежный вор.

Известительно упомянула Пушкин Толстого в «Евгении Онегине», говоря о «презренной клевете, на чердаке вралем рожденной» (чердаком называли квартиру автора комедий Шаховского на верхнем этаже дома, где постоянно встречались театрами).

Первое, что сделал Пушкин, оказавшись в Москве на свободе, — он поручил друзьям разыскать Толстого и передать ему вы-

зов на дузль. К счастью, Толстого в Москве не оказалось. А затем общие друзья помирили их.

С присущей ему душевной щедростью Пушкин простил Толстого до конца. С тех пор дружеские отношения их ничем не омрачались. Три года спустя Пушкин избрал Толстого своим сватом, когда делал предложение Н. Н. Гончаровой.

Внешность Федора Толстого известна по трем живописным его портретам (юноши, молодым мужчиной и стариком), а также и по литературным описаниям.

«Федор Иванович был среднего роста, плоски, смел, крахтил хорошо склонен, лицо его было кругло, полно и смугл, выносящие волосы были черны и густы, черные глаза его блестели, а когда он ссыпалась, — говорит Булгарин, — страшно было заглянуть ему в глаза».

Так рассказывает сын Льва Толстого, Сергей Львович, наслушавшийся о нем от отца и других современников.

«Один взгляд на наружность старика... вспоминал об «американце» Толстом Герцен, — на его лоб, покрытый седыми кудрями, на его сверкающие глаза и атлетическое тело, понизился, сколько энергии и силы было ему дано от природы».

Рассказывая о Ермолове, к которому он заехал в Орел, Пушкин писал Федору Толстому: «Я нашел в нем разительное сходство с тобою, не только в обороте мыслей и во мнениях, но даже и в чертах лица и в их выражении». В «Путешествии в Арзрум» Пушкин пишет о Ермолове то, что в связи с его сходством с

Ф. Толстым нас особенно заинтересовывает:

«С первого взгляда я не нашел в нем малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дают дубом. Голова тигра на гербускою торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественная. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Доном».

Вот этого человека с «геркулесовыми торсом», «красивого», доблестного «покрытым кудрями», мы и видим в рисунке Пушкина. «Энергия и сила» чувствуются в этом лице. Уверенный, точко чеканенный рисунок Пушкина создал тот же образ человека «необыкновенного, преступного и привлекательного», какого увидел в нем Лев Толстой.

Портрет «американца» Толстого нарисован в одной из рабочих тетрадей поэта — на полях чернового текста второй главы «Евгения Онегина».

На вопрос, почему появился портрет Толстого в конце 1823 года, когда писалась вторая глава, можно ответить прежде всего тем, что с тех пор, как Пушкин узнал о клевете Толстого (то есть с 1820 года), до приезда в Москву (в 1826 году) он готовился к дуэли с этим опасным стрелком. (В Одессе зевел он железнную трость, ходил с ней, метал ее, укрепляя руку. В Михайловском каждодневно упражнялся в стрельбе в цель).

Но ближе разъясняет появление портрета Толстого во время работы над «Онегиным» предшествующий рисунку текст. На предыдущем листе, в одной из строк с характеристикой Левинского, есть такие стихи:

Он верил, что друль готовы
За честь его принять оковы
И что не прогнут их рука
Разбить сосуд клеветника.

Понятия клеветника и Федора Толстого были в это время для Пушкина неразделимы. Мысль о неотомченном клеветнике подсущдо жила в сознании Пушкина все эти долгие шесть лет. В этом портрете она выбилась на поверхность.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

В день приезда в Норильск, когда наступила час обеда, я свернулся в первую попавшуюся столовую на проспекте Ленина. Вонял и понапачалу растерялся.

Сквозь высокие окна, обрамленные весенними ширмами, щадило свет. На декоративных решетках по-домашнему уютно зеленели цветы. Тонконогие легкие столики, покрытые белым пластиком, сверкали чистотой. А на стene, над раздаточной, улыбалась забавный поваренок. Он, разумеется, был в колпаке, с поварешкой и желал всем приятного аппетита.

Поразил меня и выбор блюд. Хотите салат из земного лука? Пожалуйста. Хотите дрожжевой напиток, яблочный, томатный, вишноградный соусы? Пейте на здоровье! Молоко, кефир, творог, сметану, раженку? И они есть. На первое и второе — молочные, рыбные, мясные, мучные блюда. На третье — кисели, компоты, мороженые сливы, пирожные, кексы, какао, кофе.

До предела я нагружала мой малярский поднос. Кассир положила на него чек. Я собралась было пластилины, но меня остановили:

— Вы, наверное, приезжий? У нас пластилины после обеда, на выхое...

В зале приглушенно звучала тихая музыка. Она лилась неведомо откуда и как бы растворялась в воздухе. Было очень приятно. Не хотелось уходить. Я, кажется, впервые по-настоящему поняла академика Павлова, писавшего, что «нормальная и полезная еда есть еда с аппетитом, еда с испытываемым наслаждением...»

Норильск молод. Ему нет тридцати лет. И жители его — народ молодой. Тысячи шахтеров и металлургов, геологов, и проходчи-

ков, строителей и студентов — люди комсомольского возраста.

Город борется за звание коммунистического. Борется с энтузиазмом, с молодым запалом, смело ломая старые нормы, завоевывая передовые рубежи семилетки. Это на предприятиях. А как дома?

Неужели мать, жена, сестра, возвращаясь с завода или рудника, начинает второй трудовой день? Неужели она, вместо того чтобы почтить книгу, погулять с детьми или пойти в театр, склоняется над кухонными горшками?

«Настоящее — о с в о б о д и е ж е н и и — настоящий коммунизм», — писал В. И. Ленин, — начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массового перестройка его в крупное социалистическое хозяйство».

Такое крупное социалистическое хозяйство в Норильске создано, хотя создать его было значительно труднее, чем в любом другом городе.

Норильск вырос в тундре, на земле, скованной вечной мерзлотой. Он стоит, подставив каменную грудь полярным ветрам и сибирским метелям. На его земле не растут овощи и картофель, не пасутся овцы и коровы.

Некоторое время назад зеленый луг здесь был дорогим деликатесом. Норильчане построили более шести тысяч квадратных метров теплиц. Крутый год на столе у них зеленый лук, а с мая — свежие огурцы и помидоры.

До недавнего времени в Норильске всю зиму и весну питались сушеным картофелем. Теперь здесь лучшее и крупнейшее в стране картофелехранлище. Ав-

томатика устанавливает в нем нужную температуру и относительную влажность. Все процессы: сортировка, погрузка, укладка — механизированы. Отныне в заполярном городе обеспечены свежим картофелем не хуже, чем там, где его выращивают.

— Все это хорошо, — может сказать читатель-скептик. — Однако вы ушли от разговора о столовых. Ведь не сразу они стали такими, какие они сегодня. Не сразу жители города отказались от домашней кухни.

— Да, не сразу, — подтвердила начальник управления торговли горнometаллургического комбината Ю. А. Трушкина. — Нужна была агитация. И, конечно, не словесная. В столовой лучший агитатор — аппетитный салат, вкусный бульон, ароматный пудинг, румяная отбивная.

Чтобы их хорошо приготовить, нужны специалисты. Мы призвали молодежь: учитеся!

Среди наших сотрудников — 360 студентов техникума советской торговли, 800 человек охвачены различными формами учебы.

— Сами понимаете, учение — свет, — улыбнулся Ю. А. Трушкин. — Но это еще не все.

В неуютную столовую, загроможденную неуклюжей мебелью, увещанную неимелыми плакатами, не хочется заходить. И мы объявили войну серости, безвкусице, беззлобности...

Я коротко расскажу об этой войне. А война была настоящая. Ведь старое живуче. Оно пустило глубокие корни. Иные хозяйственники не так-то легко расставались с «вечными» столами на слоновых ногах, с картинами в тяжеленных рамках, с дубовыми будками касс, похожими на доты, с тюлемыми занавесками...

В городе был создан штаб красоты. Возглавил его главный инженер управления торговли А. П. Поппер. В состав штаба вошли комсомольские работники, художники, ударники коммунистического труда.

Штабы красоты возникли на каждом предприятии. Энтузиасты изучали литературу, вносили инте-

ресные предложения. Группа работников общественного питания выехала в Москву, Ленинград, Вильнюс, Ригу, Таллин. Там они посетили не рестораны с громкими названиями, а скромные кафе и столовые, в которых любят бывать рабочие, служащие, студенты.

Все самое передовое стало внедряться в Норильске: керамика, пластики, декоративные ткани, цветы, легкая мебель, окраска спокойных тонов, современные светильники.

Старому пришлося отступить. Были низвергнуты вывески в мрачных рамках, списаны тюлевые занавески, собиравшие пыль и залонявшие свет, брошенные в печь таблички с надписями «строго воспрещается».

Новое, передовое победило во всех столовых города.

У людей любой профессии бывают будни и праздники. Есть своеобразные праздники и у норильских кулинаров. Я называю праздники своеобразными потому, что кулинары в эти дни не отдыхают, наоборот, работают засучив рукава. Речь идет о субботних и воскресных днях.

В конце каждой недели во всех столовых Норильска открываются выставки. Продаются полуфабрикаты. Я побывал на одной такой выставке.

На фоне ажурных стеллажей с цветами и аквариумом стояли столы, буквально ломившиеся от различных яств. Свокко громоздились розовые вулканы мясного фарша. Утром подрагивали многоцветные пирамиды желе. В больших блюдах золотилась заливная рыба с полукружиями яиц, похожими на молодой месяц. Плоские чиппетабаки соседствовали с румяными помидорами. Терпеливо ждали покупателей и солидные торты и хрупкие хворости, аппетитно посыпанные сахарной пудрой.

Такие выставки повсеместно открыты в субботу, а в воскресенье — день национальной кухни. Что это значит?

В Норильске живут и работают посланцы всех республик нашей страны. Не ехать же белорусу в Минск, чтобы съесть картофельные тертые оладьи; не надо и молдаванину тосковать по кишиневскому кафе «Золотой початок», где он ел токаны и мамалыгу; эстонец может выпить в кафетерии чашку черного кофе — точь-в точь такого, какой он пил у себя в Таллине в «Бане Тоомас» («Старый Томас»).

По выходным дням в одной сто-

ловой — украинская кухня, в другой — азербайджанская, в третьей — литовская. Отлично задумано! И посетителей хоть отбавляй. Приходят семьи. Группами. Бедуют, слушают музыку, отымают.

Комсомольские вожаки управления торговли Валя Савина и Гали Ремизова спрашивают меня:

— Нравится?

— Здорово, — отвечаю я.

— Это что, — возражают они. — Вы в молодежном кафе были?

Качаю головой.

— Нет...

— Вы ничего не видели! — ужаются они. — Вы многое потеряли.

Девушки берутся достать билеты в молодежное кафе. Дело не такое простое. По вечерам кафе во власти то никелевого завода, то обогатительной фабрики, то рудника «Угольный ручей». Программу вечера утверждает совет кафе — неутомимые выдумщики из заводов. Совет собирается в горкоме комсомола.

Я попал на вечер молодых турристов. Взошел и сразу забыл, что я в кафе. Вдоль стены плакат:

•Туризм — отличный отдых,
туристы ищущи
платают свежий воздух,
таскают рюкзаки•

Тут же сатирический музей. Экспонаты с комментариями.

На стенах десятки снимков — походы на озеро Лама, через тундр в Игарку, странствия по берегам карельских озер, восхождение на хребты Кавказа, вершины Алтая.

Ребята и девушки разыгрывают драматические сценки, проводят состязания: бег в спальных мешках, кто быстрее привез пуговицы, соберет рюкзак.

Одни пьют кофе, другие танцуют, и все поют песни — сто раз петьте, любимые, зовущие в дальние странствия.

Председатель клуба туристов Юрий Грибин — выпускник московского вуза, горный инженер, романтик и путешественник — вручает участникам вечера туристические амулеты. На груди у меня и у моих спутниц — Вали Савиной и Гали Ремизовой — тоже пестрые человечки, сплетенные из цветных ниток. Мы приобщены к веселому племени туристов и поем вместе со всеми.

Норильчане гордятся своими столовыми и хотят, чтобы они стала еще лучше. И каждый чувствует свою личную ответственность за это. Столкнувшись с малейшей помехой, недоделкой, не-

брежностью, будут добиваться ее устранения. Здесь нет равнодушных, нет сторонних.

Я листал бланки злачной конференции, в которых посетители столовых делятся своими соображениями. Они очень характерны.

Проходчик Евгений Храмов просит администрацию пельменной наладить двери, чтобы не скрипели.

На первый взгляд сущая ерунда: скрипят двери. Махнул рукой и пошел дальше. Но Евгений Храмов здесь не случайный прохожий. Он занят интересованный хозяин. А двери не должны скрипеть!

А вот другой пример. В Норильске задумали каждой столовой дать имя. Номера, цифры скучны, бесполезны, не запоминаются. Как приятно звучит, скажем, «Пойдем в «Северянку»; и совсем по-иному — уныло и длинно — «Не пойти ли нам в столовую № 127?». Об этом рассказал по телевидению художник управления торговли Юрий Бубнов. И теперь от предложений нет отбоя. Доброе дело подхватил весь город.

Такой же отклик получил конкурс на новое молодежное кафе. Люди разных профессий фантазировали, пытаясь в чертежах (порой неумелых и палевых) воплотить свою мечту о кафе будущего.

Наряду с профессиональными архитекторами — премию получила машинист экскаватора Эдуард Батурин. Он не смог представить инженерных расчетов, но его замысел был высоко оценен жюри конкурса.

Я видел проект нового кафе. Его автор — аспирант Московского архитектурного института Александр Шников — вдохновленно отстаивает свое детище. Оно должно отличаться «кликой необычным выражением». Строки пилонов, деревянный подшивной потолок, цилиндрические светильники, низко спускающиеся над столиками, — все это придает кафе современный вид. Но главное, пожалуй, не в этом. В зале-клубе на одной из стен будет изображена карта Севера, а ее присутствуют портреты мужественных исследователей ледовых морей. И еще тут обязательно найдется место для картины такого певца суровой Арктики, как Рокузэлл Кент. Письмо ему комсомольцы, кажется, уже написали.

Кафе получит необычное название — «б-я параллель». Ведь Норильск стоит за Полярным кругом, на 69° параллели!

Вот и представьте себе два этажа из стекла и металла, перели-

зающихся в вечернем сумраке
многоцветием северного сияния!

Я слушал Сашу Шинкова и тоже
мечтал. Я мечтал о том, чтобы
приехали в Норильск энтузиасты.

запевала нового из других городов
страны, кое-чему поучились, перенили опыт, посмотрели то, что
есть и то, что будет завтра.

Конечно, путь неблизкий. Как-

никак 60-я параллель! Но дело
нужное, важное. Все-таки приез-
жайте!

Юрий ЧЕРНОВ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

Никогда бы не мог я подумать в 1924 году, что одну из моих песен будут петь в течение сорока лет. Речь идет о комсомольской песне двадцатых годов «Там, за рекой...».

При каких обстоятельствах я сочинил эту песню и как она вошла в число комсомольских песен,— рассказать об этом и легко и трудно. Легко потому, что я часто слушал, как поют ее; это согревало меня в трудные моменты жизни, и я наизгнала запомнила тот счастливый день, когда ее сочинила. Трудно потому, что прошло сорок насыщенных событиями лет и многое в памяти угласо.

Тот день, в конце марта 1924 года, мне запомнился. Может быть, потому, что топтия печку тогда нам обычно приходилось шелухой подсолнухов и полбовой гречки, а ту мы раздобыли хороших дров. Я рубил дрова. Теплое мартовское солнце обогревало старинную стену женского монастыря в Курске— в его помещениях мы организовали тогда комсомольскую коммуну. В одной из келий под зданием церкви, где сейчас помещается Курский исторический архив, я поселилсяudem с сотрудником редакции газеты «Курская правда» Лаврентьевым. Помню, как, принеся охапку дров, я записывал в толстую конторскую книгу очередной куплет песни:

Там, вдали за рекой,
Засверкали огни,
В небе ясном заря догорала,
Сотни юных бойцов
Из буденновских войск
На разведку в поля поскакала.

Почему именно эти слова возникли тогда в моем воображении?

В апреле 1924 года мне предстояло сдать дела завполитпросветотдела о м 1-го Курского райкома комсомола и по досрочной мобилизации комсомольцев идти в Красную Армию. Я мечтал о службе в коннице (еще в детстве я полюбил лошадей и умел обращаться с ними).

Основной мотив по-
служила мне старая
песня сибирских като-
жан:

Лишь только в Сибири
займется заря,
По деревне народ
просыпается.
На этакном дворе
Слышен звон
Кандалов —
Это ссыльные в путь
отправляются.

Песни катожан тогда были у нас в моде: их любили и комсомольцы и особенно коммунисты, многие из них сами в прошлом отбывали катаргу и ссылки.

Записанная в конторскую книгу, моя песня лежала на дне деревянного солдатского сундука, с которым я приехал на действительную военную службу в Москву, в отряд особого назначения при коллегии ВЧК, подчиненный непосредственно Ф. Э. Дзержинскому. Разместили нас зимой в Покровских казармах, а летом в палатах под березками в Ходынских лагерях. Обмундировались по тому времени красиво: в оставшиеся от старой царской армии офицерские фуражки, голубые с красным околы-
шием и кантом, и в красные галифе с голубым кантом.

Гражданская война окончилась недавно. Не было у нас тогда ни такой развитой промышленности, ни новых строевых песен. По вечерам мы пели шуточные песни и частушки, которые в большинстве случаев сочиняли сами на темы текущих событий. Например: на мотив «Течет речка по песку» пели тогда про отставку английского премьера так:

«Ой, да, Мэнданальд стоял у власти
Э-э-э!
Мэнданальд стоял у власти,
Получил по задней части.
Рад!»

Выходило хоть и не совсем прилично, но здорово. Эти песни особенно сильно звучали у нас в строю, когда мы шли в караул от Красной Пресни к Кремлю мимо

Художник Д. Дмитриев написал картину по мотивам песни «Там, вдали за рекой». Вверху мы публикujemy репродукцию этой картины.

иностранных посольств по Поварской (ныне улице Боровского).

Командиры пас короли: из-за наших песен, дескать, может выйти дипломатический скандал.

Летом 1924 года командир нашего полка Мамушкин и его помощник Аксенов собрали возле своей палатки комсомольское собрание. На повестке дня был один вопрос: «О строевой песне». Нас спрашивали: «Вы комсомольцы, а какие песни в строю поете?» Мы смущались и отпраздновали тем, что от Ходынского лагеря до Кремля не хватает хороших революционных песен — приходится всякие петь.

— Пока не научитесь петь хорошие песни, прикажу водить вас по переулкам, а не по Поварской.

Комиссар полка поставил перед нами задачу: во что бы то ни стало найти, создать и отработать для строевого шага новые песни. Тут я попросил слова и сказал, что у меня есть песня, которую сам сочинял, но не знаю, можно ли ее петь в строю. Попросили принести и прочитать. Песня понравилась. Командир полка распорядился, чтобы старшина Чупраков сейчас же построил на лагерном пацюке роту и начал разучивание. Рота была построена в сокрушенном строю, загнули фланги в тесный круг, скомандовали: «На месте шагом марш!» — я напевал слова, потом бойцы, покачиваясь на месте, подхватывали их и пели всей ротой.

На другой день эту песню мы уже пели в строю, а вскоре ко мне стали приходить запевалы из других частей и записывать слова песни. Так моя песня пошла в народ, не опубликованная ни в печати, ни по радио.

К осени ее пели все части Московского гарнизона. Потом появились и другие песни, мои стали петь реже, года три не было слышно про «сочинение юных бойцов». Признаюсь, я и сам забыл о ней. Но однажды, поздним осенним вечером, я, усталый и чем-то расстроенный, ехал домой в Сокольники в пустом вагоне трамвая. Трамвай оброняя роту красноармейцев, они пели песню, в которой я почувствовал что-то знакомое. Как солнце меня осветило: пели мою песню. Я вскочил и выбежал на площадку. Трамвай быстро промчался, а я все еще стоял, ошеломленный неожиданной радостью.

Значит, не утонул мой «конек во-роной» в море народном, значит, песню не забыли: демобилизованные красноармейцы разнесли ее по городам и селам нашей Родины, и она вернулась опять в Москву. Композитор А. А. Александров разработал музыку для го-

лоса с аккомпанементом, и песню стали печатать во всех сборниках как народную. Я был доволен, что ее поют, и не забылся об авторстве. Демобилизовавшись, я поступила учиться на факультет литературы и искусств в Московский университет.

И. Коель,
Снимок 1924 года.

Скоро эта песня вместо радости принесла мне тяжелые переживания. Кое-кому из студентов я говорила, что слова этой песни сочинены мною. В один из злосчастных дней в вестибюле старого здания университета был вывешен большой лист убористого текста с крупным заголовком: «Список запрещенных песен». Первым на нем был напечатан текст авиамарш «Все выше, и выше, и выше...», а за ним и текст моей песни «Там, вдали за рекой...» Были в том списке и «Гибель «Варяга» и много других песен.

Время тогда было крутое, и некоторые из студентов стали поговаривать, что у нас в университете учатся такие, которые пишут запрещенные песни. Когда я пытались объяснить, какой же порок в этой песне, мне сказали, что юные не должны умирать, а здесь комсомолец умирает. Не знаю, чем это было вовсе кончилось, но в это время японские войска оккупировали Маньчжурию, и меня в счет тысячи коммунистов послали в Дальневосточную армию. Там я с радостью прочел приказ министра обороны о том, что «песню запретить нельзя», что «список запрещенных песен считать недействительным, а песню «Все выше, и выше, и выше» принять как марш авиации».

Интересно, что массовые песни в народной памяти бытуют как волны в море. Они то затихают, то под влиянием определенных со-

бытий вновь поднимаются. Так, перед Великой Отечественной войной мою песню почти не пели, и опять я думала, что она отжила свое, но уже во время войны, в окопах, в землянках, она снова зазвучала.

После войны в предисловиях певицами стали печатать неверные сведения о том, что эту песню пели в 1919 году или что автор ее служил в Буденовской коннице. Это заставило меня подать заявление в Управление охраны авторских прав, и в 1950 году было установлено мое авторство.

В пятидесятых годах большой знаник истории русских песен А. В. Шилов опубликовал в журнале «Советская музыка» и в другой музыкальной литературе сведения об условиях бытования в народе этой песни, — ее поют и плющери ГДР и школьники Монголии. В летописи песенного творчества она считается страницей истории комсомола в гражданской войне.

Недавно вышла повесть Владимира Федорова «Сумка, полная сердец». В одной из новелл этой повести, «Гремучее сердце», рассказано о том, как комсомольцы села Чистый колодезь, Белгородской области, в честь «сотни юных бойцов» посадили перед селом сотню тополей.

Многие спрашивают меня: «Почему же ты за всю свою долгую жизнь только одну песню написала?» По правде говоря, я никогда не считала поэзию своей профессией, а во время Великой Отечественной войны стихи казались мне куда менее значительным делом, чем командование ротами в обороне и в наступлении. Но, кроме того, здесь сыграло роль еще одно обстоятельство: двадцать лет я ходила, что называется, под обухом. В 1937 году был оклеветан и исключен из партии. В 1941-м в ополчение пошел рядовым: без двадцатилетнего партийного стажа и без десятилетнего воинского стажа и звания. В 1943 году на Калининском фронте меня вновь приняли партию без восстановления стажа, и только в 1957 году Партийное при КП СССР признало исключение неправильным, и мне выдали партбилет со старым стажем — с 1924 года.

Теперь рассудите сами: до песен ли мне было?

Я считаю себя, дорогие юные товарищи, перед вами в долгу. Ведь мне только 62 года. Не смейтесь, мы еще споем. Вот жаль: сплясать теперь уже опоздал.

И. КОЕЛЬ

ВЫСТАВКА, КАКИХ НЕ БЫЛО

Еще ни одна выставка из открывавшихся в помещениях «Юности» не имела подобного успеха. Разговоры и слухи о двенадцатилетней девочке, наделенной удивительным даром, быстро распространялись по Москве, точно расходились они по большому городу торопливыми концентрическими кругами. И случилось так, что, уступая многочисленным и очень настойчивым просьбам посетителей, редакция вынуждена была прородить выставку рисунков Нади Рушевой еще на месяц. Но поток желающих увидеть работы юной художницы не только не иссякал, а ширился с каждым днем.

Около трех тысяч москвичей и гостей столицы побывало за это время в небольшом выставочном зале редакции.

Уже не хватило одной довольно обременительной «Книги отзывов». Пришло положить вторую. Своими впечатлениями и раздумьями о выставленных работах, о таланте девочки делились взрослые и школьники, техники, инженеры и профессиональные художники, туристы из Соединенных Штатов Америки и делегация писателей Индии. Свои записи в книге оставляли коренные москвичи и приезжие из других городов нашей огромной страны.

«То, что я увидел своими глазами, — пишет инженер из Перми, — удивило и восхитило меня. Очень хотелось бы видеть эти

рисунки и в других городах, например, у нас в Перми».

...Нам бы хотелось пожелать, чтобы выставка была показана в гор. Кызыле».

«Рисунки Нади Рушевой — это радость творчества. Как хорошо было бы показать их у нас в Башкирии».

О многом заставляет призадуматься запись одного из старейших наших скульпторов и педагогов, В. Ватагина: «Её рисунки далеко выходят за пределы «детского творчества», но и среди взрослых художников едва ли многие могут поспорить с легкостью ее техники, с чувством

Античная колесница.

«Нензгладимо впечатление от выставки произведений Нади Рушевой! Прелесты! Большое спасибо организаторам выставки. Художник [Львов]».

«Надюша, ждем вырасти в большого, настоящего художника. Свердловчане».

композиции, с остротой ее образов — с ее творческим восприятием мира... Таланты такого рода являются достоянием всего народа — государства. Вся художественная и педагогическая общественность ответственна за них».

Необходимо создать для необычных талантов и необычные педагогические установки. Художественные институты, рассчитанные на средний уровень, бесполезны, а может быть, вредны для них».

Хорошей заботой о будущем художницы исполнены многие записи.

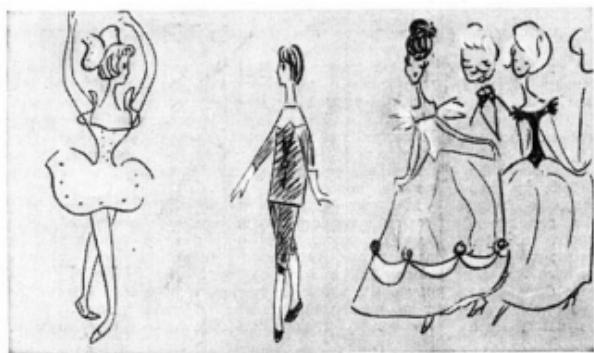
«Рисуй с натуры внимательно, тонко. В природе линии еще тоньше, краснее».

Художник Рудаков».

«Так как ты все равно будешь учиться, а это может засушить твои прекрасные возможности, то параллельно с учебой делай много работ в той манере, в которой работаешь теперь...»

И. Ганф».

Еще одна запись: «Девочке, конечно, нужно учиться у жизни, а не у модных журналов. Поражает отсутствие интересных цвето-

Танцует Суон.

ных решений: это для ребенка не характерно, но характерно для журнальной продукции. Надеюсь, учусь у природы.

Художник [подпись не разборчива].

Невозможно, да и нет нужды

пересказывать все записи в «Книге отзывов». Пожалуй, их можно соймстить в одной, сделанной немецким писателем Альфредом Курреллом:

«Какая неожиданная полнота очаровательных, веселых, умных

придумок! Какое неизчерпаемое богатство все новых образов и тем! Можно только поздравить редакцию «Юности» с этим открытием и советскую молодежь с такими талантами, которые возникают в ее среде».

«НАЧИНАЮЩИЕ МЕНЕСТРЕЛИ»

В первые я увидела их в мастерской знакомых скульпторов. Там всегда бывает людно и весело.

Там пьют крепкий чай, заваренный на электрической плитке, едят бутерброды с бекалажановой икрой и решают извечные проблемы, чтобы назвавтра вновь подвергнуть их сомнению и начать все сначала.

Был в один из таких вечеров, когда устали спорить, кто-то сказал: «Знаете что, пусть лучше ребята споют». И тогда двое взяли гитары и стали петь...

«Как гром гремит команда: равняйся! Налево или направо? Теперь пускай ударят канонада, а там посмотрим, кто кого...» Это был марш гренадеров, участников войны тысяча восемьсот пятнадцатого года.

А потом была песня кавалергардов: «Наши папашки — чудо хороши! Ужасны мы в бою, как леопарды...» А потом — песня бомбардиров.

Песен было много. Сначала о ратниках первой Отечественной войны, потом о моряках, тайфунах и циклонах, а потом студенческие — озорные и молодые — с походами, разлуками и любовью. Слушая эти песни, хотелось открыть окна, хотя бы мороз, и раздвинуть стены, и поднять потолки, чтобы стало всего больше: и воздуха, и места, и нашей молодости, и нашей веры.

Второй раз я увидела этих двух ребят в фильме «Улица Ньютона — один». Они там пели на какой-

то вечеринке, где все занимались своим делом и не обращали на певцов никакого внимания. И песням было одноко и неутихи на экране. Потеряв слушателей, они потеряли себя. Эти песни нельзя исполнять перед темным залом. Они требуют живой реакции.

И вот Юлий Ким и Юрий Ковалев пришли в редакцию «Юности». Их привел поэт Борис Слуцкий. Их пришли послушать другие, не менее известные поэты. Узнав, что будут песни в исполнении автора, да еще под гитару, некоторые насторожились: вспомнили дурных подражателей Окуджавы и плохие фильмы с неизменной семистрункой. (Гитара стала чем-то вроде зубного сангири, который не может вылечить плохой фильм, но все-таки обсажает его и придает настроение.) Итак, песни Кима ждали с предубеждением. Тем убедительнее был успех. И гитара не помешала. Напротив, она как бы дополнила и оформила стихи. Рифма чеканилась ритмом, мелодия вписывалась в строфу и становилась ее обязательным компонентом. Ка-

залось, что и стихи, и музыка, и даже манера исполнения складывались одновременно, как в присутствии и при участии слушателей. Когда-то таких поэтов называли менестрелями. Правда, они странствовали и бродягничали, а наши живут в Москве. Но в песнях своих они остались такими же странниками-мечтателями, какими были из далёких предшественников.

Их хвалили. Говорили всякие профессиональные слова о новой форме и свежих образах. И о том, что порой не хватает мастерства и раскованности, что многое еще подражательного, наивного. И теперь для них самое главное — выработать свой поэтический голос. В общем, как поется в их же песне: «Берите леера, крепите кливера... отчаливать, ребята, пора!»

На этом можно было и кончить. Делать подробный анализ творчества «начинающих менестрелей» еще рано. А пожелать, доброго пути в самый раз. Но дело в том, что Ким не только сочиняет песни, а Ковалев не только поет их вместе с ним. В тот же вечер мы увидели рисунки и керамику Коваля. Но и это не все. Оба они пишут стихи и всерьез подумывают о прозе. Есть уже рассказы, задуманные повести...

На фото слева — Ю. Ким, справа — Ю. Ковалев.

И опять же все. Занимаясь искусством, они не бросают того глянцевого поприща, где из одаренности нужна не меньше, чем в песнях и живописи. Они закончили педагогический институт и не собираются бросать школу. «Можно только позавидовать ученикам, у которых вот такие педагоги», — сказал кто-то из присутствующих на вечере. Такие воспитатели не могут учить только тому, что знают [а знают много]. Нет, они наизнанку учат и тому, как знают, как думают, как говорят, как шутят, как мечтают.

Теперь кажутся странными рассуждения о том, нужен ли инженер Репин и так ли уж обязательно передовому рабочему знать музыку Шостаковича. Принцип пора перестать умываться в сплюшокать по поводу того, что рабочий П. регулярно ходит в театр, а врач К. посещает лекцию о современной живописи. Мы и не заметили, как культура из очага, у которого грелось единство, превратилась в гигантскую пламенную печь, способную дать духовное тепло миллионам. Это вовсе не значит, что проблема гармонического духовного развития решена. Но она уже не диво, не фантастика. Она сегодняшний день нашей жизни. Но есть уже завтраший, и его нельзя не замечать. Происходит удивительная вещь, о вероятности которой когда-то говорил еще Гете: «Человек в состоянии создать многое, путем целесообразного использования отдельных сил. Он в состоянии создать исключительное, благодаря взаимодействию различных способностей». Новое искусство всегда рождается с новым человеком. А этот новый человек, одновременно пронизывающий собой взаимодействие различных способностей, безусловно, появился.

Все больше идут в литературу непрофессионалы. И сегодняшний день нашей молодой поэзии и прозы определяют в значительной мере и те, кто не кончал никаких специальных литературных институтов, а продолжает ставить опыты в своих лабораториях, проектировать вычислять, лечить... Любительские фильмы порой не хуже профессиональных. Какой-

нибудь экспериментальный студенческий театр бытует не менее интересным, чем настоящий.

В мастерской одного художника я как-то встретила человек пять его учеников. Оказалось, все они где-то работают или учатся. Но не могут жить без живописи, которой не «баблются» в часы досуга, а занимаются так же серьезно, как и своей основной профессией. А многочисленные «менестрели», чье песни поют все, хотя ноты и слова иногда не опубликованы в магазинах не продаются!

А всевозможные клубы любителей — кино, театр, фото, живопись! Даже сами члены этих клубов не подозревают, что они давно перешагнули уровень любителей. Я вовсе не хочу сказать, что явление это массовое, что мы просто заходимся от гармоничного талантливых людей. Но они есть, и, кто знает, может быть, именно им принадлежит завтрашний день искусства.

Обо всем этом я думала, когда слушала песни Кима, когда читала его стихи, смотрела рисунки Коваля и вспоминала путь короткий, но уже достаточно богатые биографии этих ребят. После института они уехали из Москвы. Одни — на Камчатку, другой — в самую что ни на есть глухую деревню в Татарии. Они приехали туда не «отбыть срок», а поделиться с людьми теми небольшими, но все же накоплениями, которые успели приобрести за свои двадцать три года.

В школе они преподавали литературу, историю, географию, рисование, пение. В местном клубе они организовали театр, хор и эстрадный ансамбль. Они читали лекции о живописи, музыке и литературе, они выпускали газету и устные журналы. И продолжали писать стихи, песни, а Ковалю много рисовал, и несколько его этюдов было напечатано в московских журналах. Они не знали, когда встретятся, но не сомневались, что рано или поздно это обязательно случится, и тогда они обединят свои способности именно для целесообразного их использования. И встретились...

Алла ГЕРБЕР

ПЕРВЫЕ МЕДАЛИ БЕЛОЙ «РОМАШКИ»

«Ромашка» получила свои первые две медали. На этот раз гадание: «Любит не любить — было решено в пользу самой «Ромашки» и ее создателей.

Именем простого полевого цветка называлась короткометражный фильм любительской киностудии Московского института стала, снятый его выпускниками Юрием Решетниковым (режиссер) и Александром Лотоцким (оператор). А медали — это награды, которые привезла «Ромашка» с международных фестивалях любительских фильмов этого года. Ей очень повезло: из канадского города Ван-

кувер она вернулась с бронзовым призом, а майским вечером в Берлине (Югославия) она получила серебряную медаль.

Итак, московское кинолюбительство завоевало две медали международных конкурсов 1964 года.

Что же это за фильм, и так ли уж он прост, как цветок, именем которого назван?

«Ромашка» — одна из частей экспериментального кинопроекта студии «МИС-фильм» — «Гаммы». И она не случайно стала международной чемпионкой и была награждена за успешные поиски новых киноформ. Победа «Ромаш-

ки» — это результат кропотливых исследований и огромной любви к искусству.

Прежде чем испробовать свои силы в овладении сложностью «ремесла», киностудийцы «МИС-фильма» были вынуждены начинать с азов: учиться снимать, строить декорации, пользоваться киноаппаратурой, проявлять, монтировать и озвучивать. А когда одних технических знаний оказалось недостаточно, стали проводить занятия в «шалом ВГИКе» — своей студии по режиссуре, операторскому мастерству, художественному оформлению, истории киноконструкции.

Но желание быстрее попробовать на деле свое умение подогнало. Так появилась первая хроника — о жизни студентов института, а затем фильмы-журналы «Первомай», о южном лете в спортах и другие.

И, наконец, в 1961 году — первый большой игровой фильм «МИС» — музыкальная поэма о буднях и радостях родного института. Фильм был показан более трехсот раз и получил дипломы на Московском городском конкурсе любительских работ, на конкурсе телевизионных фильмов, а в 1963 году — на Всесоюзном конкурсе кинолюбителей.

Это была большая победа, признание, успех. Но радость не вскружила голову, а заставила идти дальше, снова учиться, исправляя ошибки и просчеты. Стальные ленты казались теперь недостаточно выразительными по форме.

И снова поиски... Что снимать, кинолюбителям из «МИС-фильма» давно уже определили для себя. Их волновали основные проблемы молодого современника: настоящая любовь, формирование правильного мировоззрения, выбор дела жизни. А как снимать, они пока еще не знали, первое, не проверяли на практике. Ведь наука кинематографии — огромное здание со множеством лабиринтов. И вот они начали поиски путей. Самых верных, надежных и прямых. Постепенно отбирались точные, эмоционально воздействующие на зрителя изобразительные средства. Результатом явился этюд «Гаммы», снятый в 1962 году.

Одна из частей «Гаммы» — белая «Ромашка» с зубчатым венчиком трепетных лепестков — стала олицетворением достигнутого мастерства. В работе над этим фильмом принимала участие большая часть творческого коллектива студии, а актерами были сами студенты.

Используя такие средства, как динамический экран (о котором мечтал С. Эйзенштейн и первым применил А. Довженко), тоянную мимическую игру актеров, крупные планы, своеобразное освещение и неожиданные интересные ракурсы, авторы по-новому возвращаются к немому кино. Этот микрофильм идет всего несколько минут. Герои фильма не произносят ни одного слова. Но за это короткое время зритель успевает проникнуться необычайно лирическим настроением двух молодых людей. Она — спокойная, немножко

Оператор А. Лототский в поисках интересного ракурса.

медлительная. Она просыпается через час после того, как должна была встретиться с ним. Он — пылкий, любящий, терпеливый. Фильм начинается почти эксцентрически: он прыгает по дорожкам парка через скакалку ясным, солнечным утром, от спешит на место свидания к главному входу в парк. Но ее нет. Нет час, нет два, и он начинает волноваться. Играют дети в песочнице, старик читает газету, мраморные скульптуры античных богов с высоты своего величия, кажется, посыпаются над нашим героем. Его волнение постепенно передается зрителю, потому что она, оказывается, не очень торопится, тщательно умываясь, приготовляя себе завтрак. А он уже потерял надежду найти ее и безнадежно кружит по парку. Наконец она появляется. Их встреча полна радости.

Казалось бы, все просто и даже банально. Но это не так, и не так потому, что история эта рассказывает о по-особому, при помощи нового, оригинального художественно-технического приема. Он заключается в использовании изменений формы экрана и его движений: то он горизонтальный и спокойный (когда в кадре герояния), то вертикальный, узкий, и «прыгающий» (когда в кадре герой). Экран бегает как бы вместе с героем по парку или плавно и мягко опускается сверху вниз и наоборот, а иногда герой выходит за свешивающейся экран — на темную стену зала.

Авторов фильма интересовал отнюдь не формалистический трюк, их волновал вопрос о том, можно ли раздвинуть сковывающие рамки обычного экрана с соотношением сторон $3\frac{1}{2} \times 4$ и, подобно тому как живописец распологает композицию своей картины в произвольном прямоугольнике, построить произвольную композицию кадра. Отсюда и родилась идея менять форму и размер светящегося пятна на экране так, чтобы оно соответствовало характеру и настроению изображаемого. Опыт удался, и авторы его надеются когда-нибудь в большом фильме вернуться к эксперименту и использовать найденное.

Шестой год работает студия «МИС-фильм», названная так в честь института, где она родилась. В ней около двадцати членов: это студенты, выпускники, инженеры. Руководит студией на общественных началах Юрий Решетников — тоже питомец института, а сейчас слушатель Высших режиссерских курсов. У «МИС-фильма» есть свое специально оборудованное помещение, в нем все необходимо, почти как у профессионалов: съемочный павильон, просмотровый зал, монтажная, звукоцех, разнообразная киноаппаратура. За пять лет кинолюбители усовершенствовали студию, установили строгий порядок ее работы.

Они постоянно учатся, проводят дискуссии, обсуждения, совершенствуют свои знания и накапливают практический опыт. Много времени уделяют разбору сценариев, спорят о замыслах, выезжают на съемки, работают без выхода по несколько часов в павильоне.

Каковы же их планы? У них есть заветная мечта — двухчастевой игровой фильм-комедия о студенчестве. Он еще не имеет названия, но съемочная площадка ясна: это аудитории, коридоры института, общежития...

Сейчас собирается и обрабатывается сценарий материала, в подготовке которого принимает участие каждый член студии, а осенью научится съемки. И хочется верить, что будущий фильм о московских студентах тоже получит награду на очередном конкурсе любительских работ и его увидят зрители не только нашей страны, но и за рубежом.

Алла ЛАРКИНА

«ПОЧЕМУ»? —

спрашивает болельщик...

Это «почему» я и все мои товарищи по Всесоюзной федерации футбола слышим десятки и сотни раз на день. Действительно: почему мы проиграли сборной Испании? Почему покрыла себя позором наша олимпийская сборная?

Конечно, можно искать ответы, блуждая в потемках теоретических дебрей или взлетая с волнами на волны многословных «философских» рассуждений. Но я попыталась просто восстановить в памяти весь ход событий. Возможно, чистые, неприкрашенные факты многое объяснят читателям.

Это было в солнечный день в Мадриде накануне финального матча на Кубок Европы по футболу. В гостиницу, где поселилась наша команда, пришел известный центрофорвард Ди-Стефано.

Я раньше много слышал о нем. Он представлялся мне здоровым, атлетически сложенным парнем. А на самом деле передо мной стоял худощавый, среднего роста брюнет, с породичной лысиков.

Естественно, трудно было удержаться от соблазна пронтервьюировать стол из известного футболиста. Принуждать его делать какие-то прогнозы на завтрашний матч было быстракто. Но узнать мнение об игре испанской команды было соблазнительно. И, пожалуй, мы были не очень вежливы с Ди-Стефано, когда с настойчивостью журналистов попросили ответить на несколько вопросов. Прославленный спортсмен сначала коротко рассказал о себе: он играет за «Реал» (Мадрид) десять лет, за это время забил 470 голов, в том числе 23 мяча забил, выступая за сборную команду Испании. Но увы, заметил Ди-Стефано, сегодня он и его товарищи Хенто, Сегара, Сан-Тамария, по мнению тренеров, игроки уже вчерашнего дня.

Это было примечательно и настораживало, поскольку эти спортсмены все еще являются игроками сильнейших команд Испании. Больше всего мы удивились, когда Ди-Стефано сказал, что, по его мнению,

самым трудным для советских спортсменов будет необычайно быстрый темп футболистов Испании. Признаться, я даже про себя ухмынулся: быстрая игра — это всегда было самым сильным нашим оружием. Короче говоря, мы не придали особого значения словам Ди-Стефано.

Надо сказать, что большинство наших спортсменов были уверены в победном исходе завтрашнего матча. Я, например, спросил у Валентина Иванова, как, по его мнению, кончится игра. «Выиг्रаем, Андрей Петрович!» То же самое сказал и Янин: «Должны выиграть!» Когда я зашел к Воронину и спросил, как он себя чувствует, он ответил: «Превосходно!» «А как, ты считаешь, будет завтра?» «Должны побить испанцев».

Накануне игры мы долго сидели с К. И. Бесковым, еще и еще раз перепроверяя кандидатов в состав команды. Ведь перед матчем всегда имеются сомнения по поводу отдельных игроков. Меня особенно беспокоила кандидатура Шустикова на место правового защитника. Но довод К. Бескова, что Шустиков хорошо себя показал на предварительных играх во Франции, окончательно склонил меня к этой кандидатуре.

Чтобы узнать, насколько наше мнение совпадает с мнением игроков, мы попросили каждого написать: какой состав команды предлагает он лично. И почти все высказались за игроков, которые были выставлены на игру в финале Кубка Европы. Почти все. Это заставило нас прийти к категорическому мнению, что состав команды правильный: он совпадает с настроением и желаниями спортсменов.

С желанием и настроением победить наши ребята вышли на поле.

С первой же минуты игры, после первых же комбинаций, стало очевидно, что испанцы предложили бешеный темп. Я сразу вспомнил Ди-Стефано, но надеялся, что такое начало испанцев вызовет ответную реакцию у наших ребят. Однако чем дальше развивались события на поле, тем очевиднее становилось, что такой темп испанцев и резкая их игра были несколько неожиданы для нас.

Один из острых моментов финальной встречи на Кубок Европы: А. Шестерней отбивает мяч.

Мы думали, что наши противники применият прессинг, ожидали темпераментной игры и великолепного мастерства. Испанская команда всегда считалась одной из лучших в Европе. Но трудно было предположить, что все эти превосходные качества проявятся в таком единстве со скоростью и при том на протяжении всей игры.

Порой казалось, что энергия испанцев скоро иссякнет, что на таких стремительных рывках трудно пролететь всю встречу. Но наши противники продолжали играть, не снижая темпа, крепко «взявшись» каждого из советских футболистов в любой точке поля. Вот тут-то и выяснилось, что не все наши спортсмены чувствовали себя уверенно, оказавшись в ходе боя на непривычных им местах.

Прежде всего это относится к правому защитнику Шустикову и левому полузащитнику Корнееву.

Корнееву достался «плодородный», который меня лично поразил своей выносливостью, не говоря о классической технике его игры. Я имею в виду Суареса. У Корнеева не хватило ни тех скоростных качеств на большом пространстве, ни того опыта, который владеет Суарес.

В течение всей игры испанец проделал гигантическую работу, правда, прибегая иногда к уловкам, не принятые, нехорошими, портящим впечатление от его игры, но, вероятно, вынужденными: Суарес несколько раз ложился на поле и делал тайм-паузу. И тем не

менее этот игрок показал себя мастером самого высокого класса. При отличных индивидуальных качествах он оказался и великолепным дирижером, который всегда направлял игру в самое уязвимое для нас русло.

К перерыву стало ясно, что противник нам попался в высшей степени трудный и что обыграть его можно только при полном напряжении всех дополнительных усилий. Успех, которых, как нам казалось, наша команда в силу некоторой нервозности полностью еще в первом тайме не проявила. Когда мы с Бесковым пришли в раздевалку, первое, о чем стал говорить тренер ребятам, было: нужно сделать дополнительные усилия, испанцы не могут выдержать такого бесценного темпа, они, безусловно, где-то снизят его, и именно в этот момент дополнительная энергия решит судьбу соревнования в нашу пользу. Надо признать, что все мы, присутствовавшие в раздевалке, в том числе все игроки, не потерявшие еще надежды на успех, верили, что второй тайм должен пройти под знаком нашего физического превосходства. Уж слишком много усилий затратили испанцы для того, чтобы в первой половине матча удержать инициативу в своих руках.

И действительно, в первые пятнадцать минут второго тайма наша команда повела уверенное наступление. Возникло даже несколько моментов, когда мы могли взять ворота испанцев, но Хусайнов на какую-

то долю секунды передержал мяч. Понедельник недостаточно сильно ударила по воротам, и вратарь кончиками пальцев успел отвести мяч в сторону от штанги.

Однако дополнительная энергия нашлась и у испанцев. Примерно с 15-й минуты они вновь перехватили инициативу, и игра продолжалась том же, прямо скажу, бешеном темпе, который когда-то отмечал нашу команду, но в данном случае проявлялся со стороны испанцев.

А когда до конца игры оставалось несколько минут, произошло непоправимое. Шутников не дотянулся на подачу справа, и в молниеносном броске Марселино головой с близкого расстояния забил решающий гол в наши ворота.

Сейчас, по прошествии времени, когда страсти несколько улеглись, можно уже без потери самообладания проанализировать, что же произошло и почему мы не смогли одержать решающую победу в игре на Кубок Европы.

Известно, что футбол стоит на четырех «китах». Я имею в виду морально-волевые качества, техническую, физическую подготовку игроков и тактику.

Что же представляла собой наша команда в этих четырех аспектах?

Морально-волевая подготовка. Излишняя вервоздность, излишняя «перепакачка» игроков иногда пагубно отражается в ходе соревнований. Спортсмены, как говорится, «переторгаются» еще до игры, и это первое переваривание вызывает физическую усталость.

«Перепакачки» ли мы в данном случае наших спортсменов разговорами об ответственности соревнования, о патриотическом долге, разговорами о необходимости во что бы то ни стало выиграть матч?

Думается, что к этому подходили осторожно, так или иначе снимая первое переваривание игроков. Ребята сами прекрасно понимали все значение предстоящего матча. А мы старались как-то обеспечить им хорошее самочувствие, уверенность в своих силах, стремились дать понять, что мы верим в них, в их моральную устойчивость, в их волю к победе.

Поэтому мы по возможности старались хоть как-то, хоть на время отвлечь их мысли от футбола. Всей командой мы побывали в музее Прадо, где любовались картинами Гойи, Веласкеса, Мурильо, Эль Греко и других величайших художников Испании. Побывали на концерте народных испанских песен и танцев. Короче говоря, мы делали все, что хоть как-нибудь могло помочь найти нашему коллективу нужное психологическое равновесие. И с этой стороны, мне казалось, ребята были готовы к тому, чтобы принять бой любого напряжения. И, на мой взгляд, в этом отношении они упрека не заслуживают.

Техническая и физическая готовность. Мастерство — всегда решающий фактор. Но, говоря о технике, никогда не следует забывать о том, что ее нельзя приобретать ценой снижения атлетических качеств.

За последние годы было много разговоров о том, что наш футбол малоизразительен, что он якобы не составляет эстетического удовольствия. Доля истины в этом была. Нашему футболу действительно еще порой не хватает филигранности, не хватает гибкости, может быть, разнообразия действий. И, вольно или невольно, под влиянием этих настроений в нашем клубном футболе наметилось увлечение чистой техникой, и только техникой. Наши нападающие где-то позабыли о той силовой, атлетической игре, которая является обязательным компонентом даже при нали-

чии первоклассной техники. В данном случае у испанцев сочетание атлетики и техники было более качественным, нежели у нас.

Совершенствуя технику обработки мяча, мы не должны забывать, что и в футболе живем в век больших скоростей, что не может принести большого успеха тенденция наших форвардов играть, рассчитывая главным образом на свое техническое мастерство, не проявляя хорошей физической подготовки, не применяя силовой борьбы. За счет одной только техники можно обыграть команду, которая слабеет по спортивному мастерству. Но там, где встречаются команды экстра-класса, там «перехитрить» нельзя.

Действия испанцев при вторжении на нашу штрафную площадку происходили на реактивных скоростях. А мы, развертывая атаку, снижали темп, искали такие обстоятельства или моменты, которые позволили бы работать в неторопливой манере. А в результате часто очень выгодный момент оказывался упущенными. Так было, когда Понедельник долго и неторопливо готовился, чтобы изловчиться и нанести завершающий удар. Так было, когда В. Иванов несколько медлительно искал возможность пробить по воротам.

Если бы случайно превратился в человека, который в течение многих лет не был на футбольных матчах, и если бы меня привели на стадион в Мадриде, а затем спросили: «Где тут советские, а где испанские футболисты?» — сказал бы, что советские — в синих майках, потому что игра этой команды опирается на атлетическую подготовку. А в красных майках играют так, как некогда играли австрийцы, как играли в недалеком прошлом некоторые итальянские клубы: не торопясь, плетя кружева фингтов и передач.

Короче говоря, выйдя на финальный матч Кубка Европы, мы оказались как бы эпигонами зарубежного футбола. Испанцы же играли в наш футбол; они подняли наше оружие, отточили его — и выиграли.

Какой же вывод можно сделать из всего этого? По-видимому, необходимо вновь вспомнить добрую и старую традицию советского футбола: ведь он всегда рассматривал физическую подготовку как главный фундамент и для техники, и для тактики, и для лучшего проявления морально-волевых устремлений. Возрождая эту традицию надо прежде всего в клубных командах.

Тактика. Я не могу сказать, что испанцы обыграли нас тактические. Разговоры о том, что мы играли всю игру по схеме 4—2—4, а наши противники играли 5—2—3 или 5—5 и что именно это предопределило исход сражения, — эти разговоры, мне кажется, неправильны.

Во время игры тактические действия все время вилются, и игра принимает иное выражение, нежели это преподано, допустим, на хорошо размноженном квадрате. Система вносит определенное организующее начало, но она не догма, которой строго «по чертежу» придерживается команда в ходе всего матча. Наоборот, творческие действия игроков часто выходят за рамки принятой схемы и видоизменяют «арифметику» линий. Так было и в данном случае. И я бы не сказал, что хозяева поля были изобретательны в своих тактических действиях, нежели наши игроки.

Могли ли мы выиграть у испанцев, принимая в расчет все вышесказанное? Конечно, могли. Один забытый гол во второй половине игры в ворота хозяев поля, думается, мог бесповоротно решить судьбу матча в нашу пользу. Возможность такую имели и

Виктор Понедельник и Оливелья (Испания) в борьбе за мяч.

Понедельник, и Хусанин, и Численко. Но даже в случае победы над испанцами мы должны были бы сказать об утраченном превосходстве в физической подготовке футболистов.

Фундамент советской школы футбола — разносторонняя физическая подготовка — нуждается в укреплении. Иначе стены — техника и тактика — будут рушиться, и строительство здания победы в мировом чемпионате мы не законим.

После чилийского чемпионата тренеры много времени уделяли совершенствованию техники и индивидуальному мастерству футболистов. Правильно делали! Нам удалось воспитать хороших солдатов. Это хорошо. Образно говоря, хвост нам удалось вытащить, технику мы подтянули. Но при этом нельзя допускать, чтобы увязла голова.

Кубок Европы — этап в подготовке к мировому чемпионату. Не приходи в отчаяние от неудачи, нужно в оставшееся время поправить обнаружившийся недуг.

Болезни клубов — болезни сборных. Ясно, что упреченные преимущество в темповой игре сказалось и на выступлениях олимпийской команды. Однако мерить одной меркой итоги выступлений наших команд в Кубке Европы и предолимпийском турнире нельзя.

Сборная команда при всем огорчении, которое она нам принесла, проиграв испанцам, представляет собой смазенный, высококлассный и дисциплинированный коллектив, проверенный в спортивных боях на самом высоком уровне. Вспомним победы над итальянцами, в мексиканском турнире, над шведами. В Мадриде команда вышла на поле, имея на основных местах игроков, неоднократно выступавших плечом к плечу, локоть к локти.

Другое дело — олимпийская команда, выступавшая в Варшаве. Шесть игроков были включены в состав,

что называется пакануне решающей, третьей игры. Повторился печальный опыт предыдущего олимпийского турнира, когда наша команда проиграла сборной Болгарии. Тогда состав сборной тоже был скомплектован столь же неожиданно.

Старший тренер В. Д. Соловьев — опытный специалист по футболу. Он сам прошел большую школу игры. Наверное, он знал, что одиннадцать даже самых ярких звезд не всегда сильная команда. И все же Соловьев поддался обманчивому соблазну «укрепить» коллектив вроде бы сильнейшим на данный день игроками. Игроков осуждать не следует. Да, у Аксинина не выдержали нервы. Но где он их закалил, чтобы хладнокровно дебютировать в таком матче? Такой закалки он не прошел. Конечно, не успели на-

брать лучшую спортивную форму долго не игравшие по случаю травм и болезни Г. Логофет и М. Хурица.

В данном случае проигрыши в Варшаве оказались поражением руководства, а не игроков. Я говорю «руководство», имея в виду не одного старшего тренера. Было бы несправедливо делать его «стремохином», единствено виновным в крушении «олимпийского поезда», не довезшего надежды миллионов любителей спорта до Токио.

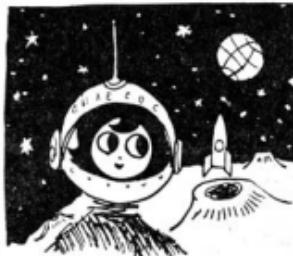
Катастрофа в Варшаве могла и должна была бы предотвратить и автор этой статьи, бывший в то время начальником сборных команд, и старший тренер сборных команд К. И. Бесков. Мы не присутствовали на Варшавском стадионе. В дни подготовки к третьей, решающей игре с командой ГДР я и Бесков находились в Испании. И все же с нас нельзя снять ответственности за происшедшее. Когда на карте стоит престige советского спорта, объективные причины в оправдание приниматься не должны.

Удар по престижу был очень силен, чувства любителей футбола глубоко оскорблены. И Федерация футбола и Союз спортивных обществ и организаций должны задуматься над тем, что такие провалы не могут быть следствием недоделок отдельных специалистов.

По-видимому, организационная рыхлость наших общественных спортивных организаций привела к такому печальному результату, когда, как говорится, на глазах у многих иных дня осталось без глаза.

Но не следует из-за варшавского провала мазать черной краской весь наш футбол. Серебряные медали в Кубке Европы свидетельствуют о хорошем классе наших мастеров. И у нас еще есть время до начала Лондонского турнира исправить обнаружившиеся недостатки, которые открылись во время матча с сильнейшей командой Европы.

Я очень люблю фантазировать. И вот однажды я нафантазировала несколько рассказов. Отнесла их в соседнюю редакцию.

Редактор спросил:

— Неначально. Фантазия должна быть четная, ясная, понятная.
— Тогда, — сказала я, — вам надо печатать учебники физики.

— Учебники — это научно, но недостаточно ясно. Некоторые ученики даже двойки по физике получают. Нам бы что-нибудь типа Жюля Верна...

— Ничего себе, реалист: «Из пушки на Луну»!

— Ну и что же, скоро полетим.

— Не из пушки же, а в ракете. Стало быть, Жюль Верн тоже не всегда научен.

— Вы меня, девушки, не путайте. Вы лучше свою фантазию реальными делами доказывите.

— И докажу! — сказала я, хлопнув дверью.

И доказала. Пришла в свой журнал и открыла отдел «Ненаучная фантастика». Правда, напечатать свои рассказы я все-таки не решилась. Подумала, пусть сначала другие попробуют. Так будут реальнее.

Галка Галинина

Б. СУХАРЕВСКИЙ

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ТОЖЕ СПОСОБ

а бракоразводном процессе был обявлен и первый. Истец вышел на улицу и подозвал Машину Времени. Водитель ехал к кулу

счетчиком.

— Куда поедем?

— В Прошлое, — буркнул Истец.

В Прошлом на зеленой садовой скамейке сидела девушка и читала стихи Евтушенко. Истец подошел к ней. Девушка подняла глаза и обрадовалась.

— Толя!

— Кому Толя, а кому и Анатолий Сергеевич, — суроно ответил Истец. — Так вот, слушай. Я тебе сделал вчера предложение?

— Сделал... — Девушка от изумления даже заикнулась.

— Я могу сейчас же взять его обратно!

— Как обратно?

— А ты будешь надо мной издеваться? Ты будешь кри-

чать, что тебе скучно, когда я готовлю диплом? Ты будешь требовать, чтобы я на последние деньги купил тебе телевизор?

— Не буду...

— Так. А когда мы поссоримся, ты будешь убегать к мамаше и устраивать мне форменный бойкот?

— Не буду...

— Так... — Голос его прозвучал удовлетворенно. — А в тайне со мной поедешь? Не будешь заявлять, что создана для крупных промышленных центров?

— Не буду, Толенька, ми- ленький!

— Поклянись!

— Клянусь!

— Так... — Он сделал паузу. — А Олегу Шестерикову будешь делать глазки?

— Какому Олегу? Я не знаю никакого Олега!

— Еще узнаешь... Значит, клянешься?

— Клянусь!

— Ну подожди здесь. Он подошел к Машине Времени.

— Много нащелкал?

— Полтинник, — флегматично ответил шофер. — Полчаса стояночки.

— Мог бы между про-

чим, и выключить... — проговорил Истец, усаживаясь.

... В зале суда сидела хорошенькая молодая женщина. На лице ее было написано недоумение.

— Толенька, зачем мы здесь? — спросила она у появившегося Истца.

— Подожди.

Он подошел к Судье.

— Уладили? — тихо спросил Судья.

— Порядок! — ответил Истец и подмигнул.

— Ну, можете быть свободны.

МУДРЕНЫЙ ВОПРОС

Рисунок И. Бронникова.

Директор научно-исследовательского института был большим любителем всевозможных задач-головоломок. Однажды в обычный рабочий день сидел он в своем кабинете и, позавив о текущих делах, увлеченно решал кроссворд. И вот остался предпоследний, самый трудный вопрос: игра. Ответ должен был состоять из семи букв, причем три из них были известны: «а-а-д». Думал-думал директор, что же это за игра такая, а потом безнадежно махнул рукой, снял телефонную трубку и начал звонить своим подчиненным, задавать им этот самый вопрос. И поднялся на ноги весь институт: от учебных мужей со степенями и званиями до младших научных сотрудников и лаборантов. Каждый хотел отличиться и усиленно вспоминал, какие же игры существуют в человеческом обществе. И летели по телефону в директорский кабинет различные ответы, но ни один из них не подходил. Директор становился все мрачнее, а это значило — не жди хорошего. Одни за другим собирались к нему в кабинет учёные мужи, вздыхают сокрушенно: дожили, нечего сказать! Директор на них и смотреть не хочет, в раздражении шагает из угла в угол, готов разбить телефонную трубку о чью-нибудь бездарную голову.

Глянул он в открытое окно и вдруг заметил на тротуаре мальчика в коротких штанишках, который стрелял из рогатки по воробьям. И уже через пять минут исполнительные сотрудники доставили этого мальчика в директорский кабинет.

— Садись, — предложил директор и указал на диван.

Мальчик покорно сел. Он думал, что его будут ругать за рогатку, и очень удивился, когда лысый дядя в белом халате протянул ему апельсин и ласково спросил:

— Ты любишь играть?

— Люблю, — неуверенно ответил мальчик, ожидая какого-нибудь подвоха.

Но никакого подвоха не было. Лысый дядя начальник помог даже апельсин от кожуры очистить, и другие дяди в белых халатах тоже из сибирякса ругаться. Мальчик постепенно освоился и заговорил свободно. Да, он знает разные игры, например, в воину, в прятки, в жмурки, в салочки. И другие есть игры — кому кому нравится.

— Все не то, — сказал директор. — Это мы и без тебя знаем.

Разговор продолжился, но апельсинов больше не было, и мальчику стало уже неинтересно отвечать на вопросы. А директор, человек

целеустремленный и одержимый, непременно хотел разделаться с кроссвордом, иначе у него весь день будет испорчен.

— Ну, испомни еще какую-нибудь игру, — приставал он к мальчику.

И мальчик неохотно вспоминал.

— Например, гляделки...

— А еще?

— Можно играть в фантики.

— А еще?

— А еще есть чехарда.

Учёные мужи даже зааплодировали от восторга: наконец-то найден долгожданный ответ! Директор тоже просиял и ласково произнес:

— Ты в каком классе-то?

— Во втором, — ответил мальчик.

— Телефон-то дома есть?

— В 2-17-48, — ответил мальчик.

Директор записал.

— Ну, будь здоров, друг, — сказал он. — Я тебе в случае чего позвоню... А ты тоже заходи... Прямо ко мне... Не стесняйся...

Когда мальчик ушел, директор вызвал к себе начальника отдела кадров.

— Вы этого мальчика держите на примете, — сказала она. — Лет через двенадцать будет для нас очень ценный сотрудником!..

И директор заперся в своем кабинете.

Подсказанное слово «чехарда» помогло ему вспомнить последнее неразгаданное слово «Ничего не делающий человек». Десять букв. Вторая буква «е». Ура! «Бездельник»!

Теперь можно было приняться за головоломку с разъединением двух колец.

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

ЭПИГРАММЫ

ЕМУ БЫЛО НЕКОГДА

*Увидел Тит,
как хулиган окно разбил.
Кого-то осыпал гнилой бранью...*

*Тут не вмешался: он спешил
На комсомольское собрание.*

ЖУТКИЙ СЛУЧАЙ

Он шел к возлюбленной,
показался ей готовый
В любви и верности.
Но жизнь подчас хуяра!
Он, встретив девушки,
не мог сказать ни слова
О том,
что сформулировал вчера.
Стоял он перед ней
растерянный и жалкий...
В карманах рымся...
Где же тот листок?..
Он где-то потерял шпаргалку.
А без нее он выступать не мог,

ПЫЛЕСОС • ПЫЛЕСОС •

ПЫЛЕСОС • ПЫЛЕСОС • ПЫЛЕСОС • ПЫЛЕСОС • ПЫЛЕСОС • ПЫЛЕСОС • ПЫЛЕСОС

B H O M E P E :

С. МАРШАК	Умные вещи. Сказка-комедия	2
Виктор БОКОВ.	Объяснение с землей. Девятый этаж. Снегири.	28
Сын. Кто ты, девушка, раскосый? Отказ. Обида. Стихи	30	
Владимир ДАГУРОВ.	Балалайка. Иванушка-дурачок. Стихи	31
Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ.	Бабы. Сто сорок пятая верста. Стихи	32
Николай ДОРИЗО.	Ровесники Победы. Ромашки. «Я держу на руках годовалого немца!». Номер «Волгн». «Всё знаю смешинки лица твоего!». «Что такое Неаполь!». «Крым существует для солнца!». Песенка. Стихи	35
Лев ФИЛАТОВ.	Серебро. Рассказ	39
Алексей КОРОБИЦИН.	Тайна музея восковых фигур. Повесть. (Продолжение)	54
Людмила АРХИПОВА.	Дом в Марьинао. Очерк	54
К нашей вкладке		
Н. РУДИН.	Музей Н. А. ЯРОШЕНКО	65
Бруно ПОНТЕКОРВО.	Не теряйте золотого времени! (Статья написана по просьбе «Юности»)	66
Станислав РАССАДИН.	Постоянная прописка	69
Борис ДУБРОВИН.	Колодец на заставе. Землетрясение. Земляника. (Из цикла «Океанская земля»). Стихи	75
Среди книг		76—77
Всесоюзная читательская конференция		
Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ.	Во имя поэзии	78
Рассказы о настоящих людях		
Р. МУСТАФИН.	Шаги Валентина Зеленина	82
Евгений ГИНЗБУРГ.	Студенты. Очерк	85
Т. ЦЯВЛОВСКАЯ.	Рисунки Пушкина	91
Заметки и корреспонденции		
Юрий ЧЕРНОВ.	Приятного аппетита! Н. КООЛЬ. История одной песни. Выставка, каких не было. Алла ГЕРБЕР. «Начинающие менестрели». Алла ЛАРКИНА. Первые медали белой «Ромашки»	97—104
Спорт		
Андрей СТАРОСТИН.	«ПОЧЕМУ?»—спрашивает болельщик...	105
Пылесос (Страницы сатиры и юмора под редакцией Арк. АРКАНОВА)		
Б. СУХАРЕВСКИЙ.	Тоже способ. В. КОСТЫРИН. Мудреный вопрос. Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ. Эпиграммы	109—111
Памяти Самуила Яковлевича МАРШАКА		
На 1-й и 4-й страницах обложки — гравюра В. ПИТЕВА.		
На 3-й странице обложки — один из последних портретов С. Я. МАРШАКА. Фото А. Лесса.		

ПОПРАВКА

В журнале «Юность» № 6 в отделе «Пылесос» в миниатюре «Из народных усмешек» ошибочно указан автор Ф. Самойлович.

Художественный редактор
Ю. Чижевский.

Технический редактор
Л. Злобина

Адрес редакции: Москва, Г-69, ул. Воровского, 52. Телефон Д 5-17-83.
Рукописи не возвращаются.

А 00726. Подп. к печ. 27/VII 1964 г. Тираж 1 025 000 экз. Изд. № 1371.
Замет. № 1737. Формат бумаги 84×108^{1/16}. Бум. л. 3,63. Печ. л. 11,89.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Самуил Яковлевич МАРШАК

Ушел от нас Самуил Яковлевич Маршак. Ясный его талант был и будет частью нашей жизни. Все мы росли с Маршаком. Едва мир начал открываться перед каждым из нас, как приходили и навсегда оставались с нами умные, добрые друзья — лучистые строки Маршака. И так — поколение за поколением. Мы, а потом дети наши запоминали и будут долго еще запоминать его стихи, веселые и мудрые. Советские люди любили и никогда не разлюбят Маршака — поэта, сказочника, драматурга. Мы взрослели и брали с полки томики переводов Шекспира, Бернса и других поэтов человечества. С нами говорил гордый бедняк, и мы повторяли его слова: «При всем при том, при всем при том, пускай бедны мы с вами, богатство — штамп на золотом, а золотой — мы сами!». С нами беседовал Человек Возрождения, и легкая строгость его сонетов была нам мила и понятна, потому что переводчиком, облегчившим эту беседу, был Самуил Яковлевич Маршак.

С годами мы открывали для себя лирику Маршака, прозрачную, отточенную, впитавшую нелегкий опыт жизни, но оставшуюся светлой, словно детство. И в радостный и в суровый для отечества час Маршак был бойцом, мастером политической эпиграммы, злободневного отклика, стихотворного призыва. Газетные полосы принимали на вооружение стихи поэта-гражданина.

Многие из нас — десятки тысяч! — писали Маршаку письма. Чудесные ответы Маршака приносил знаменитый неугомонный почтальон, воспетый Самуилом Яковлевичем. Многие из нас испытывали счастье личных встреч с поэтом: какой кладезь познаний, вездесущего ума и доброты открывался нам при каждой встрече! Кто не помнит этого маршаковского «голубчика», его внимательных глаз и тревожного кашля...

Маршак трудился до конца. В этом номере «Юности» публикуется пьеса Маршака «Умные вещи», над которой поэт работал последнее время. За день до смерти он еще звонил в редакцию, сообщая дополнительные поправки к тексту; Маршак всегда совершенствовал свои произведения, пока это было возможно... Он умер, как боец, не выпуская из рук своего оружия.

При имени Маршака мы думаем о великой русской культуре, о непрекращающейся классической традиции, которую Маршак, один из патриархов советской поэзии, достойно воплощал в своем творчестве. Поэт знал цену слову и берег его, подавая пример выскательности и призыва к взыскательности молодых. Сколько литературных «птенцов» взлетело из-под отеческого маршаковского крыла! Книга его статей называется точно и ответственно — «Воспитание словом». Так понимал он долг художника.

Самуил Яковлевич был с «Юностью» со дня ее основания, мы гордились тем, что Маршак — член редколлегии «Юности». И горько нам думать сегодня, что счастье работать с Маршаком уже позади. С нами остаются его книги, весь жар его таланта, пример его неутомимой и неутолимой творческой жизни. Он с нами. Пoэты не умирают.

Редакция журнала «ЮНОСТЬ»

Цена 40 коп.

Главный редактор Б. Н. ПОЛЕВОЙ.

Зам. главного редактора С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

Редакционная коллегия: В. П. АКСЕНОВ, В. Н. ГОРЯЕВ,
Е. А. ЕВТУШЕНКО, Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ (отв. секретарь), **С. Я. МАРШАК**,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. С. РОЗОВ.

Индекс
71120.